

ТАДЖИКСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

Мамадазимов Абдугани Мамадрахимович

**ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ШЕЛКОВОЙ ДИПЛОМАТИИ И
ПРОБЛЕМЫ ЕЕ ПЕРИОДИЗАЦИИ.**

Диссертация
на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Специальность: 5.6.7. – История международных
отношений и внешней политики (исторические науки)

Научный консультант
доктор исторических наук,
профессор зарубежного регионоведения и внешней политики
Российско-Таджикского (славянского) университета
Майтдинова Гузель Майтдиновна

Душанбе-2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	4
ГЛАВА I. Теоретические основы формирования шелковой дипломатии.	29
1.1. Особенности формирования «дарственной дипломатии» и ее проявления в дипломатической практике древнего мира.....	29
1.2. «Дарственная дипломатия» в межгосударственных отношениях предков таджикского, китайского и степных народов.	42
1.3. Объективные предпосылки превращения «дарственной дипломатии» в шелковую дипломатию.....	65
ГЛАВА II. Роль империй древности в формировании шелковой дипломатии в I-VI вв.	83
2.1. Отношение древних народов и государств Центральной Азии и Среднего Востока к шелковой дипломатии в I-VI вв.....	85
2.2. Роль Китая в продвижении шелковой дипломатии в древнем мире в I-VI вв.	113
2.3. Постепенное привлечение Римской/Византийской империй к шелковой дипломатии в I-VI вв.....	143
Глава III. Особенности реализации шелковой дипломатии в раннем средневековье (VII-XI вв.).....	179
3.1. Арабский халифат и его отношение к шелковой дипломатии (VII-IX вв).	179
3.2. Роль государственных образований Центральной Азии в поддержании шелковой дипломатии (IX- XVI вв.).	209
3.3. Усовершенствование шелковой дипломатии со стороны Танской империи Китая (VII- X вв.).....	225
Глава IV. Объективные причины кризиса шелковой дипломатии в позднем средневековье (X-XV вв.).....	241
4.1. Игнорирование ценностей шелковой дипломатии со стороны новых степных империй (X-XV вв.).	242

4.2. Внедрение новых типов торговой дипломатии со стороны европейских морских держав.	253
4.3. Сокращение дальних торгово- дипломатических связей согдийцев в сухопутных маршрутах (X-XV вв.).	268
Заключение.	285
Список использованных источников и литературы.	292

Введение.

Актуальность темы диссертационного исследования

обуславливается, тем, что современная система международных отношений характеризуется глубокой трансформацией, усилением региональных связей, возрастанием значения дипломатии «мягкой силы» и переосмыслением исторических форм межгосударственного взаимодействия. На этом фоне особую научную значимость приобретает изучение глубоких исторических корней дипломатической практики Евразии, где на протяжении нескольких тысячелетий формировались и эволюционировали уникальные модели международного общения, основанные на обмене дарами, ритуализированных практиках и устойчивых каналах культурно-торговой коммуникации. Одним из наиболее значимых исторических феноменов в этом контексте является шелковая дипломатия — специфический тип межгосударственных отношений, оформившийся на основе традиций «дарственной политики» древних обществ и обеспечивший функционирование трансконтинентальных связей на протяжении полутора тысячелетий. Согласно сообщениям из «Шахнаме», легендарные государственные образования предков таджиков (Пешдадида и Кеянида), как и последующие Ахемениды, также практиковали «дарственную дипломатию», когда одаривали золотые и серебряные украшения, скакуны и другие предметы роскоши¹. В более поздний период, все участники обмена дарами, где шелк постепенно вытеснил в межгосударственных связях многие товары повседневного и роскошного потребления (золото, скакуны, дорогая одежда и многое другое), были обязаны соблюдать определенные дипломатические процедуры и церемониал. В условиях, когда еще не полностью сформировались устойчивые дипломатические процедуры и церемониал, был необходим такие общественные отношения, которые поддерживали регулярные контакты между архаичными или античными государственными образованиями. По мнению европейских антропологов,

¹ Фирдоуси А. Шах-наме. /Перевод с фарси. Техрон, 1379. -С. 71-74.

изучавших феномен «дара» (Мосс, Гodelье и др.), дарственная политика выполняла эту роль, так как дарение, по их мнению, — это взаимосвязь трех обязанностей: *обязанности подарить, обязанности получить, принять и обязанности однажды вернуть то, что было принято*¹. При этом они делают акцент последним из этих трех составляющих — *на обязанности вернуть*², которому кроме правовой и экономической нормы, добавить «религиозное» измерение. Становление указанных триадных отношений в архаических обществах и первые этапы их институционализации во внутривластной сфере способствовали переходу дарственных практик в плоскость межгосударственного взаимодействия. Дарение как политико-дипломатический инструмент использовалось для укрепления дружественных или стабильно функциональных отношений между ранними государствами, что позволяет рассматривать «дарственную политику» как один из первичных исторических прототипов дипломатии. Процесс формирования ранних государственных образований сопровождался ростом социального спроса на престижные предметы роскоши, основной потребитель которой — правящая элита — выступала одним из ключевых факторов развития внешней торговли и внешнеполитических контактов. Централизация государства в древнем Китае, завершившаяся к концу II века до н.э., привела к институциональному оформлению шелка как ключевого товара «дарственной дипломатии». В этот период Китай установил контакты с западными территориями, населенными восточноиранскими племенами и включавшими такие государства, как Бактрия, Согд, Фергана, Усунь, Парфия и др. Наличие устойчивых дарственных практик между государственными образованиями восточноиранского мира и Китаем стало основой для формирования долговременных дипломатических связей, вывело Китай из традиционной изолированности и обеспечило переход дарственной дипломатии в шелковую.

¹ Цит по Гodelье М. Загадка дара /пер. с франц. — М.: Вост. лит., 2007. -С.13.

² Там же. -С.17.

Становление указанных триадных отношений в архаических обществах и первые этапы их институционализации во внутривнутриполитической сфере способствовали переходу дарственных практик в плоскость межгосударственного взаимодействия. Шелковая дипломатия как исторический тип мировой дипломатии, постепенно расширявшийся с включением западных империй — Римской и позднее Византийской, — в течение примерно полутора тысячелетий (до эпохи Великих географических открытий) сохраняла доминирующее значение в системе международных отношений Евразии. Дарение как политико-дипломатический инструмент использовалось для укрепления дружественных или стабильно функциональных отношений между ранними государствами, что позволяет рассматривать «дарственную политику» как один из первичных исторических прототипов дипломатии.

Обращение к традициям шелковой дипломатии и связанных с ней механизмов трансконтинентальной торговли приобретает особую актуальность на современном этапе, когда наблюдается процесс институционального укрепления внешнеполитических систем государств Центральной Азии. Приобретение Республикой Таджикистан политического суверенитета стало важнейшим фактором формирования новой геополитической и геоэкономической конфигурации центральноазиатского региона. В условиях возникновения пяти независимых государств прежние внутрисоюзные связи трансформировались в межгосударственные отношения, что потребовало пересмотра и обновления всей системы дипломатических практик. Актуализировались задачи укрепления государственного суверенитета новых государств региона, включая Республику Таджикистан, а также задачи восстановления исторической памяти и переоценки традиций межгосударственного и междивилизационного взаимодействия. Несмотря на большое количество исследований, посвящённых отдельным аспектам Великого шелкового пути, проблематика шелковой дипломатии как целостного исторического типа

дипломатии до настоящего времени не получила в науке системного и концептуального изучения. В имеющихся работах отсутствует комплексный анализ происхождения, институционального оформления, механизмов функционирования и кризиса данного явления, что приводит к фрагментарности представлений о его месте и роли в эволюции международных отношений Евразии. Накопленный к началу XXI века широкий комплекс исторических источников требует научного анализа и систематизации в контексте процессов восстановления и развития дипломатической практики новых государств региона. Изучение наследия «дарственной дипломатии», преобразовавшейся к началу нашей эры в шелковую дипломатию, является актуальным направлением для Республики Таджикистан как государства с древней культурно-исторической традицией, обладающего богатым опытом мирного сосуществования и внешнеполитических коммуникаций.

Целью диссертационного исследования является комплексное изучение истории возникновения и развития шелковой дипломатии как специфического типа межгосударственных отношений Евразии, выявление её сущностных характеристик, определяющих факторов, механизмов функционирования, а также разработка научно обоснованной периодизации данного исторического феномена от его истоков до кризиса в эпоху Великих географических открытий. Поставленная цель предполагает выявление закономерностей трансформации «дарственной политики» архаичных обществ в институционализированную форму дипломатии, обеспечившую многовековое функционирование трансконтинентальных связей между государствами Центральной и Западной Азии, Китаем, Римской – Византийской империями.

Для достижения поставленной цели в диссертации решается комплекс **следующих исследовательских задач:**

- раскрыть специфику формирования «дарственной дипломатии» как исходной формы межгосударственных контактов древнего мира.

- проанализировать практику дарственной дипломатии в международных отношениях предков таджикского народа, древнего Китая и степных народов Евразии.

- выявить объективные предпосылки трансформации дарственной дипломатии в шелковую, определить политические, экономические, культурные и ментальные факторы данного процесса.

- определить отношение народов и государств Центральной Азии, Западной Азии и Китая к новым формам трансконтинентального дипломатического взаимодействия.

- охарактеризовать роль древнего Китая в продвижении и институциональном оформлении шелковой дипломатии.

- исследовать включение Римской и Византийской империй в трансконтинентальные дипломатические процессы.

- проанализировать позицию и участие Арабского халифата в развитии шелковой дипломатии.

- выявить вклад Бактрии, Согда, Ферганы, Хорезма и др. в поддержание и расширение дипломатических и торговых коммуникаций.

- определить эволюцию и модернизацию шелковой дипломатии в период Танской империи.

- рассмотреть причины отказа новых степных империй от традиций шелковой дипломатии и связанные с этим изменения в международных отношениях.

- проанализировать возникновение новых типов торговой дипломатии со стороны европейских морских держав.

- выявить причины кризиса и прекращения функционирования сухопутных маршрутов шелковой дипломатии в конце XV века.

- разработать научно обоснованную периодизацию шелковой дипломатии, выделить и охарактеризовать её основные этапы

Объектом исследования выступает шелковая дипломатия как исторический тип дипломатии, сформировавшийся в рамках евразийского

ареала Великого шелкового пути и представляющий собой устойчивую систему политико-дипломатических, экономических, ритуально-символических и культурных практик, направленных на поддержание межгосударственных отношений в древности и средневековье.

Предметом исследования являются процесс возникновения шелковой дипломатии на основе традиций дарственной политики, а также её структурные элементы и механизмы функционирования. Кроме того, в работе рассматриваются формы и инструменты межгосударственного взаимодействия, основанные на обмене дарами, политико-экономических мотивах и ритуализированном дипломатическом протоколе, основные этапы развития и периодизации шелковой дипломатии в древнем и средневековом мире.

Степень научной разработанности проблемы. Проблема возникновения, эволюции и периодизации шелковой дипломатии относится к числу комплексных и междисциплинарных тем, развитие которых происходило фрагментарно в рамках востоковедения, иранистики, синологии, антиковедения, средневековых исследований, дипломатии и теории международных отношений. Научная литература содержит обширный фактический материал, но не предлагает теоретически завершённой концепции происхождения, структуры, динамики и периодизации шелковой дипломатии. Несмотря на значительный массив трудов по истории цивилизаций Евразии, Великого шелкового пути и дипломатии древности, целостного, концептуально выстроенного исследования шелковой дипломатии как самостоятельного исторического типа дипломатии до настоящего времени не было. Представляемая диссертация восполняет данный пробел, вводя в научный оборот комплексный подход к изучению шелковой дипломатии как уникального исторического типа международных отношений Евразии. Научная разработанность проблемы может быть системно охарактеризована по нескольким направлениям.

За более 200 –летней истории исследования различных сторон истории и культуры Великого шелкового пути, начавший с исторического труда немецкого исследователя Фердинанда фон Рихтгофен «Китай», опубликованного в 1877 года в Германии¹, а также непосредственного описания предыстории и непосредственной истории налаживания и расширения торговых связей древнего Китая с западными странами, где шелк играл доминирующей роли, восходящей к II в. до н.э., накопилась огромный перечень литературы. К настоящему времени имеется значительное количество научных исследований, отражающих отдельные аспекты развития древней и средневековой дипломатии, однако отсутствует обобщающая работа по истории шелковой дипломатии и тесно связанной с ней Великого шелкового пути.

Вес огромный комплекс накопленной литературы по исследуемой теме можно подразделить на следующие группы:

В первую группу относятся труды отечественных авторов Б. Г. Гафуров², Б. А. Литвинский³, Н. Ньматов⁴, Н. М. Мирзоев⁵, Г. М. Майтдинова⁶, Р. К. Алимов⁷, С. Тиллоев⁸, анализирующие торгово-экономических, культурно-исторические и политико-дипломатические связи таджикского народа и его предков с окружающим миром, включая по

¹Рихтгофен Фердинанд. «Китай. Результаты собственных путешествий.» 5 томов. 1877—1911 гг.

²Гафуров. Б. Г. Таджики. Кн.1. -Душанбе, «Ирфон», 1989, – 384 с.; Он же Таджики. Кн.2. -Душанбе, «Ирфон», 1989, – 480 с.; Он же Кушанская эпоха и мировая цивилизация // Центральная Азия в кушанскую эпоху. – М. 1972. с. 61-71.

³Литвинский Б.А. Введение/ Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье.- М. «Наука», 1988. -С. 3-9.

⁴Ньматов Н. Государство Саманидов.-Душанбе, 1998, «Дониш»

⁵Мирзоев Н.М., Гулчонов А. Таърихи муносибатҳои байналхалки. -Душанбе, 2010, «Сино».

⁶Майтдинова Г.М. Государство Кирпанд- империя в Сердинной Азии (II- нач. VIII в.)- Душанбе, 2011,-135 с.; Она же Роль Кирпанда в развитии цивилизаций Центральной Азии // Мат-лы Междунар.научн. конф. «Цивилизационный фактор на Среднем Востоке: опыт исторического взаимодействия.- Душанбе, 2007. - С.177-187; Она же. Диалог цивилизаций в центральноазиатском ареале Великого Шелкового пути: исторический опыт интеграции и ориентиры XXI века.-Душанбе,2015, 288 с; Она же Майтдинова Г.М. Ли Вэнгэ. Геополитика и геоэкономика сопряжения НСР-2030 Таджикистана и китайской инициативы «Один пояс — один путь. — СПб.: Нестор-История, 2025. - 376 с.

⁷Алимов Р. Таджикистан и Китай. Диалог культур.-Пекин, «Жэньминь Жибао», 2013,-198 с.

⁸Тиллоев С.Формирование городов Таджикистана на Великом Шелковом пути. Душанбе, 2010, 340 с.

маршруту Великого шелкового пути. При изучении данной тематики серьезным подспорьем является коллективная монография «Таджикистан и Китай: от истории дружбы к стратегическому партнерству»¹, выполненная коллективом отечественных исследователей.

Во вторую группу входят научные изыскания современных ученых региона Центральной Азии как А. К. Акишев², Э. Ртвеладзе³, Г. Г. Абаева⁴, А.К. Камалов⁵, рассматривающих торгово-дипломатическое и культурно-идеологическое связи народов центральноазиатского региона с сопредельными (особенно, с Китаем) и отдаленными регионами мира (Византией, мусульманской Испанией и др.) в древности и средневековья;

Труды **российской научной школы** являются одними из самых обширных трудов, которые изучались в ходе диссертационной работы. Российских (включая и советского периода) исследователей тематики можно подразделять на несколько подгрупп:

В первую группу входят российские историки (В. В. Бартольд⁶, М. И. Артамонов⁷, И.В. Артемов⁸, Е. В. Антонова⁹, К.З. Ашрафян¹⁰, А.Н. Бернштам¹¹, В.А. Богословский¹², С.Н. Гончаров¹³, Л.Н. Гумилев¹, С.Г.

¹ Таджикистан и Китай: от исторической дружбы к стратегическому партнерству. – Душанбе, «Эр-Граф», 2019, -391с.

² Акишев К.А. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. -М. «Искусство», 1978. -142 с.

³ Ртвеладзе Э.В. Великий шелковый путь.- Ташкент, Узбекская национальная энциклопедия, 1999, - 280 с.; Он же Цивилизации, государства, культуры Центральной Азии. Ташкент, 2008. -С.143-153.

⁴ Абаева Г.Г. К вопросу о главенстве Бадахшана на «шелковой дороге» в раннем и позднем средневековье // IV Всесоюзная конференция востоковедов «Восток: прошлое и будущее народов». –М. 1991.

⁵ Камалов А. К. Тюрки и иранцы в Танской империи / Отв. ред. Б.Е. Кумекоев. Алматы: ИД «МИР», 2017. - 384 с.

⁶ Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. -Л. Изд. АН СССР. 1927, -256 с.

⁷ Артамонов М. И. История хазар. –Л. Изд. Гос. Эрмитажа. 1962. -522 с.

⁸ Артемов И.В. Средняя Азия в III-XIII вв.// История Востока. Т. II.-М.: «Вост.лит.», 1995. -С. 261-268.

⁹ Антонова Е. В. Сельское хозяйство. // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье.- М. Вост. лит., 1995. -С. 103-104.

¹⁰ Ашрафян К.З. Тимур и Тимуриды в Средней Азии.// История Востока. Т.II.-М., Вост. лит., 1995. -С. 443-451.

¹¹ Бернштам А. Н. Проблемы истории Восточного Туркестана //Вестник древней истории. 1947 № 2. -С.51-71.

¹² Богословский В. А. Очерк истории тибетского народа. – М. «Наука», 1962, -192 с.

¹³ Гончаров С.Н. Китайская средневековая дипломатия: отношения между Цзинь и Сун (1127-1142). – М., «Наука», 1986. – 291 с.

Кляшторный², П.К. Коковцев³, В.П. Потемкин⁴, И.В. Пьянков⁵ и др.), рассматривающие общественно-политического и культурно-исторического развития народов и стран, расположенных вдоль трассы или вблизи Великого шелкового пути, развитие их взаимодействия с окружающим миром в исследуемый период;

Вторую подгруппу российской научной школы составляют труды таких ученых-востоковедов как О. Г. Большаков⁶, Г. М. Бонгард-Левин⁷, Д.И. Бураев⁸, М. И. Воробьева-Десятовская⁹, Б.И. Вайнберг¹⁰, Б. Ставиский¹¹, М.И. Дьяконов¹², М.М. Дьяконов¹³, А.Н. Зелинский¹⁴, И.А. Иванов¹⁵, А.Ш. Кадырбаев¹⁶, Б.И. Кузнецов¹⁷, Е.И. Кычанов¹, И.В.Рак², Л.И.Чугуевский³, Т.А.

¹ Гумилев Л.Н. Этносфера: история людей и история природы. -М.: Экопрос, 1993.-544с; Он же Величие и падение древнего Тибета // Страны и народы Востока. Вып. 8.- М. «Наука», 1969. -С. 153-174; Он же Древняя Русь и Великая степь. -М.: «Мысль», 1992. -781 с.

² Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники – М.: «Наука», 1964, -210с; Он же Государства и народы Евразийских степей. – СПб, 2004.; Он же Проблемы ранней государственности у кочевников Центральной Азии. // Тангуты и Центральная Азия: материалы международной конференции. –М., Вост. лит., 2012. -С. 81-86; Он же История Центральной Азии и памятники рунического письма. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003. -560 с.

³ Коковцев П. К. Еврейско-хазарская переписка в X веке – Л., Изд. АН СССР, 1932, -134с.

⁴ История дипломатии. Т.1. под редакцией В.П. Потемкина. - М.: ОГИЗ, 1941, -566с.; История дипломатии. Т.П. под редакцией В.П. Потемкина. - М.: ОГИЗ, 1945, -424с.; История дипломатии. Т.1. под редакцией В.П. Потемкина. - М.: ОГИЗ, 1945, -883 с.

⁵ Пьянков И. В. Великий шелковый путь от Гиераполя в Серику (среднеазиатский участок) по Птолемею. // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Т.1.Очерки, истории. –М. «Наука», 1988, с 212-222.

⁶ Большаков О. Г. Ранний ислам // История Востока. Т.П. -М.: «Вост. лит-ра», 1995. -С. 103 -113; Он же: Распад Аббасидского халифата // История Востока. Т.П. -М.: «Вост. лит-ра», 1995. -С. 222 -225; Он же: К истории Таласской битвы (751 г.)// Страны и народы Востока. Вып. XXII.-М.: «Наука», 1980. с. 132-136.

⁷ Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А. От Скифии до Индии. Древние арии: мифы и история. - СПб: Алетей, 2001.-224 с.

⁸ Бураев Д. И. Религия бон. Проблемы происхождения и роли в становлении тибетского государства VII-IX веков. Улан Удэ. 1998. -157 с.

⁹ Воробьева- Десятовская М. И. Хотано- саки // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Т.2. –М.: «Наука», 1992.

¹⁰ Вайнберг Б. И. Монеты древнего Хорезма –М.: «Наука», 1977, - 204 с.

¹¹ Ставиский Б.Я. О северных границах Кушанского государства // Вестник древней истории. 1961 № 1. - С.108-114.

¹² Дьяконов И. М., Янковский Н. Б., Новоассирийская держава // Т.1. Восток в древности. - М., Вост. лит. 2009. -С. 230-245.

¹³ Дьяконов М. М. У истоков древней культуры Таджикистана. Сталинабад, Таджикгосиздат, 1956. -143 с.

¹⁴ Зелинский А.Н. Древние пути Памира// Страны и народы Востока. Вып. III. -М.: «Наука», 1964. -С. 99-108.

¹⁵ Иванов И.А. Упадок Востока и установление мировой гегемонии Западной Европы// Восток 1994 №4. -С. 5-18.

¹⁶ Кадырбаев А.Ш. Тюрки и иранцы в Китае и Центральной Азии XIII –XIV вв. –А.-А.: Гылым, 1990 – 160 с.

¹⁷ Кузнецов Б.И. Культурные связи Памира с Тибетом // Страны и народы Востока. Вып. 16.- М. «Наука», 1975. -С. 299.

Шумовский⁴, В.М. Штейн⁵, И.В. Яценко⁶, анализирующие различные аспекты жизнедеятельности общества и стран, расположенных вдоль трасс Великого шелкового пути, различные аспекты их взаимосвязей с внешним миром;

Третью подгруппу российской научной школы составляют синологи как Иакинф Бичурин⁷, В.С. Таскин⁸, Л.С. Васильев⁹, В.А. Вельгус¹⁰, М.В. Воробьев¹¹, Л. А. Боровкова¹², М. Е. Кравцова¹³, Ю. Л. Кроль¹⁴, В. М. Крюков¹⁵, А.Г. Малявкин¹⁶, В.С. Мясников¹⁷, Т.В. Степугина¹⁸, исследующие историю развития древнего Китая, особенности межгосударственных

¹Кычанов Е. И., Савицкий Л.С. Люди и боги страны снегов. Очерк истории Тибета и его культуры. –М.: 1975. -С.199; Он же: История Тибета с древнейших времен до наших дней. –М.: «Восточная лит-ра», 2005. - 351с; Он же История Тангутского государства. –СПб, СПбГУ, 2008, -767 с; Он же Завоевательные войны Чингиз-хана. // История Востока. Т. 2. –М.: Вост. лит. 1995. С. 375-384.

²Рак И. В. Мифы древнего и раннесредневекового Ирана. - СПб- М.:1998

³Чугуевский Л.И. Новые материалы к истории согдийской колонии в районе Дуньхуана // Страны и народы Востока. Вып. Ч.-М.: «Наука», 1971. -С. 147- 157.

⁴Шумовский Т.А. Арабское мореплавание в пору ислама// Страны и народы Востока. Вып. 1959. -С. 142-163.

⁵Штейн В.М. Из истории отношений между Китаем и Индией // Советское востоковедение. 1957 №6. с.65-73.

⁶Яценко И. В., Раевский Д.С. Некоторые аспекты состояния скифской проблемы// Народы Азии и Африки, 1980 № 5. -С. 102-130.

⁷Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т.1.- М.; - Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. -471с; Он же Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т.П.- М.; - Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. -302 с.

⁸Таскин В.С.Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Вып.1. / Пер. и прим. М., Наука. 1968. -177 с.

⁹Васильев Л. С. Древний Китай. Т.1. –М.: Вост. лит, 1995, -378 с.

¹⁰Вельгус В.А. Средневековый Китай. -М.: «Наука», 1987, -202 с.; Он же Известия о странах Африки и морские связи в бассейнах Тихого и Индийского океанов. – М.: «Наука», 1978, -302 с.

¹¹Воробьев М. В. Чжурчжэньское государство Цзинь и Центральная Азия// Страны и народы Востока. Вып. XI. –М.: «Наука», 1971. с.31-42.

¹²Боровкова Л.А. Царства «Западного края» во II –I веках до н.э. – М. ИВ РАН. 2001,-368 с.

¹³Кравцова М. Е. «Жизнеописание Сына неба Му». Вопросы и ответы. // Петербургское востоковедение. Вып. 2, 1992. -С. 354- 378; Она же Кравцова М. Е. Традиционные и научные версии происхождения института верховной власти в Китае. / Процесс формирования официальной идеологии имперского Китая. – СПб.: Наука. 2012. С. 9-42.

¹⁴Кроль Ю.Л. «Рассуждения о соли и железе» Хуань Куаня как памятник диалога, сформировавшего государственную доктрину китайской империи. // Страны и народы Востока. Вып. XXIII.-М.: «Наука»,1982. С. 41-61.

¹⁵Крюков М. В. Восточный Туркестан в III в. до н.э.-VI в. н.э. // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье.- М. «Наука», 1988.; Он же Военные походы в системе социальных отношений древнекитайского общества конца 2- начала I тыс. до н.э. //XVI научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч.1. -М., «Наука», 1985. -С. 8-13; Он же Древние китайцы. Проблема этногенеза. -М.; «Наука», 1978.

¹⁶Малявкин А.Г. Уйгурские государства в IX-XII вв. – Новосибирск, «Наука», 1983, -297с.

¹⁷ Мясников В.С. Договорными статьями утвердили. -М.: РИО Мособлупрполиграфиздата,1996. -482 с.

¹⁸Степугина Т. В. Древнейший Китай. // История Востока. Т. 1. –М: Вост. лит. 2009. -С.192-212.

взаимоотношений древнекитайских государств между собой и другими народами, окружающих их. Авторы дают анализ объективных предпосылок к укреплению международных связей с сопредельными регионами, а также рассматривают эволюцию дипломатических сношений древнего и средневекового Китая с государствами, расположенных на трассах Великого шелкового пути;

В четвертую подгруппу российской научной школы входят лингвисты (В.И. Абаев¹, В.А. Лившиц² и др.), рассматривали ареал расселения восточноиранских народов в обширных регионах Евразии, их роль в налаживании и поддержания шелкового пути, вопросы их колонизации торговых путей, функционировавших до становления Великого шелкового пути.

В пятую подгруппу российской научной школы входят российские византинисты Ф.И. Успенский³, С.П. Карпов⁴, Н.В. Пигулевская⁵, К.В. Хвостова⁶, изучающие роль и место Византийской империи в истории шелкового пути, особенности проявления шелковой дипломатии в ее внешней политике и взаимодействиях с многочисленными племенами и народами, окружающих империю по всему ее периметру, а также становление нового вида торговых сношений со стороны ведущих морских

¹Абаев В.И. К вопросу о прародине и древнейших миграциях индоиранских народов// Древний Восток и античный мир. –М. МГУ., 1972; Он же: Антидэвовская надпись Ксеркса // Иранские языки. Труды Института языка и мышления АН СССР. Т.1. М.-Л., 1945. С.134-140.

²Согдийские документы с горы Муг. Выпуск II (Юридические документы и письма). Чтение, перевод и комментарии В. А. Лившица. — М., Издательство восточной литературы, 1962.

³Успенский Ф.И. История Византийской империи.VI-IX вв. -М.: «Мысль», 1999, -827 с.; Он же Движение народов из Центральной Азии в Европу// Византийский временник. Т. 1 (XXVI). – М. Изд. АН СССР,1947. - С. 9-28; Он же Морское и сухопутное движение народов из Центральной Азии в Европу и обратно в XIII-XIV вв.// Византийский временник. Т. II (XXVII). – М. Изд. АН СССР,1949. -С. 267-275.

⁴ Карпов С.П. Итальянская торговля в Трапезунде и ее воздействие на экономику поздневизантийского города //Византийский Временник, Т. 44. -М.: «Наука», 1986. -С. 81-87; Он же Некоторые вопросы внутренней торговли и торговой политики в Византии XIV –XV вв. //Византийский Временник, Т. 50. -М., «Наука,1989 с. 36- 46.

⁵Пигулевская Н. В. Византийская дипломатия и торговля шелком в V-VII вв. // Византийский Временник, Т. I (XXVI), -М., Изд. АН СССР, 1947. -С.184-214; Она же: К вопросу об организации и формах торговли и кредита в ранней Византии // Византийский Временник, Т. IV. -М., Изд. АН СССР,1951 с.84-90; Она же: Производство шелка в Византии и Ирана в IV в. // Византийский Временник, Т. X. -М., Изд. АН СССР,1956 с. 3-8.

⁶Хвостова К. В. Некоторые вопросы внутренней торговли и торговой политики в Византии XIV- XV вв. Византийский Временник, Т. 50. -М., «Наука, 1989 с. 36-46.

держав (Венеция, Генуя и др.) в морских просторах, расположенных в сфере влияния этой империи;

Шестая подгруппа российской научной школы составляют труды историков культуры как А. А. Иерусалимская¹, и Е. И. Лубо-Лесниченко², рассматривающие историю возникновения шелководства, шелкоткачества, технологию и качества изготовления шелковых материалов в древнем Китае и в Центральной Азии, а также вопросы их передачи по всему древнему и средневековому миру, ареала распространения и использования этого ценного материала в различных уголках мира;

Седьмой подгруппы российской научной школы составляет труды путешественников как Г. Е. Грумм-Гржимайло³, изучивший географию функционирования сухопутных маршрутов шелкового пути, историко-культурные оазисы, расположенные, вдоль этой мировой торговой дороги, торгово-колониционную активность различных народов и племен, а также другие аспекты рассматриваемой научной проблематики.

Зарубежная научная школа при анализе теоретических подходов к рассматриваемой научной тематике очень актуальна, так как изучен широкий пласт научной литературы на английском и немецком языках.

К первой подгруппе зарубежной научной школы относятся теоретические работы ведущих западных исследователей (Ж. Камбон⁴, Г. Никольсон⁵, Г. Киссинджер⁶, Э. Сэтоу⁷, М. Годелье⁸), анализирующие роль дара, обмена дарами, «дарственной дипломатии» в дипломатических сношениях государств древнего и средневекового мира;

¹Иерусалимская А.А. Кавказ на шелковом пути. Каталог выставки. - Л.1992, 18 с.

²Лубо- Лесниченко Е.И. Великий шелковый путь // Вопросы истории.1985, № 9. с. 88-100; Он же Китай на Шёлковом пути (Шёлк и внешние связи древнего и раннесредневекового Китая). -М.: «Восточная литература», 1994. -326 с.

³Грумм- Гржимайло Г.Е. М.: Государственное Издательство Географической литературы, 1948. - 696 с.

⁴Камбон Ж.Дипломат/ Пер. с франц.; / Пер. с англ.; примеч. Л.А. Сифуровой; вступит, ст. О.О. Хохлышевой. -М.: Научная книга, 2006, -352 с.

⁵Никольсон Г.Дипломатия/ Пер. с франц.; / Пер. с англ.; примеч. Л.А. Сифуровой; вступит, ст. О.О. Хохлышевой. - М.: Научная книга, 2006,- 352 с.

⁶Киссинджер Г. Дипломатия.-М.: «Ладомир», 1997,-848 с.

⁷Сэтоу Э. Руководство к дипломатическому протоколу.-М.: «Наука».2018,-480 с.,

⁸Годелье М. Загадка дара /пер. с франц. — М.: Вост. лит., 2007, -295 с.

Во вторую подгруппу зарубежной научной школы труды востоковедов как Э. Шефер¹, Р. Фрай², Маркварт³, Э. Пуллиблэнк⁴, М. Бойс⁵, Р. Гиршман⁶, С. Гойтейн⁷, Отто Мэнчен- Хэлфэн⁸, Б. Лауфер⁹, В. Зондерман¹⁰, Симс-Вильямс¹¹, изучивших различные отношения народов стран, расположенных вдоль Великого шелкового пути, особенно древнего и средневекового Китая, Согда, Бактрии, Хорезма, Ирана, Хафтруда, Великой степи и других;

Третью подгруппу зарубежной научной школы составляют историки Ж. –П. Ариньон¹², Г. Дебс¹³, Э. Н. Люттвак¹⁴, Ирена М. Франк¹⁵, М. А. Р. Колледж¹⁶, исследовавших общественно-политические процессы в государственных образованиях древности и средневековья, расположенных вдоль или вблизи прохождения торговых маршрутов Великого шелкового пути.

Четвертой подгруппы зарубежной научной школы составляют географы - путешественники Рихтгофен Ф.¹⁷, Стейн Хедин¹, Аурель Стейн²,

¹ Шефер Э.Х. Золотые персики Самарканда: Книга о чужеземных диковинах в империи Тан /Пер. с англ.; предисл. Л.Н. Меньшикова. - М.: Наука, 1981.-608 с .

² Фрай Р. Наследие Ирана. //Под ред. и с предисл. М. А. Дандамаева. Пер. с англ. В. А. Лившица и В. Е. Зеймаля. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Вост. лит., 2002. – 426 с.

³ Marquat J. Skizzen zur geschichliche Volkerkunde von Mitelasien und Sibirien//Ostasiatische Zeitschrift/1920/ Bd.8

⁴ Pulleyblank Edwin G. Central Asia and Non-Chinese Peoples of Ancient China. Aldershot, UK, and Burlington, VT, USA: Ashgate. 2002.

⁵ Бойс. М. Зороастрийцы. Верования и обычаи. -М.: «Наука», 1988. -303 с.

⁶ Гиршман Р. Кушаны и Иран// Центральная Азия в кушанскую эпоху. – М. 1972. с. 139-145.

⁷ Гойтейн С. Изменения на Ближнем Востоке (950-1150) в свете документов каирской генизы// Мусульманский мир (950-1150).- М.: «Наука», 1981, -312 с.

⁸ Maenchen-Helfen, Otto J. (1978). Die Welt der Hunnen: Eine Analyse ihrer historischen Dimension. Vienna, Cologne, and Graz: Hermann Böhlaus Nachf.

⁹ Laufer B. Sino-Iranica. Chicago.1919.

¹⁰ Sunderman W. Manii in India// Центральная Азия в кушанскую эпоху. – М. 1972. с. 153-156.

¹¹ Симс-Вильямс Н. Новые бактрийские документы // ВДИ, 1997, № 3. -С.3-10.

¹² Ариньон Ж. -П. Международные отношения Киевской Руси в середине X в. и крещение княгини Ольги //Византийский Временник, Т. 41. -М., «Наука,1980 с.113-124.

¹³ Дебс Г. Г. Военное соприкосновение между римлянами и китайцами в античное время// Вестник древней истории. 1946 № 2. -С.45-50.

¹⁴ Люттвак Э. Н. Стратегия Византийской империи. -М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. - 664 с.

¹⁵ The Silk Road: a History/ by Irene M. Franck and David M. Brownstone. 1986.

¹⁶ Малькольм А.Р. Колледж. Парфяне. Последователи пророка Заратуштры. - М.: Центрполиграф, 2004. -190 с.

¹⁷ Richthofen F. China.Bd.I, BRl. 1877.

исследовавших различные аспекты функционирования Великого шелкового пути, маршруты передвижения торговых караванов, специфику проявления древнекитайской традиционной дипломатии и ее модификацию, взаимоотношения различных стран, расположенных вдоль шелкового пути, их историко-культурные памятники и т.д.;

Анализ значительного количества научных источников отечественных, российских и зарубежных авторов свидетельствует о том, что связанной с тематикой шелковой дипломатии и связанной с ней истории Великого шелкового пути, показывает, что проблемы были предметом исследования мировой науки. Однако до настоящего времени в научной практике не уделено пристального внимания к изучению сущности шелковой дипломатии как отдельного исторического типа мировой дипломатии. По рассматриваемой тематике отсутствуют и обобщающие исследования шелковой дипломатии, игравшей ключевую роль в истории дипломатии государств Центральной Азии в древности и в средневековье. Между тем к настоящему времени накоплен значительный научный материал, которые требуют серьезной интерпретации и обобщения. В данной диссертационной работе исследованы особенности «дарственной дипломатии», на основе которой сформировалась шелковая дипломатия, ее структура, определялись этапы развития в обширной Евразии и в сопредельных регионах мира. Особое внимание уделено роли предков таджикского народа (бактрийцев, согдийцев и др.) наряду с китайцами, иранцами, византийцами и др.) в поддержании ее регулярного функционирования.

Источниковедческой базы исследования также составляет обширный перечень литературы античного мира и периода средневековья по всему маршруту реализации шелковой дипломатии и функционирования Великого шелкового пути, которых также можно разделить на следующие группы:

¹Свен Хедин (Гедин) В сердце Азии. Памир - Тибет - Восточный Туркестан. Путешествие в 1893–1897 годах. М.: Ломоносовъ, 2010, -528 с

²SteinA. Serindia, CXI.

В первую группу источниковедческой базы входят дворцовые хроники древнего Китая -Исторические записки (Ши цзи) Сыма Цяня¹, «Спор о соли и железе (Янь те лунь)» Хуань Куаня², описывающие отношения Поднебесной с окружающим ее миром, включая с кочевыми и оседлыми народами и племенами, живущими на северо-западе от них;

Второй подгруппы источниковедческой базы составляют труды античных авторов (Геродот³, Арриан⁴, Квинт Курций⁵, описывающих налаживание и поддержание торговых и дипломатических связей древних греков с восточными народами, включая вопросы ареала их расселения, образ жизни, общественных отношений, путей миграций и т.д.;

Третьей подгруппы источниковедческой базы составляют древнеиранская клинописная надпись (Бехистунская надпись Дария⁶, Накши Рустам, Накши Раджаб, Персепольская надпись Ксеркса⁷, содержащие, среди прочего, ценнейшую информацию об ареале расселения различных восточноиранских племен, практиковавших между народами «дарственной политики», которая в последующем трансформировалась в шелковую дипломатию.

В четвертую подгруппу источниковедческой базы входят историко-географические труды древнеримских авторов Страбон⁸, Псевдоарриан⁹, описывающие, среди прочего, сведения о взаимоотношениях древнего Рима (особенно, в имперский период) с различными народами Востока, включая борьбу за контроль над торговыми маршрутами и узловыми пунктами

¹ Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи)./ Пер. на рус.яз. Т. I-IX.-М.: «Наука», 1975- 2010.

² Хуань Куань. Спор о соли и железе (Янь те лунь)./ Пер. на рус.яз. с кит. Ю.Л. Кроль. Т. II -М.: «Восточная литература», 2001.

³ Геродот. История в девяти книгах. Пер. и прим. Г.А. Стратановского.-Л., 1972

⁴ Арриан, Флавий. Поход Александра. Пер. с древнегреч. М.Е. Сергеенко. М.-Л., 1962.

⁵ Курций Руф Квинт. История Александра Македонского. Сохранившиеся книги. Под ред. В.С. Соколова. М., 1963.

⁶ Дандамаев М.А. Иран при первых Ахеменидах (VI в. до н.э.)-М.: 1963

⁷ Абаев В.И. Антидэвовская надпись Ксеркса // Иранские языки. Труды Института языка и мышления АН СССР. Т.1. М.-Л., 1945. С.134-140.

⁸ Страбон. География в семнадцати книгах. Пер., статья и коммент. Г.А. Стратановского. Л. 1964. -944 с.

⁹ Псевдоарриан. Плавание вокруг Эретрейского моря// Вестник древней истории. 1940, №2. -С. 264-281.

торговли, а также описания всей трассы сухопутного и морского Великого шелкового пути и т. д.

Пятой подгруппы источниковедческой базы составляют исторические труды византийских историков Аммиан Марцеллин¹, Иордан², Прокопий Кесарийский³, Приск Панийский⁴, информирующие о периоде Великого переселения народов, торгово-дипломатических связях Византийской империи с народами древнего и средневекового мира

Шестой подгруппы источниковедческой базы входят древнетюркские письменные памятники -Бугутская надпись⁵, Орхонский памятник⁶, расшифрованные современными исследователями, дающие сведения о взаимоотношения Тюркского каганата с окружающим миром, особенно с китайцами и согдийцами, игравшие заметную роль в их военно-политической жизни и торгово-дипломатических связях;

Седьмой подгруппы источниковедческой базы составляют исторические труды ираноязычных мыслителей (Носири Хисрав⁷, А. Бируни⁸, А. Фирдоуси⁹, А. Балъами¹⁰ и др.), описывающие различные сферы торгово- дипломатических отношений обширной исламской уммы с остальным миром, включая с Китаем, Византией, Индией и другими странами;

В восьмую подгруппу источниковедческой базы входят труды средневековых арабских путешественников Ибн Хордадбех¹¹, Ибн Батута¹, Ибн Халдун²).

¹ Аммиан Марцеллин. Римская история.-М.: «Ладомир», 2000, -632 с.

² Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getica).- СПб, «Алтейя», 2000.

³ Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история.-М.: «Наука», 1998,-570 с; Прокопий Кесарийский. Война с готами. О постройках. -М.: АРктос-Вика пресс, 1996, -304 с;

⁴ Приск Панийский. Сказание. Рязань, «Александрия», 2005.

⁵ Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники. –М.: «Наука», 1964, -215с.

⁶ Кляшторный С. Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. — СПб., Филологический факультет СПбГУ, 2003. -560 с

⁷ Носири Хисроу. Избранное. - Душанбе. 1954.

⁸ Беруни А. Избранные произведения. Т. I. Памятники минувших поколений. Ташкент, 1957; Т.П. Индия. Ташкент. 1963.

⁹ Фирдоуси А. Шахнамэ. Критич. пекст. Т. I-IX. -М.: 1960-1971.

¹⁰ Балъами А. Таърихи Табари. - Душанбе. 2009.

¹¹ Ибн Хордадбех. Книга о путях и странах. /Перевод с арабского Н. Велихановой.-Баку «Элм», 1986, -428 с.

Девятой подгруппы источниковедческой базы составляют средневековые китайские хроники- Тан шу, историческая хроника династии Тан)³, дорожники китайских дипломатов Вендэ⁴ и труды буддийских паломников -«Записки о Западных странах» Сюань-цзяня⁵, описывающие взаимоотношения китайских императоров с зарубежными странами, включая вопросы брачной дипломатии, специфика приема западных купцов-дипломатов, дворцовый протокол, а также описания западных стран и образ жизни и деятельности их народов и т.д.

В десятую подгруппу источниковедческой базы входят географические труды средневековых европейских дипломатов и путешественников Марко Поло⁶, Гонсалес Руи Клавихо⁷, информирующих нас об общественно-политической жизни восточных народов, включая вопросы их взаимоотношения и соседними странами, посольский, торговый и культурный обмен между ними и т.д.;

Одиннадцатой подгруппы источниковедческой базы составляют тексты торговых соглашений (хрисовули⁸) ведущих морских держав средневековой Европы (Венеция, Генуя и др.) с государствами бассейна Черного моря (с Трапезундской империй и др.), переданных современными исследователями, регламентирующих различные стороны их торговых сношений с принимающей стороной, включая вопросы

¹ Ibn Battuta, Travels in Asia and Africa 1325-1354 / tr. and ed. H. A. R. Gibb. - London: Broadway House, 1929. - P. 43./

Ибрагимов Н. Ибн Баттута и его путешествия по Средней Азии. — М.: Наука (Главная редакция восточной литературы), 1988. — 128 с.

² Ибн Халдун. Введение (ал-Мукаддима) / Составление, перевод с арабского и примечания А. В. Смирнова // Историко-философский ежегодник. 2007. — Москва: Наука. -357 с.

³ Хрестоматия по истории средних веков, М., 1961. -С. 45-82.

⁴ Малявкин А.Г. Уйгурские государства в IX-XII вв. — Новосибирск, «Наука», 1983, -297с.

⁵ Сюань-цзянь. Записки о Западных странах [эпохи] Великого Тан (Да Тан си юй цзи).-М.: «Восточная литература», 2012. -463 с.

⁶ Поло Марко. Книга о разнообразии мира.-М.: «Мысль», 1997, -381 с.

⁷ Руи Гонзалес де Клавихо. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403-1406 гг. Текст с пер. и прим., составленный под ред. И.И. Срезневского.СПб.1881.

⁸Карпов С.П. Итальянская торговля в Трапезунде и ее воздействие на экономику поздневизантийского города //Византийский Временник, Т. 44. -М.: «Наука», 1986. -С. 81-87; Карпов С.П. Некоторые вопросы внутренней торговли и торговой политики в Византии XIV –XV вв. //Византийский Временник, Т. 50. -М., «Наука,1989 с. 36- 46.

экстерриториальности, взаимных прав, обязанностей и другие правила морской торговли;

Теоретико-методологические основы исследования представляет собой совокупность общенаучных и специальных методов, концептуальных подходов и теоретических положений, позволяющих комплексно исследовать феномен шелковой дипломатии как исторического типа межгосударственных отношений. Исследование носит междисциплинарный характер, что обусловлено сложностью и многомерностью изучаемого объекта, охватывающего политические, культурные, экономические и цивилизационные аспекты взаимодействия государств Евразии в древности и средневековье. Теоретическую основу работы составляет широкий круг концепций и научных направлений, применяемых в современной исторической дипломатологии и в теории международных отношений.

Диссертация опирается на труды теоретиков дипломатии (Ж. Камбон, Г. Никольсон, Э. Сэтоу), в которых раскрыты фундаментальные принципы дипломатической практики, роль ритуала, церемониала и символических актов. Эти положения позволяют интерпретировать сущность дарственной и шелковой дипломатии как ранних форм дипломатического взаимодействия, предшествующих институционализированной дипломатии Нового времени.

Исследование критически использует теоретические положения М. Мосса, М. Годелье, А. Гуревича и др., рассматривающих дар как социальный механизм, включающий три взаимосвязанные обязанности: дарить, принимать и возвращать. Эта теория служит важнейшим методологическим инструментом для анализа происхождения и сущности дарственной дипломатии, ставшей основой шелковой дипломатии. Антропологический подход позволяет выявить сакральные, социальные и политические функции обмена дарами в межгосударственных отношениях.

Исследование основывается на принципах историзма (предполагающий рассмотрение шелковой дипломатии в контексте конкретных эпох, политических условий, культурных норм), объективности(обеспечиваемая

сопоставлением различных источников и интерпретаций), комплексности (позволяющая объединить политические, экономические, культурные и дипломатические аспекты в единую исследовательскую модель), междисциплинарности (включающая методы политологии, антропологии, культурологии, экономики, исторической географии и этнологии), сравнительного анализа (необходимого для оценки дипломатических практик различных государств и народов).

Научная новизна исследования заключается в следующем:

- Впервые в историографии представлена целостная концепция шелковой дипломатии как самостоятельного исторического типа дипломатии, основанного на традициях дарственной политики древнего мира.
- Предложена новая научно обоснованная периодизация шелковой дипломатии, охватывающая её становление, институционализацию, расцвет, трансформацию и кризис.
- Выявлены сущностные характеристики шелковой дипломатии, включая её ритуально-символическую, экономическую, политическую и культурную функции.
- Обоснована ведущая роль народов Центральной Азии (согдийцев, бактрийцев и др.) в формировании и поддержании трансконтинентальных дипломатических коммуникаций.
- Впервые на широком источниковедческом материале выявлены объективные условия трансформации дарственной политики в шелковую дипломатию в рамках сложения Великого шелкового пути.
- Определены механизмы включения Римской, Византийской и Арабской империй в систему шелковой дипломатии.
- На основе междисциплинарного подхода проанализирована роль ритуалов, символов, дипломатических даров и посольских практик как ключевых элементов древней дипломатии Евразии.

- Обоснованы причины кризиса и исчезновения шелковой дипломатии в эпоху Великих географических открытий как результата изменения мировой транспортно-экономической системы.

Теоретическая значимость диссертации. В результате проведенного диссертационного исследования автором получены следующие научные результаты, имеющие существенное значение для развития теории исторической дипломатии, истории и теории международных отношений и изучения истории внешней политики.

Впервые разработана целостная концепция шелковой дипломатии как самостоятельного исторического типа дипломатии. Здесь выявлены сущностные характеристики, структурные элементы, ритуально-символические, политические и экономические основы шелковой дипломатии; определено её место в эволюции международных отношений древности и средневековья. Это позволило научно обосновать шелковую дипломатию как отдельную категорию дипломатической практики. Реконструирован генезис шелковой дипломатии и доказана её связь с дарственной политикой архаичных обществ Евразии. Показано, каким образом система социального дарообмена (триада “дарить — принимать — возвращать”) трансформировалась в устойчивый межгосударственный механизм, ставший основой шелковой дипломатии. Установлена ведущая роль восточноиранских народов (согдийцев, бактрийцев, хорезмийцев) в зарождении этой модели дипломатии. Выявлены и научно обоснованы ключевые механизмы функционирования шелковой дипломатии. Автором разработана реконструкция системы дипломатического взаимодействия (ритуалы и формулы обмена дарами, дипломатический протокол и символику престижа, посреднические институты торговых диаспор, нормы признания статуса, особенности международного посольского обмена в Евразии. Это позволило установить комплексную модель функционирования шелковой дипломатии на протяжении более чем полутора тысячелетий.

Практическая значимость результатов диссертационной работы заключается в том, что традиции древней и средневековой дипломатии могут быть востребованы в практической деятельности дипломатических миссий и межгосударственных отношениях Востока и Запада в XXI веке. Историческая модель шелковой дипломатии позволяет выявить устойчивые закономерности межгосударственного баланса, особенностей культурной коммуникации и норм дипломатического поведения, что делает возможным использование результатов исследования при прогнозировании международных процессов и межрегионального взаимодействия. Практическая значимость исследования заключается в том, что предложенная концепция шелковой дипломатии позволяет углубить понимание механизмов межгосударственных отношений в древности и средневековье. Можно использовать исторические модели дипломатии в современной практической внешнеполитической деятельности. В международной практике важны результаты исследования при формировании концепций «мягкой силы», культурной дипломатии и имиджевых стратегий государств, ориентированных на историческую преемственность и символический капитал древних цивилизаций, а также при разработке механизмов межкультурного и межкультурного взаимодействия, основанных на исторических традициях обмена дарами, дипломатического ритуала и взаимного признания. Результаты исследования важны в экспертной среде, занимающейся анализом современных интеграционных процессов на пространстве Евразии, включая инициативы «Один пояс – один путь», ШОС, ЕАЭС, ОИС, C5+1.

Важность исследования заключается и в том, что можно развивать современные интеграционные проекты на основе исторического опыта евразийских цивилизаций. Данное исследование может содействовать совершенствованию образовательных и исследовательских программ, а также будет способствовать укреплению межкультурного диалога в Евразии. Результаты диссертационного исследования могут быть использованы в

аналитических ведомствах, в практической деятельности учреждений и центров, при написании обобщающих исследований по истории международных отношений, дипломатии, внешней политике, зарубежного регионоведения, а также при подготовке учебных и методических пособий для вузов, при чтении общих и специальных учебных дисциплин.

На защиту выносятся следующие основные положения исследования:

1. Шелковая дипломатия является самостоятельным историческим типом дипломатии, сформировавшимся на основе традиций дарственной политики древних обществ Евразии и обладающим собственными структурными признаками, механизмами функционирования и ритуально-символическими основаниями, отличающими её от классических античных, византийских и средневековых форм дипломатии.

2. Возникновение шелковой дипломатии относится к концу II века до н.э., когда дипломатическая миссия Чжан Цяня и последующее бактрийское посольство в 112 г. до н.э. положили начало институционализации обмена дарами между Китаем и государствами Центральной Азии как устойчивой формы межгосударственных отношений.

3. Дарственная политика восточноиранских народов (согдийцев, бактрийцев, хорезмийцев) стала историческим фундаментом шелковой дипломатии. Их практики престижного обмена, ритуальной коммуникации и дипломатического посредничества обеспечили формирование первых устойчивых каналов трансконтинентального взаимодействия.

4. Шелковая дипломатия представляла собой многоуровневую систему международных коммуникаций, включающую политические, экономические, ритуально-символические и культурные элементы, а также посреднические институты торговых диаспор. Её устойчивость обеспечивалась сочетанием дипломатических миссий, дарообмена, торговых контактов и ритуалов признания статуса.

5. Ведущими центрами и субъектами шелковой дипломатии выступали Китай, государства Центральной Азии, Рим, Византия, а также тюркские и другие степные державы Евразии. Их взаимодействие формировало многополярную систему дипломатических связей по оси Восток – Запад.

6. Согдийские торгово-дипломатические диаспоры являлись ключевым посредническим институтом шелковой дипломатии, выполняя функции связующих звеньев между империями, обеспечивая передачу информации, организацию дипломатических миссий, торговых караванов и культурных контактов.

7. Политическая конкуренция между крупнейшими империями Евразии (Китай, Парфия, Кушанское царство, Тюркский каганат, Римская и Византийская империи) определяла динамику развития шелковой дипломатии, формируя баланс сил, маршруты коммуникаций и характер дипломатического протокола.

8. Автором обоснована научно выверенная периодизация шелковой дипломатии, включающая этапы: 1. формирование основ (конец II в. до н.э. – I в. н.э.); 2. институционализация и расширение (I–III вв.); 3. зрелость и политическая диверсификация (IV–VII вв.); 4. высший расцвет (VII–IX вв.); 5. перестройка и адаптация (X–XIII вв.); 6. модификация и кризис (XIV–XV вв.). Эта периодизация основана на критериях трансформации дипломатического ритуала, международно-политической структуры и торгово-коммуникационных систем Евразии.

9. Упадок шелковой дипломатии в XIV–XV вв. был обусловлен совокупностью факторов: изменением глобальной транспортной инфраструктуры, переходом ведущих держав к освоению морских путей, политической фрагментацией Центральной Азии, а также ослаблением посреднической роли городских торговых колоний. Эти процессы привели к завершению исторического цикла развития шелковой дипломатии.

10. Исторический опыт шелковой дипломатии представляет собой уникальную модель межкультурного взаимодействия, основанную на

ритуализированном признании статуса, культурных кодах и обмене престижными дарами. Эта модель содержит универсальные принципы дипломатической практики, которые могут использоваться в современном межкультурном и внешнеполитическом взаимодействии государств Евразии.

Территориальные рамки исследования. Территориальные рамки исследования определяются географией формирования и функционирования шелковой дипломатии как уникальной системы межгосударственных отношений, охватывавшей огромное евразийское пространство. Территориальные рамки исследования охватывают обширное евразийское пространство от Восточного Средиземноморья до Восточного Китая. Такой широкий территориальный охват обусловлен самой природой шелковой дипломатии как многоуровневой системы межцивилизационных контактов, объединявшей десятки государств и народов в рамках единой коммуникационной модели. Учитывая многовековой характер изучаемого феномена, территориальная область диссертации включает несколько взаимосвязанных зон, каждая из которых играла ключевую роль в развитии дипломатических, торговых и культурных коммуникаций. Центральная Азия является стержневой территорией исследования, поскольку именно здесь происходило первоначальное взаимодействие восточноиранских государств и племён с древним Китаем, что стало основой возникновения шелковой дипломатии. В территориальную область входят: Бактрия, Согд, Фергана, Хорезм, Парфии, Усуньские, юэчжийские и сакские территории, области Таримского бассейна, а позже Хорасана, Мавераннахра. Центральная Азия рассматривается как стратегический регион, где переплетались интересы многих империй и где дипломатия, основанная на обмене дарами, приобрела институциональные формы. Особое место в территориальных рамках занимает Китай, прежде всего территории династии Хань, династии Тан, регион Ганьсу–Хэси коридора, страны «Внешнего Западного края» (Сиюй), администрируемые китайскими дворами. Именно китайская имперская система впервые оформила дипломатические отношения с западными

странами в виде ритуализированного обмена дарами, что и стало основой институционализации шелковой дипломатии. Существенная часть исследования охватывает территории древнеиранских государств - Ахеменидской державы, Сасанидского Ирана. Эти государства были одними из главных акторов международных отношений Евразии, играя роль мостов между Центральной Азией, Ближним Востоком и Средиземноморьем.

Апробация работы. Основные положения и выводы настоящей диссертации изложены автором в докладах на международных, межрегиональных научных и научно-практических конференциях, семинарах и иных научных форумах. По содержанию доклада читаются лекции и спецкурсы для студентов по специальностям «История и культура изучаемого региона», «Зарубежное регионоведение», «История международных отношений» и т.д. В международных форумах как Шанхайский Форум в июнь 2023 году и Международной конференции ESCAS (Европейское Общество изучения Центральной Азии) январь 2025 год в Лиссабоне и других были апробированы основные положения данной диссертационной работы.

Диссертационная работа обсуждена на расширенном, совместном заседании кафедры зарубежного регионоведения Таджикского национального университета и рекомендована к защите.

Основные положения и выводы диссертации отражены в 6 монографиях и более 50 публикациях, в том числе 18 публикаций в журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации, иных публикациях общим объемом более 30 печатных листов.

Структура диссертации состоит из введения, четырех глав, включающие двенадцать параграфов, заключения, списка использованных источников и литературы.

ГЛАВА I. Теоретические основы формирования шелковой дипломатии.

1.1. Особенности формирования «дарственной дипломатии» и ее проявления в дипломатической практике древнего мира.

Анализ древних дипломатических документов (архивов, договоров, дипломатических переписок и т.д.) и трудов известных исследователей-теоретиков дипломатии (Ж. Камбон, Г. Николсон и др.), касающихся вопросов формирования мировой дипломатии и их проявлений свидетельствует о том, что элементы «дарственной дипломатии», из недр которой, на наш взгляд, вышла «шелковая дипломатия», были объектами их исследования.

Близкое знакомство с известным трудом французского теоретика Жюль Камбона «Дипломат» дает нам понять, что он описывает об успехах французской и европейской дипломатии, в основном, с 1 января 1589 года, когда была образована французское министерство иностранных дел¹. Другими словами, яркий представитель французский дипломатии, воспитанный в традициях ведения современных переговоров и подписания современных договоров, ограничился только упоминанием о том, что в дореволюционной Франции и в Европе: «существовал обычай преподносить послам по окончании их миссии роскошные подарки»². Он писал: «во Франции, когда венецианский посол являлся на прощальную аудиенцию, король вручал ему шпагу, которую носил, и заключал его в объятия. Он дарил ему серебряную посуду и свой портрет, украшенный бриллиантами. Всюду считалось одинаково невежливым не делать таких подарков и отказываться их принимать: когда кардинал д'Осса, покидая Венецию, вознамерился было нарушить этот обычай, ему дали понять, что тем самым он нанесет республике оскорбление. Венеция, впрочем, вела себя очень своеобразно в этих делах: против посланника, вернувшегося после выполнения миссии без общепринятых

¹Камбон Ж. Дипломат/ Пер. с франц.; / Пер. с англ.; примеч. Л.А. Сифуровой; вступит. ст. О.О. Хохлышевой. -М.: Научная книга, 2006, с 74.

²Там же. -С. 87.

подарков, могли даже возбудить следствие. В Англии королева Елизавета, которая отличалась гордым нравом, делала весьма богатые подарки. Что же касается Папы, то о нем один старинный автор говорит: «Он не скупился на благословения, медали и индульгенции — плоды, произрастающие на его земле»¹. Другими словами, дарственная дипломатия широко практиковалась в различных государствах Европы с античных времен до конца XVIII века. А дипломатов, продолжающих эти традиции, Камбон называет «людей старого режима», позиция которых «не встретила бы понимания», и далее он сообщает: «что же касается правительств, то они больше подарков послам не делают, довольствуясь награждением их орденами и медалями, что обходится дешевле»². Как вытекает из данного важного источника начала XX века награждения иностранных послов (государственными наградами) по сущности приходит на смену к дарственной (шелковой) дипломатии прошлых эпох.

Другой ведущий теоретик дипломатии, автор известного труда «Дипломатия» Г. Никольсон, только косвенным образом касается «дарственной дипломатии», когда идет речь о посольском приеме испытания послов монголо-татарскими ханами «даже дары, которые они привозили, очищались подобным же образом»³. Этот теоретик, рассуждая об изобретении византийцами трех методов дипломатии, описывает второй из них: «приобретать дружбу пограничных племен и народов субсидиями и лестью»⁴. На наш взгляд, под «субсидиями» этот исследователь имел в виду использования ими «подарков» и, соответственно, элементы «дарственной дипломатии» во внешних сношениях.

Таким образом, ведущие теоретики дипломатии сообщают нам ценные информации о наличии элементов «дарственной политики» в дипломатическом церемониале, история которых восходят к древности.

¹ Камбон Ж. Дипломат / Пер. с франц.; / Пер. с англ.; примеч. Л.А. Сифуровой; вступит. ст. О.О. Хохлышевой. -М.: Научная книга, 2006, с 74.

² Там же. -С. 87-88.

³ Никольсон Г. Дипломатия. /Пер.с англ. - М.: Научная книга, 2006. -С. 7.

⁴ Там же. -С.11

Поэтому обратимся к древнейшим источникам, которые сообщают нам об элементах «дарственной политики», из недр которой впоследствии вышла «шелковая дипломатия».

Общеизвестно, что древний Восток был очагом первых государственных образований, между которыми имелись оживленные внешнеполитические сношения. Телль-Амарнская переписка (XV-XIV вв. до н.э.) является самым ранним документом, свидетельствующей об этих сношениях, сохранилась до наших дней, поэтому она выступает объектом нашего исследования. В 1887-1888 годах во время раскопок в древней резиденции египетского правителя (фараона) Аменофиса (Аменхотепа) IV был открыт архив, где содержался дипломатическая переписка фараонов Египта того времени с правителями сопредельных государств¹. Данный архив, состоящий из 360 глиняных табличек, находящийся в Британском музее и Государственном музее в Берлине, сообщает о наличии наряду с традицией брачной дипломатии² также «дарственной дипломатии». Согласно этим документам, правитель Вавилона (Кадашман-Харбе) «соглашается отправить свою дочь в гарем фараона, но в благодарность за это желает получить себе в жены египетскую царевну, золото и *подарки* (подчеркнуто-М.А.)»³.

Данное сообщение древнейшего дипломатического документа свидетельствует о том, что не только брачная дипломатия, но и «дарственная дипломатия» выступали основными инструментами и механизмами ведения дипломатических сношений между древними государствами мира. О широком применении данного исторического типа дипломатии свидетельствуют следующие данные архива: правитель государства Митанни (Тушратта) заканчивает свое послание египетскому фараону Аменофису IV следующими словами: «Итак, пусть брат мой пришлет мне золото, в таком

¹ Документы древневосточной дипломатии. //История дипломатии. Т. I. под редакцией В.П. Потемкина.- М.: ОГИЗ, 1941. -С.18.

² Там же. -С. 19.

³ Там же.

большом количестве, которого нельзя было бы и исчислять»¹. Со своей стороны Тушратта также готов прислать дары: «если брат мой чего-либо пожелает для своего дома, я отдам в десять раз больше, чем он требует»².

Хотя правитель первого государства, обращающего ко второму с просьбой со словами «брат мой», т.е. как равноправному партнеру, однако всемирно известные специалисты по категории «дара» (Мосс М., Годелье М., Гуревич А. и др.) описывают всю сложность этого социального явления. Французский специалист М. Мосс в своем всемирно известном труде «О даре» подробно описывает, что дарение — это взаимосвязь трех обязанностей: обязанности подарить, обязанности получить, принять и обязанности однажды вернуть то, что было принято. Далее он делает акцент лишь последним из этих трех составляющих — *на обязанности вернуть*, которому кроме правовой и экономической нормы, добавить «религиозное» измерение³.

Он при разъяснении о всеобъемлющем представлении о даре как о взаимосвязи трех обязанностей между людьми использовал следующей формулировки: «что приводит к тому, что в стольких обществах, в стольких эпохах и в настолько разных обстоятельствах индивиды и/или группы чувствуют себя обязанными не только дарить или, когда дарят им, принимать, но также чувствуют себя обязанными, когда они приняли дар, ответив на него другим даром, отдарить ту же самую вещь (или ее эквивалент) или что-то большее или лучшее?»⁴. Позднее этот специалист подробно описал существование в самых разных формах обменов, воплощенной в трех различных, но взаимосвязанных обязанностях, и эта сила вовлекала людей и вещи в движение, которое рано или поздно возвращало вещи людям и приводило к совпадению исходной точки всех даров и встречных даров с их конечной точкой⁵.

¹ Там же. -С. 20.

² Там же. -С. 20.

³ Цит по Годелье М. Загадка дара /пер. с франц. — М.: Вост. лит., 2007. -С.13.

⁴ Там же. -С.17.

⁵ Там же. -С. 17-18.

Другими словами, процессу дарения придается сакральное значение, которое межчеловеческим контактам придает постоянный характер, так как «дар» вовлекает их в непрерывный процесс коммуникации, не позволяя им прекратить их.

Он допускал, что «вещи были продолжением людей, и люди идентифицировали себя с вещами, которыми владели и которыми обменивались... И становится ясно, почему, будучи подаренной, вещь несет в себе что-то от людей и «стремится» рано или поздно вернуться к тому, кто первым уступил ее»¹.

Сделать дар, это, по-видимому, означает одновременно установить двойное отношение между тем, кто дарит, и тем, кто получает. По мнению автора «Загадка дара», здесь начинается «отношение солидарности, поскольку тот, кто дарит, делится тем, что имеет, даже тем, что он есть, с тем, кому он дарит, и отношение превосходства, поскольку тот, кто получает дар и принимает его, ставит себя в положение должника по отношению к тому, кто сделал ему дар. Из-за этого долга он становится обязанным ему и, следовательно, до определенной степени находится в зависимости от него, по меньшей мере, до тех пор, пока не «вернет» то, что ему подарили»².

Процесс дарения и, соответственно, получения дара не только обеспечивает постоянный характер межчеловеческих коммуникаций, которые со временем переходя в межгосударственных отношений, точнее первоначально в связи между правителями протогосударств или первичных архаичных государств, создает иерархическое отношение между ними. «Подарки, - пишет российский специалист, - важнейшее и обязательное средство установления и поддержания общественных связей»³. Другими словами, отсутствие постоянных дипломатических представительств государств в древнейших и древних государствах в столице другого

¹ Цит. по Годелье М. Загадка дара /пер. с франц. — М.: Вост. лит., 2007. -С. 17-18.

² Цит. по Годелье М. Загадка дара /пер. с франц. — М.: Вост. лит., 2007. -С.19.

³ Гуревич А. Избранные труды. Средневековый мир. -СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2007. -С. 181.

государства, было в этот период процессом постоянного обмена подарками между ними, который содействовал интенсификации межгосударственным связям.

О наличии сакрального (религиозного) характера процесса дарения, описанного известного французского антрополога, подтверждает также известный российский специалист Арон Гуревич, который пишет: «в основе обмена дарами лежала уверенность в том, что вместе с даримым имуществом переходит некая частица сущности дарителя и получающий дар вступает в тесную связь с ним. Если дар не возмещен, то получивший его оказывается в зависимости от подарившего»¹. А. Гуревич раскрывает природу дара между вождем и его подчиненным-воином: «приобретая дара своего предводителя, воин не опасался этой зависимости, - наоборот стремился укрепить свои узы с вождем, надеясь получить вместе с подарком и «удачу», которой был богат вождь. В ответ на дар могущественного человека платили верной службой или хвалебной песнью. Подарок же другого человека, если он оставался неотплаченным, мог быть чреват большой опасностью для его получателя. Магическая зависимость от такого человека грозила утратой целостности и свободы, могла привести к деградации и даже гибели получателя дара, оставшегося невозмещенным». Воин, получивший дар от своего вождя не только думал о его своевременном возврате, но и, оставаясь от воздействия от вождя-дарителя, старался верно и упорно ему служить. Но в древнейших межгосударственных отношениях, когда главное место занимало межличностные отношения между правителями сверенных государств, старались сохранять свой суверенитет. Поэтому старались вовремя вернуть дары эквивалентным образом, чтобы подчеркнуть свой суверенитет. А слова правителя древнего государства Тушратты, заверяющего «я отдам в десять раз больше, чем он требует», возможно, свидетельствует о том факте, что он отчетливо понимал, что дарение создает неравенство статусов между

¹ Гуревич А. Избранные труды. Средневековый мир. -СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2007. -С. 179.

дарителем и одаряемым, поэтому старался даже формально сохранять внешние признаки независимости или равноправия. При этом становится очевидным, что: «дарение при определенных обстоятельствах может превратиться в иерархию; если иерархия между ними уже существовала до дара, то он одновременно выражает и узаконивает ее»¹. Все правители небольших и средних княжеств и царств древнего Ближнего Востока, обращающие к могущественным египетским фараонам об отправке им золота в виде даров, при его получения попадали в зависимое положение, а повторение этих актов дарения узаконивало такое их положение.

Данный процесс обмен дарами между древними государствами имела также положительную сторону, так как она поддерживала между ними регулярными дипломатическими сношениями, а также вовлекая новообразованных государств через этот процесс в межгосударственные дипломатические сношения. Этот процесс нес собой также процесс определения иерархических субординаций между суверенными государствами древности, так как: «в одном и том же акте содержатся два противоположно направленных движения. Дар *сближает* его участников, потому что представляет собой способ поделиться с другим, и *отдаляет* их социально, потому что делает одного обязанным другому. Видно, что в практике дарения потенциально содержатся огромное поле для маневров и всевозможных стратегий и гамма противоположных интересов, которым дар может служить»². По мнению этих специалистов, «дар» может, как противодействовать прямому насилию, физическому, материальному и социальному подчинению, так и может их заменять. Они приводят примеры, когда индивиды, неспособные уплатить свои долги, вынуждены были пойти сами или отдать своих детей в рабство, в конце концов, становясь собственностью, «вещью» тех, кто делал им дары. Отсюда они делают выводы, что из двух элементов, дележа и долга, содержащихся и

¹ Годелье М. Загадка дара /пер. с франц. — М.: Вост. лит., 2007. -С.19.

² Годелье М. Загадка дара /пер. с франц. — М.: Вост. лит., 2007. -С.19.

сочетающихся в практике дара, именно второе способно создать наибольшие последствия в социальной жизни, как только оно организуется вокруг различных форм конкуренции за доступ к богатству, власти, знаниям или обрядам¹.

Необходимо учитывать, что главы государств, обращаясь, друг к другу приветствием «брат мой» олицетворяли персонификации высшей власти, поэтому межгосударственные сношения в самом начале исходили из простого понимания отношения между различными коллективами людей.

Исходя из данного отрывка текста, следует подчеркнуть, что процесс дарения, перенесенный в межгосударственные отношения, то есть превращенного в «дарственной дипломатии» обладает сложным политическим значением.

Несомненно, в древности не существовала дипломатической деятельности, институализированной в современном понимании, однако уже сформировалось представление о ней как о совокупности методов, противоположных насильственному решению любых вопросов взаимодействия государственных образований между собой. Анализ практик, окружавших деятельность посольских миссий, межгосударственных переписок и договоров, является способом изучения функционирования «дарственной дипломатии», которая наряду с брачной дипломатией уже широко применялась в этот период. Особенно пристальное внимание можно уделять рассмотрению дипломатической символики и ритуалов, а также самому семантически насыщенному символическому языку дипломатии того времени.

Однако внедрение «дарственной» политики, которой была присущ непрерывный поток действий - дарение, получение дара и его возврат (или эквивалентный обмен) обеспечивал непрерывный процесс межгосударственных сношений в рамках одного или нескольких регионов древнего мира.

¹ Там же. -С. 19.

Материальным воплощением этого языка, как было рассмотрено выше, были дары, игравшие особую роль в дипломатическом взаимодействии. Практически дары и процесс обмена ими выступали в качестве визуального и символического аспекта дипломатии. Известно, что практика принесения даров и обмена ими во время различного рода контактов восходит к архаическим отношениям установления союза, гостеприимства или межгосударственного согласия. Эта «дарственная политика», была распространена в древности широко, а не только между двумя ведущими государствами региона.

Брачная дипломатия, в основном, выступала в качестве закрепляющего механизма, а «дарственная политика» выполняла роль установления двусторонних дипломатических сношениях, сближения двусторонних позиций, а также для подготовки (односторонних или обоюдных) уступок в решении того или иного вопроса в межгосударственных отношениях. Самый ранний межгосударственный договор в мировой истории между египетским фараоном Рамсесом II и царем хеттов Хаттушилем III, подписанный в 1278 г. до н.э., был усилен брачной дипломатией- женитьбой фараона на дочери царя хеттов¹. Хетто-египетский договор более трех тысячелетней давности, первый из известным нам памятников международного права, в последующем выступал прототипом для последующих международных договоров древнего мира. В дипломатической практике древнего мира подписание межгосударственного соглашения было недостаточно. Нередко соглашение сопровождалось проявлениями брачной дипломатии для его закрепления на практике. Для сближения позиций и подготовки почвы для взаимных уступок практиковались элементы или разновидности «дарственной дипломатии».

Данная «дарственная политика» практиковалась не только для установления и поддержания положительных двусторонних

¹Документы древневосточной дипломатии. //История дипломатии. Т.I. под редакцией В.П. Потемкина.- М.: ОГИЗ,1941. -С.22.

межгосударственных отношений, но и в качестве инструмента препятствования для установления дипломатических сношений с третьими странами. Например: царь Вавилона Бурнабуриаш, чтобы препятствовать приему ассирийских послов, которых считал своими подданными, со стороны фараона Аменофисем IV, пишет: «Если ты расположен ко мне, не вступай в ними в сношения. Пусть они уезжают, ничего не добившись. Со своей стороны шлю тебе в подарок пять мин голубого камня, пять конных упряжек и пять колесниц»¹.

Как вытекает от переписок древневосточных правителей Ближнего Востока, они в качестве элементов «дарственной политики», практиковали подарки не только в виде «золота» и изделий из них, а широкий ассортимент, который кроме шелка, драгоценных металлов и камней, также охватывали средства продвижения и их снаряжения (скакуны, колесницы, упряжки и т.д.).

О широком применении данной «дарственной дипломатии» в могущественной Ассирийской державе при царе Ашурбанипале (668-626 гг.) свидетельствует ассирийский архив, не уступающий Телль-Амарнскому архиву. Эти архивные документы сообщают не только о сохранении данного типа дипломатии, но и о продолжении его широкого распространения, охватывая не только царствующих особ, но представителей царствующих домов, находящихся в качестве военнопленных и заложников. Как сообщает источник: «с целью ослабления эфиопского влияния в Египте Ашурбанипал поддерживал египетского царевича Нехо, который проживал в Ассирии в качестве военнопленного. При ассирийском дворе Нехо пользовался особым почетом. Ему были подарены царем дорогие одежды, меч в золотых ножнах, колесница, лошади и мулы»². Как вытекает из данного отрывка теперь «дарственная дипломатия» не только сопровождала переписку между правителями отдельных государств, но и охватила потенциальных

¹ Там же. -С.23.

² Документы древневосточной дипломатии. //История дипломатии. Т.I. под редакцией В.П. Потемкина.- М.: ОГИЗ,1941. -С.26.

претендентов на престол, находящихся в столицах другого (порой, конкурирующего государства) в качества пленного или заложника. Обхаживание потенциального претендента путем одаривания различными предметами роскошного потребления свидетельствует о расширения круга лиц, охваченными этим видом исторической дипломатии. Теперь не только носители высшей власти, но и потенциальные претенденты, даже находящиеся не рядом у власти, а за пределами своей страны были включены перечень реципиентов данной дарственной политики. А ее ассортимент состоял не только предметов роскошного употребления, а также и из средств передвижения.

В древней Греции также практиковали «дарственной дипломатии», когда иностранным послам, кроме приглашения на различные театральные представления, игры и празднества, также «предлагали подарки»¹. Это означает того исторического факта, что «дарственная политика» была присуща не только государствам древнего Востока, где исторический процесс тесно переплетения с высшей инстанцией власти, но и других очагам зарождения человеческой цивилизации, развивающих по другим ценностям (народовластия).

В древнем Риме дипломатическая служба находилась в руках у Сената республики, который имел права отправлять своих послов и принимать послов зарубежных стран. Специфика приема послов в древнем Риме состоялась в том, что римляне посольств иностранных держав делили на два категории:

1. Посольство дружественных государств и
2. Посольство вражеских государств².

Если посольства вражеских государств не допускались в город, то посольство из дружеских государств размещалось в лучших постоянных дворах, их также приглашали на празднества, театральные и цирковые

¹ Там же. -С.39.

² Документы древневосточной дипломатии. //История дипломатии. Т.І. под редакцией В.П. Потемкина. - М.: ОГИЗ,1941. -С. 61.

представления, где они размещались почетных местах. Римляне также практиковали «дарственную дипломатию», где существовал обычай дарить послам подарки¹. Зарубежные посольства также по своей традиции (или инициативе) или в ответ римлянам также практиковали обычаи «дарственной дипломатии». Источники сообщают о том, что: «известен, например, «скромный подарок» Карфагена- золотой венок, весивший 25 фунтов (более 11 кг. - М.А.) и не менее «скромный» дар сирийского царя Антиоха- золотые вазы весом в 500 фунтов (225 кг. - М.А.)»².

А с позиций классического римского права (выступающего фундаментом современного европейского права) дарение не являлось обязательством, а актом проявления щедрости, который подразумевает некое истощение средств дарителя и обогащение получателя дара. В этом смысле дарение не было типичным договором³, а основанием для акта присвоения имущества или прибыльным основанием.

Российский антрополог, изучавший обмен дарами у варварских обществ, подчеркивает: «участие в пирах и обмен дарами- важнейшие средства социального общения у варваров. У многих народов обмен дарами был настолько развит, что вырастал в целую систему так называемого церемониального обмена: определенные изделия или плоды постоянно переходили из рук в руки в обмен на другие, причем эти предметы не потреблялись, а передавались дальше либо накапливались, чтобы их можно было публично демонстрировать. Их ценность заключалась не в их потребительской стоимости, а в том, что в них как бы овеществлялись, зримо воплощались социальные связи людей, обменивавшихся этими предметами. Церемониальный обмен связывал людей, принадлежавших к разным родовым и племенным группам»⁴. Если учесть, что древние государства не

¹ Там же. -С. 61.

² Там же. -С. 61-62.

³ Савельев В.А. Дарение в римском праве и в современном законодательстве.// <file:///C:/Users/user/Desktop/darenie-v-rimskom-prave-i-v-sovremennom-zakonodatelstve.pdf> дата обращения 20.02.2021

⁴ Гуревич А. Избранные труды. Средневековый мир. -СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2007. -С. 182.

только имели дипломатические сношения между собой, но и многочисленными племенами и племенными союзами, находившихся в варварском состоянии, которое продолжалось и в последующий период средневековья, то первоначальная «дарственная дипломатия», превращенной со временем в «шелковую дипломатию» охватывала не только государственных образований, но и многочисленных народов и племён, находящихся в период до создания собственных государственных образований. Поэтому «дарственная дипломатия» с момента своего формирования охватила не только суверенные государства, но их окружения, находящихся в варварском состоянии.

Таким образом, практика дарения как один из видов коммуникации обществ и протогосударств в древнем мире, постепенно формируясь и расширяясь, стала охватывать и межгосударственные сношения. Анализ межгосударственных переписок, договоров и обмена посольствами свидетельствует о том, что «дарственная дипломатия» как и брачная дипломатия, зарождалась со времен создания и постепенного укрепления централизованных государственных образований древнего мира. Если брачная дипломатия использовалась, в основном, для закрепления подписанных межгосударственных договоров и соглашений, так как носители высшей власти в государстве олицетворяли собой персонифицированной формы самой государственной власти. А «дарственная дипломатия», в основном, исполняла роль налаживания двусторонних сношений между государствами и их окружающим миром, их поддержания в рабочем состоянии, снижении напряженности или враждебности между правителями древнего мира. Как стало известно, что данная дипломатическая практика была присуща всем государствам древнего мира - от египетских фараонов до сенатского Рима, где инструментами «дарственной дипломатии» выступали от золота и золотых изделий и других предметов роскошного потребления до средств передвижения в виде скакунов, колесниц и много другое.

1.2. «Дарственная дипломатия» в межгосударственных отношениях предков таджикского, китайского и степных народов.

В отличие от народов Ближнего и Дальнего Востока, обладающих огромным количеством архивных документов (от Телль-Амарнского архива до древнекитайских дворцовых хроник) предки таджикского народа не обладали достаточным багажом древнего письменного наследия. Основным фактором такого положения дел, на наш взгляд, состоит в том, что наши предки - зороастрийцы практиковали изузной формы передачи информации¹. Поэтому общественно-политическая жизнь наших предков, попала в поле зрения античных авторов, практикующих письменной фиксации событий, после восточного военного похода Александра Македонского (в конце IV в. до н.э.). Общественно-политическая жизнь наших предков попала в поле зрения древнекитайских дворцовых хроник с западного похода императорского (Ханьского) посланника Чжан Цянь (в конце II в. до н.э.).

На наш взгляд, одним из главных факторов нахождения на периферии мировой истории Вароруда² (Центральной Азии) была не ее географическое местонахождение (Центральная Азия- Хартланд Евразии), а зороастрийская традиция о «ахримановой (злой) сущности» письма и соответственно устная передача информации³.

Общеизвестно, что история письменности неразрывно связана с историей цивилизаций. Именно степень развития письменности определяла древние цивилизации, а какие общества ушли в небытие, утонув в океане всемирной истории, не сумев сохранить и передать последующим потомкам свое культурный генофонд, а, также, не воздвигнув свой бессмертный духовный храм.

¹Авеста: Избранные гимны/Пер.с авест. И коммент.проф. И.М. Стеблин-Каменского; Предисл. Проф. В.А. Лившица.-Душанбе: Адиб,1990. -С.3.

²Насрулло Убайдулло. Инъикоси таърихи нињодхои омузishi Вароруд дар осори академик В.В. Бартолд. // Муаррих. с.5-11. /Users/user/Downloads/inikosi-tarihi-ni-od-oi-omuzishii-varorud-dar-osori-akademik-v-v-bartold.pdf (дата обращения 06.01.2022).

³Хуршудян Э.Ш. Государственные институты парфянского и сасанидского Ирана.-Алматы: изд-во «Институт Азиатских исследований», 2015, -229с.

Изобретение письменности выступает одним из самых важнейших, фундаментальных открытий на долгом пути человеческой эволюции. По всемирно-исторической значимости этот шаг можно сравнить с умением добывать огонь или изобретением колеса. Однако предки таджиков (арии), претендующие на изобретения колеса, в этой важнейшей сфере жизнедеятельности человека (роль письма) выбрали пассивный путь - устную передачу информации. Маздеистская и ее реформаторская ветвь - зороастрийская традиция подходила к письменности как к «злomu (ахримановому) творению». Сохранение, умножение и трансляции всего колоссального багажа знаний этой самобытной цивилизации доверила устной передаче последующим поколениям. Несомненно, устная передача информации имела свои (религиозно-ритуальные) преимущества, однако описание, как общественной жизни, так и государственных дел зороастрийского мира в устной передаче, создала для последующих поколений много трудностей.

Данное «ахримановой сущности письменности» зороастризма было снято с появлением новой религии - ислама, благожелательно относящегося ко всем «книжным народам» мира, включая предков таджикского народа (носителям священной «Авесты»), а его распространения по Хорасану и Вароруду, кардинально изменило их духовный облик.

Предки таджикского народа и окружающих их различные тюркские племена до ислама осваивали различные религии, появлявшиеся в Туране и Хорасане или распространяющиеся по маршрутам шелкового пути. Они в каждом случае с интересом знакомились с ними или досконально изучали их. Здесь в отличие от Сасанидского Ирана, где господствующая зороастрийская религия не препятствовала распространению других религий, поэтому в регионе в древности доминировал религиозный плюрализм.

Предки таджиков, как и другие народы Центральной Азии, расположенные в «сердце» Евразии, были открыты окружающему их миру и встречали все новшество без видимого подозрения и страха, так как

международная торговля и религиозный плюрализм сделали их приверженцами свободы и открытого обмена новыми идеями и ценностями. Они были динамичны и считали любые изменения как само собой разумеющееся и естественной практикой выбора оптимального верования, сочетая привлекательные аспекты различных религий в неожиданный и своеобразный синтез.

Поэтому для тщательного изучения «дарственной дипломатии» в древних государственных образованиях нашего регионе мы попытаемся провести исторической реконструкции, так как после распространения ислама в Вароруде (среднеазиатском междуречья), предки таджикского народа были включены в состав «книжных народов» мира. Это включение, среди прочего, инициировал перехода наших предков и сформировавшего таджикского народа от изустной формы передачи информации в письменную форму, что привело к созданию колоссального числа уникальных политико-исторических трудов таджикских мыслителей. Из этого числа историографических трудов мы обращаемся к бессмертному труду «Шахнаме» великого Фирдоуси, информирующий о общественно-политической жизни наших предков и их близких и дальних соседей с незапамятных времен до начала XI века. В страницах этого поистине энциклопедического труда, среди прочего, мы можем обнаружить также элементы практики «дарения» не только между представителями местного сообщества древнего мира, но и между носителями высшей власти, которые как в других регионах древнего мира, широко практиковали этот исторический тип мировой дипломатии.

Впервые Фирдоуси сообщает о наличие практики дарения в случае низвержении власти в древней Ариане (Вароруде) иноземного правителя и восстановления власти местного правящего дома:

«Тогда толпа богатых горожан,
Чью родовитость уважал Иран,
Пришла к владыке с песнями, с дарами,

С открытыми, послушными сердцами.
Властитель мудрый оказал им честь,
Согласно сану, попросил их сесть»¹.

Как вытекает из данного отрывка, политическая история предков таджикского народа с первого (по сути, легендарного) государственного образования была тесно связана с высшей инстанцией власти. Поэтому захват власти со стороны иноземных завоевателей был воспринят трагически народом, что освобождения от иноземного владычества привело не только большому празднеству, но и широкой практики дарения. К этому процессу широко допускались представители высшего слоя («толпа богатых горожан»), которые пришли к носителю возрожденной высшей власти «с дарами», который, в свою очередь, оказал «им честь», т.е. восстановил также прежние иерархические структуры («согласно сану») общества. Эта восстановление прежней власти и прежнего иерархического общества осуществилось, как вытекает от отрывка, посредством использования практики дарения внутри государства.

Данный источник также сообщает об интересной практике в древнем Вароруде, когда носитель высшей власти (шахиншах) выступает не в статусе *получателя* дара, а в роли *дарующего*, а роли «одаряемого» выступает один из лучших представителей военной аристократии (богатырей):

«Владыка мира приготовил дар-
Такой, что восхитились, млад и стар:
Коней арабских, убранных богато,
Индийские мечи в ножнах из злата,
Несметное количество ковров,
Динаров, злата, яхонтов, мехов,
Румийских слуг в парче родного края:
Узоры-жемчуга, ткань- золотая,
Подносы, чаши, полные красы,

¹Фирдоуси А. Шах-наме. /Перевод с фарси. Техрон, 1379. -С. 62.

В сверканье хризолита, бирюзы,
С шафраном, мускусом и камфарою, -
Рабы вручили юному герою»¹.

Как стало известно, в древнем Вароруде, как в других регионах древнего мира, существовала практика дарения. Кроме привычных в других регионах предметов дарственной политики (скакуны, оружие, драгоценные камни и металлы, предметы роскошного потребления, благовония и т.д.) мы обнаруживаем также «рабов» (или «слуг») в качестве «одушевленных» предметов дарения. Также необходим обратить внимание на тот факт, что сам акт дарения идет не по восходящей линии властной коммуникации, когда конечным реципиентом выступает носитель высшей власти, а наоборот, представитель военной аристократии (наследственный земельный владетель), где основной причиной акта дарения выступает, вероятнее всего, военная заслуга индивида (или его рода).

Данное обстоятельство свидетельствует о том, что первое (легендарное) государство предков (Пешдадида) таджикского народа выступал не монолитным централизованным государством, а, скорее всего, рыхлым и неоднородным государственным образованием. Одним из существенных факторов сохранения единства такого рода (не сильно централизованных) государственных образований, вероятнее всего, выступала политика дарения. Она имела двусторонней направленности, когда посредством акта «дарения» демонстрировалась не только лояльность низших слоев общества к верховной власти, а также его посредством (порой в непропорционально большом количестве) обеспечивалась устойчивость вертикали власти.

Об этом сообщает следующее сообщение, что *шахиншах* сверх всех этих дарственных предметов добавляет в качестве «дара» новые земли молодому представителю наследственного земельного владетеля (местного

¹ Фирдоуси А. Шах-наме. /Перевод с фарси. Техрон, 1379. -С. 71

князя- *шаха*) на периферийных землях своей державы¹. Это акт дарения со стороны высшей власти воспринимается со стороны реципиента как акт одобрения для ведения боевых действий, как для захвата новых земель соседних государств, так и для защиты от иноземных захватчиков².

Данный вертикальный акт дарения («от высшей к низшей власти»), в свою очередь, мог оживлять горизонтальные формы акта дарения:

Со всей земли к дворцу богатыря
Властители стремились, говоря:
«да принесет отраду сердцу Сама
Путь юноши, ступающего прямо!»
К Дастану шли, хваля богатыря,
Каменья драгоценные даря»³.

Как вытекает из данного отрывка «Шахнаме», получения одного из представителей военной аристократии из наследственных земельных владетелей большого количества даров, включая новых земель в качества дара от рук самого носителя высшей власти (шахиншаха), несомненно, привели к повышению их статуса среди других аристократических слоев общества.

Данный отрывок Шахнаме «*Со всей земли к дворцу богатыря, Властители стремились*» актуализирует вопрос о распространения практики дарения среди древних восточноиранских племен и народов, разбросанных в обширных территориях Евразии, от реки Дунай на западе и верховьях Хуанхэ на востоке. Здесь обитали многочисленные иранские племена (скифы, саки, массагеты, сарматы, туры и многие др.), которых связывала древняя «Скифо-сакская дорога»⁴. А на юго-востоке этого кочевого ареала

¹ Там же. -С. 71

² Фирдоуси А. Шах-наме. /Перевод с фарси. Техрон, 1379. -С. 72-73.

³ Там же. -С. 72.

⁴ Мамадазимов А. Великий шелковый путь. Воспросы становления, расцвета и распада.-Душанбе, «Сино», 2014. -С.21-24.

Нефритовый путь связывал саков- кушан (кит. юэчжи) с древнекитайским государством Цинь¹.

Отсутствие собственного опыта письменной традиции фиксации практики обмена дарами и дарственной дипломатии актуализирует вопрос обращения также к археологическим раскопкам, которые косвенно свидетельствуют об ареале миграции и расселения предков таджикского народа и родственных племен и народов.

Практика обмена дарами не была единственным элементом межгосударственных отношений и дипломатических процедур наших далеких предков, которые из-за сложных жизненных условий, могли предпринимать дальние военные походы². Имеются множество исторических фактов об их участии в борьбе многих соседних стран друг с другом, однако отсутствия письменных источников не позволяют определить наличия факта дарения для их привлечения к этой практике.

Миграция и расселение предков таджиков далеко на восток, которые указаны в «Шахнаме» как «Чину Мочин», очень важно для исследования нашего предмета и объекта исследования, так как наличие практики дарения как у наших предков, предков китайского и степных народов в последующем выступили твердой основой формирования дарственной политики между ними.

О важности данного периода для исследования самой восточной части скифо-сакской ойкумены подчеркивается и в исследованиях других ученых³.

Влияние североиранских племен на судьбы мировых империй древности в последующем также было существенным, поэтому они попали в поле зрения ахеменидских дворцовых хроник, увековеченных в скальных надписях, в исторических трудах “отца истории” Геродота, а также в древнекитайских дворцовых хрониках. Широко известно, что основатель

¹ Там же. -С. 17-20.

² Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы Евразийских степей. – СПб, Петербургское востоковедение, 2004. -С. 48

³ Погребова М. Н., Раевский Д. С. Ранний железный век/ Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. –М., ИВ РАН, 1988. -С. 156.

первой мировой империи - державы Ахеменидов (550-330 гг. до н.э.) Кир Великий погиб в своем восточном походе против массагетского союз племен (пр. в 530 г. до н.э.), а другой яркий представитель этой династии Дарий Великий (пр. 522-486 гг. до н.э.) организовал, в основном, безуспешный военный поход против саков- скифов на северном берегу Дуная. Как было отмечено, великий историк утверждал, что «персы всех скифов называют саками».

В ахеменидских скальных клинописных надписях (Бехистунской надписи и надписи в Накши Рустаме и т.д.) приводятся имена ряда сакских племен – саки - тиграхауда (саки, в остроконечных колпаках), саки парадрайа (саки, за рекой или заморские саки), саки за Согдом, саки - хаомаварга (саки, почитающие хаому - священный напиток зороастрийцев)¹.

Здесь уместно подчеркнуть, в последующем, характерный головной убор саков – тиграхауда (на котором изображен их вождь Скунха в Бехистунской надписи) стал атрибутом (головным убором) согдийских купцов-дипломатов на торговых путях.

Рассмотрение различные мнения об обширном ареале миграции и расселения предков таджикского народа и перечня предметов повседневного и роскошного употребления почти полностью совпадает с ареалом расселения Пешдадидского и Кеянидского периода традиционной легендарной истории таджикского народа (II тысячелетие -VI в. до н.э.). Поэтому с большой вероятности можем предположить, что наши предки с древнейших времен также практиковали обмена дарами, куда входили многие предметы роскоши и передвижения. Они, однако, из-за доминирования изустной форма передачи информации, были зафиксированы в более позднее время.

Как подчеркивает тюрколог С. Г. Кляшторный: «На большой части центрально азиатского региона основой хозяйственной деятельности стало

¹ Гафуров Б.Г. Тоъикон. Таърихи қадимтарин, қадим ва асри миёна. Китоби якум.- Душанбе, «Ирфон», 1998. -С.95-97.

полукочевое и кочевое скотоводство (кони, быки, овцы, верблюды), сочетавшееся с примитивными формами земледелия и охотой. Лишь в оазисах Восточного Туркестана, прежде всего в бассейне реки Тарим, сложилась на базе ирригационного земледелия оседлая культура. Племена, населявшие тогда Центральную Азию и Южную Сибирь, освоили металлургию бронзы и железа, металлообработку, конские повозки, а затем и всадничество. Жилищем им служила полусферическая с коническим верхом войлочная кибитка, которую при перекочевке укрепляли на большой повозке, влекомой быками. Облик «предскифской» и «скифской» культур Центральной Азии восстанавливаемый археологами, дополняется письменными текстами, созданными в древнем Китае»¹.

Анализ расселения предков таджикского народа показывает их расселение на западе монгольских степей, в оазисах Таримского бассейна, а также в стратегическом проходе- Ганьсуйском коридоре, связывающего внутренний Китай с западными землями пустынь Гоби и Такла-Макан. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что уже на рубеже II и I тысячелетия до нашей эры, наши предки вошли в контакт с предками китайского народа, также практикующие дарственную дипломатию на своей манере.

В китайской общественно-политической мысли, как и у предков таджикского народа, также безраздельно доминировала идея о нерасторжимой идеи исторического процесса с институтом верховной власти. Аналогом к «Шахнаме» Фирдоуси, описывающего древнейшую историю таджикского народа, в данном плане выступает «Исторические записки» Сыма Цяня (145-86 гг. до.н.э.), которые, однако предшествовали к первой (Шахнаме) полутора столетий ранее.

Из огромного комплекса политически – идеологического наследия древнего Китая, выкристаллизованного в эпоху Чжоу (1112 г.- 221 г. до н.э.),

¹ Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы Евразийских степей. – СПб, Петербургское востоковедение, 2004. -С. 37.

наряду с такими категориями как «*мандат Неба*»¹ для политического управления государством и «*центр мироустройства*», считающей столицу (резиденция правителя) Поднебесной центром цивилизованной ойкумены², для углубленного изучения основы формирования шелковой дипломатии, является тщательного исследования еще одной важной категории - категория «*дарения*».

Главным идеологическим новшеством смена власти в древнем Китае было то, что культ Неба стал заменять культ предков, от которого зависела легитимация новой власти на глазах у древних китайцев. Со временем культ Неба, глубоко укоренившийся, стал доминирующим до нового времени. Концепция Небесного мандата предполагала мистическую связь правителя с Небом и его божественное происхождение³. Имеющий божественное происхождение и наделенный свыше правом на державную власть, государь должен был наделяться и особыми способностями, позволявшими ему исполнять свои сакральные функции. Так возникла идея «*благой силы*» (дэ) как магической силы, также ниспосылаемой свыше. Будучи Сыном Неба, носителем «*небесного мандата*» и обладателем «*благой силы*», он наделялся способностью оказывать личное (а не только через контакты с обожествленными предками) воздействие на окружающий мир и происходящие в нем процессы»⁴.

Здесь уместно напомнить, что идея «*благая сила*» очень близка по смысловой нагрузке с маздеистской (или зороастрийской) идеей «*благословие, благословие и благодеяние*», что говорит о возможности вероятных контактов древних чжоусцев и иранскими племенами севера, носителями «*звериного стиля*». Упоминание в «*Исторических записках*» об обитании многих родоначальников дома Чжоу среди кочевых племен, особенно, восточноиранских племен *ди* и последующий отказ их преемников

¹ Кравцова М.Е. Традиционные и научные версии происхождения института верховной власти в Китае. / Процесс формирования официальной идеологии имперского Китая. -СПб.: «Наука», 2012. -С. 62-68.

² Васильев Л.С. Древний Китай. Т.1.-М.: «Восточная литература», 1995. -С. 223.

³ Кравцова М.Е. Традиционные и научные версии происхождения института верховной власти в Китае. / Процесс формирования официальной идеологии имперского Китая. -СПб.: «Наука», 2012. -С. 62.

⁴ Там же. -С. 68.

от обычаев (иранских) кочевников, отдаленно говорит о том, что они были знакомы не только с их обычаями и искусством, но и их мировоззрениями и жизненными ориентирами.

Исследователи проводят параллели между понятием *дэ* с *благословением божиим* из Ветхого Завета и с древнеиндийской *кармой*, однако, на наш взгляд, проведение параллели возможно также с авестийской «хварной» (позднее таджикской «фарн» или «фар») ниспосланной справедливым шахам древней Арианы (позднее Ирана). В «Яштах» Авесты и «Шахнаме» описывается обладание божественной «хварны» (аналог *дэ*) со стороны праведных правителей. Например: российский исследователь мифов древнего Ирана, рассказывает о многочисленных попытках заполучить божественного *фарна* со стороны чужеземного царя - Афросиаба:

«Нельзя достать мне Хварну,
Которой завладели,
Грядущие и бывшие
Цари арийских стран»¹.

«Превращение *дэ* в этический детерминант колоссальной силы и непрекаемого значения, - пишет известный синолог Л. С. Васильев, - было обусловлено тем, что именно эта категория стала решающим критерием, обуславливавшим реакцию Неба на жизнь людей, и в первую очередь, на поведение правителей»².

Категория «дарения», упорядочивающая взаимоотношения между правителями, согласно итогам исследования синологов, бравшая свое начало с военных трофеев в результате военных походов эпохи Западного Чжоу, постепенно переросла в очень важное общественно- политическое явление. Как отмечает российский исследователь: «Проблема военных трофеев вполне конкретна, но их судьба универсальна. Они передаются вверх по ступеням иерархии, а затем, также ступенчато, частично возвращаются в виде даров.

¹ Рак И. В. Мифы древнего и раннесредневекового Ирана. - СПб.: 1998, с 206.

² Васильев Л. С. Древний Китай. Т.1. -М.: «Восточная литература», 1995. -С.237

«Сянь» и «цы» - подношения и пожалования – это фундаментальные способы коммуникации в Западном Чжоу, включающие в себя экономические, политические и идеологические связи. Остается лишь добавить, что это - постоянно и непрерывно действующий социальный механизм, обеспечивающий жизнедеятельность архаической цивилизации. Исследование древнейших пожалований как целостной социальной системы позволяет увидеть, что дар - не акт и не сумма актов, а скорее некий континуум, в котором начало смешалось с концом, а причина - со следствием, и безусловным осталось лишь одно движение. Именно это движение и вызывало у древних китайцев ощущение дара как благодатного потока, или ниспадающего счастья, к щедротам которого надобно постоянно припадать. «Ежедневное получение милости (жицысю) — это и есть собственное пребывание под таким живительным потоком»¹.

Несмотря на свой непрерывный характер категория «дарение» в китайском обществе уже отличали его социальный характер, так как эта категория делилась на две части «подношение» и «пожалование», определяя статусное положение участников данного процесса.

«Пожалование и подношение, - пишет известный специалист Крюков В.М., - выявили вертикальный характер меж статусной коммуникации, но если в первом случае (цы) движение происходит от «верхов» к «низам», то во втором оно имеет обратную направленность. Низы трудятся и помогают верхам, верхи управляют и помогают низам — это универсальное кредо архаической цивилизации имело вполне реальное и прозаическое основание в буднях хозяйственной деятельности древних китайцев»².

Как вытекает из данного текста, в древнем Китае в отличие от предков таджикского народа, в основном, доминировал вертикальный характер политики дарения. Одной из ранних разновидностей реализации политики

¹ Крюков В. М. Военные походы в системе социальных отношений древнекитайского общества конца II - начала I тыс. до н.э. //XVI научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч.1. -М., «Наука», 1985. -С. 8-13.

² Там же. -С. 8.

дарения, описанной в деянии дома Чжоу в «Исторических записках» Сыма Цяня, была посылка жертвенного мяса Сыном Неба (чжоуского правителя-вана) более могущественным наследственным земельным владельцам (чжухоу), что воспринималась как знак его особого расположения¹.

В эпоху правления династии Чжоу, когда стала формироваться политико-философская доктрина древнего Китая (на основе конфуцианство и даосизма), из-за раздачи земли сподвижникам династии, со временем усилились центробежные процессы. Поэтому был сильно востребован инструмент сохранения главенства власти дома Чжоу среди все более усиливающих местных князей (чжухоу). Политика дарения в течение многих столетий, до времени «Борющихся царств» успешно исполняла роль обеспечения стабильности высшей власти в древнем Китае.

В небольшом отрывке «Исторических записок» древнекитайского автора Сыма Цянь изложены судьбоносные события в истории династии Чжоу, так как чжоуские войска были разбиты, в основном, кочевниками севера. А перенос столицы (в 770 г. до н.э.) новым ваном на восток китайская традиционная историография начинает эпоху Восточное Чжоу (770-256 гг. до н.э.), которой была присуща ослабление центральной власти и усиление междоусобицы между местными княжествами.

В древнем Китае только политика дарения была недостаточно для сохранения высшей власти в условиях центробежных процессов. Поэтому для сохранения реальной власти законного главы Поднебесной, сакральным вождем чжоусцев была разработана идея *ван-дао* («правление вана», «путь вана», «легитимное правление»), противопоставленный идее *ба-дао* («правление силы», «путь гегемона», «нелегитимная власть»). Чжоуские правители, согласно этой идеи продолжали быть символом высшей (скорее сакральной) власти на протяжении почти пять столетий, хотя реальной властью в Поднебесной практически более не обладали. Это был феномен исключительный в мировой истории и объяснимый лишь с позиций той

¹ Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. II. – М.: «Восточная литература», 1975. с.40, 313.

всемогущей и игравшей роль политической религии древнего Китая концепции небесного мандата¹.

Тем временем, по мере роста сепаратизма местных владетелей (чжухоу) ослаблялась военная мощь ванов Чжоу, которые, несмотря на многочисленные вторжения и военные походы чжухоу друг против друга, успешно отстаивали свой религиозно-сакральный статус своей власти, данный мандатом Неба. Однако существовали ряд мощных и фактически независимых княжеств, которые признавая только сугубо сакральное верховенство дома Чжоу, на практике вели полноценные войны с другими соседними княжествами. Эта насильственная практика расширения территории государство-победителя за счет присоединения земель побежденного не могло не привести изменению существующих порядков. В этих условиях наряду с концепцией «мироустройства» с «мандатом Неба» чжоуского дома появилась практика заключения *«клятвенных договоров»* между различными правителями княжеств².

Таким образом, сама суровая реальность жизни эпохи «Борющихся царств» сформулировала наряду с «мироустроительной» концепцией также концепции «равных договоров», предполагающих равноправных отношений между договаривающимися сторонами, которые впоследствии практиковались между Китаем и другими самостоятельными странами. Несмотря на объективные причины появления *«клятвенных договоров»* в древнем Китае, дарственная политика сохраняла свой вертикальный характер, особенно в его внешней политике с кочевыми племенами.

Древний Китай, родина шелка, объединенный дипломатическими и военными стараниями первого императора Ши Хуанди в централизованное государство к концу III века д.н.э. на своей северной периферии впервые столкнулся с мощным племенным союзом сюнну (гунны), который также переживал стадию внутренней консолидации. Военной противостояние

¹ Васильев Л.С. Древний Китай. Т. I.-М.: «Восточная литература», 1995. -С. 312.

² Гончаров С.Н. Китайская средневековая дипломатия: отношения между империями Цзинь и Сун (1127-1142). – М.: «Наука», 1986, с 9.

между оседлым и централизованным Китаем и разрозненной, но мобильной Великой степью порой сменялся дарственной политикой.

Политическое объединение древнего Китая под властью централизованного государства Цинь стал решающим фактором процесса дальнейшей консолидации древнекитайского этноса, а также выхода политики дарения за его пределы.

Однако жесткая карательная система (легизм), предусматривающая массовый вид наказания вкупе с колоссальными затратами и огромными человеческими жертвами для дальних военных походов, строительство Великой стены, ирригационных сооружений, храмов и грандиозной гробницы самого императора подорвали мощь государства подорвали мощь государства Цинь, которого заменяла империя Хань¹.

Теперь централизованная империя Хань древнего Китая в своей внешней политике была, в основном, ориентирована на север в сторону кочевых племен Великой степи.

Здесь необходимо отметить, что политическая история Китая, как и история таджикского народа, тесно связана с историей Великой степи, с одной лишь разницей, что первый выходил к ней на востоке, а мы на его западе. Древние дворцовые хроники сообщают, о первичных контактов предков китайцев с кочевыми племенами на севере уже к концу I тысячелетия до н.э., когда престолонаследник Чжоу «бежал в земли жунов и ди (кочевников Великой степи-М.А.)», по мнению некоторых китайских источников, его мать могла быть «из племени цянов- предков жунов»². А сообщение «Исторических записок» о том, что «Гу-гун отверг обычаи жунов и ди, стал сооружать города»³ свидетельствует о том, что древние китайцы окончательно отказались от обычаев и традиций кочевников и обратились к

¹Степугина Т. В. Китай во второй половине I тысячелетия до х.э.-первые века христианской эры. // История Востока. Т. 1. –М: «Восточная лит-ра», 2009. -С.442.

²Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. I. – М.: «Восточная литература», 2001. -С. 179, 302.

³ Там же. -С. 181.

оседлому образу жизни, свидетельством чего стала постройка множества городов.

Таким образом, «отец китайской истории» Сыма Цянь своими «Историческими записками» («Ши цзи») создавший нормативную китайскую историографию, описал не только внутреннюю жизнь древнекитайского общества и взаимодействие государств внутри Китая, но также его взаимоотношения с соседями - кочевыми племенами. Сто десятая глава его сочинения под заголовком «Повествование о сюнну» («Сюнну ле чжуань») была, преимущественно, посвящена примерно 800-летней истории сложных взаимоотношений между древнейшими китайскими государственными образованиями и северными кочевыми народами, которые не ограничивались только набегами кочевников и их отражением, а также ответными карательными походами. Они известны примерами широких возможностей: примерами привлечения варваров в междоусобные войны, совместных с ними походов против соседнего княжества, брачной дипломатии, приграничной торговли, налогообложения, заимствования традиций и обычаев друг друга, строительства новых пограничных поселений, сооружения крупных защитных фортификационных сооружений, а также элементов дарственной дипломатии¹.

К времени «Борющихся царств» и образования первой китайской империи – Цинь, этнополитическая ситуация на севере Китая, в Великой степи, кардинально изменилась, так как вместо старых племен (*жунов, ди* и др.), появляются новые восточноиранские (сакские) племена (кит. юэчжи) и гуннские (кит. *сюнну*)².

Утверждение древнекитайского историка о том, «что юэчжи достигли расцвета», вероятнее всего, свидетельствует о том, что саки - кушаны

¹ Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. VIII. – М.: «Восточная литература», 2002. -С. 324-326.

² Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы Евразийских степей. – СПб, Петербургское востоковедение, 2004. -С. 59-60; Грантовский Э. А. Иран и иранцы до Ахеменидов. –М.: Восточная литература, 1998. -С. 80.

(юэчжи), проходя продолжительную эволюцию, к началу противостояния с гуннами уже имели структуру архаической кочевой империи¹.

На наш взгляд, основатели первой в человеческой истории кочевой империи ираноязычные саки-кушаны (кит. юэчжи) практиковали, на наш взгляд, не только заложничества сыновей подвластных им племенных вождей², но и практику дарственной дипломатии. Об этой практике дарения среди преемников саков-кушан – гуннов и других пойдет речь ниже.

Во время выхода на политическую авансцену на востоке Великой степи двух новых могущественных племенных объединений - *саков- кушан* (юэчжи) и *гуннов(сюнну)* произошло после смены европеоидных племен *ди* первыми, а монголоидных *жунов* вторыми, там уже практиковались не только политика заложничества, но и практика дарения. В «Исторических записках» сообщается об отправке основателем кочевой империи гуннов к соседней кочевой племени в качестве дара прекрасного скакуна и даже одной из своих супруг, однако отказывается в даре пастбища³. Древние степняки прекрасно осознавали, что пастбища являются основой их жизнедеятельности, поэтому они не практиковали земельные дары, а если уступали их соседним племенам, то в результате вооруженного противостояния.

Здесь необходимо подчеркнуть, согласно информации Сыма Цяня, гунны-бывшие вассалы саков-кушан (кит. юэчжи) после получения независимости от своих бывших сюзеренов, переняли у них не только опыт создания степной империи, но и практику дарения (скакун и др.), что сделали эту практику мировой практикой не только между государствами древнего мира, но и между ними и различными племенами и их объединениями. После откочевки в далекий запад саков-кушан их преемники - гунны не только находились в состоянии перманентного вооруженного противостояния с

¹Та же. -С. 75.

²Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. VIII. – М.: «Восточная литература», 2002. -С. 327.

³Там же. -С. 327-329.

древними китайцами, но и под воздействием всевозрастающей роли их «дарственной дипломатии».

Гуннские племена (кит. сюнну), захватив огромную территорию (от реки Тарим на западе до реки Ляохэ на востоке), стали проводить регулярные вторжения на территорию Ханьской империи. В одном из крупных вооруженных противостояний, когда крупная китайская пешая армия, попадает в окружения гуннской армии, исход которого решает не их полевое вооруженное противостояние, а дарственная дипломатия. Китайский император, окруженного со четырех сторон, отправляет «гонца с подарками яньчжи (супруге правителя гуннов- М.А.), и она тогда сказала Маодуню (правителю гуннов- М.А.): «Вы два правителя, не мешаете друг другу. Если даже вы, *шаньюй* (титул правителя гуннов- М.А.), захватите ханьские земли, вы конце концов все равно не можете на них поселиться. Кроме того, ханьский *ван* (правитель китайцев- М.А.) пользуется покровительством духов. Вам, шаньюй, следует об этом подумать» »¹. Этот отрывок из данного важного первоисточника свидетельствует о том, что дарственная дипломатия в древнем Китае и его близкими соседями (кочевниками) не ограничивалась только персонами –носителями высшей власти, но и могла распространяться в некоторых обстоятельствах и его ближнего окружения. Эта дарственная дипломатия предшествовала заключению (198 году до н.э.) «договора, основанного на мире и родстве» (кит. *хе цинь*), когда Ханьский император фактически признал себя данником шаньюя. Условия договора были очень тяжелыми для новой династии и считались позорными в последующей китайской традиции. С другой стороны, данный договор, имел, в сущности, и благоприятные последствия для новообразованного государства, так как при стабилизации отношений с грозным соседом на севере оно использовало его для наращивания своей мощи и модернизации своей армии по образцу упорного противника. Однако данный договор не стал гарантом от дальнейших вторжений кавалерийских отрядов кочевников, которые

¹ Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. VIII. – М.: «Восточная литература», 2002. -С. 331.

осуществляли глубокие рейды вглубь страны, доходя и до столицы - город Чанъань¹.

Во последующим в двусторонних сношениях империя Хань для снижения интенсивности набегов гуннов широко практикуют дарственной и брачной дипломатий, направлений для временного умиротворения грозных кочевников. Перечень дарственных предметов, отправленных к кочевникам, состояли из: «хлопка и шелка, вина, риса и других продуктов питания»². Анализ данного перечня показывает, что шелк впервые указывается в перечне дарственных предметов, который в следующих дипломатических переговорах древнего Китая не только занимает свое прочное место, но и постепенно преобладает над остальными дарственными предметами. Последующая китайско-гуннская дипломатическая переписка, согласно «Историческим запискам» в обязательном порядке содержит подробный перечень дарственных предметов. Несомненно, традиционный уклад хозяйствования сторон, находящихся в дипломатических сношениях между собой, влияет в перечень предметов дарственной дипломатии. Гунны в конце своих дипломатических письмах указывают на следующие предметы дарения: «одного верблюда, двух верховых лошадей и две упряжные четверки коней»³. Этот перечень свидетельствует о том, что степняки были хорошо осведомлены об острой нехватки в китайской армии и отправляют им (для высшего генералитета или главнокомандующему) средств передвижения.

В состав дарственных предметов китайцев для отправки правителю гуннов входит: «длинный халат на подкладке из шелковой ткани с вышитом цветным узором, теплую короткую куртку с вышивкой, стеганный парчовый халат с узорами- по одной штуке, один гребень, золотой пояс, украшенный раковинами, золотую пряжку для пояса, десять кусков узорчатой ткани для

¹Мамадазимов А. Великий шелковый путь. История становления,расцвете и распада. –Душанбе, «Сино», 2014. -С.45

²Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. VIII. – М.: «Восточная литература», 2002. -С. 332.

³Там же. -С.333-334.

одежд чиновникам, тридцать кусков вышитой парчи и по сорок кусков красного атласа и плотного зеленого шелка»¹. Как показывает перечень предметов дарственной дипломатии за две десятилетия тесной дипломатической переписки между двумя противоборствующими державами, свидетельствует о том, что среди предметов китайской дипломатии стало все больше и больше доминировать шелк и шелковые изделия. Это говорит о том, что степная военная аристократия в повседневном обиходе стала переходить от некомфортных шерстяных одежд, к экологически чистым и роскошным одеждам из шелка.

Все возрастающая потребность в шелковых одеждах среди степной аристократии привела к тому, отсрочка доставки шелковых тканей и продуктов питания в степь, могла привести не только к недовольству степняков, но и к завуалированной форме угроз. Например: советник правителя гуннов, бывший ханьский евнух, грозно предупреждает: «Ханьский посланник! Не нужны пространственные разговоры, лучше позаботьтесь о том, чтобы доставляемые *сюнну* (*гуннам*- М.А.) шелковые ткани. Пряжа, рис, и солод были в достаточном количестве и лучшего качества. К чему тут разговоры? Если все поставляемые вами в достатке и прекрасного качества, то на этом все и кончается. Если обнаружатся нехватки и плохое качество, то осенью, когда урожай созреет, мы пошлем конницу для сбора урожая!»². Как стало известно, что в дипломатических сношениях шелк не только занял доминирующее место, которого требовалось в большом количестве и в высоком качестве. А «отправка конницы на сбор урожая» была завуалированная форма угрозы, когда посевы могли быть растоптаны под их копытами.

Несомненно, дарственная дипломатия наряду с брачной дипломатией способствовала в течение нескольких десятилетий предотвратить жестокого вооруженного противостояния между ними, так как вооруженная кавалерия

¹ Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. VIII. – М.: «Восточная литература», 2002. -С. 335.

² Там же. -С. 337.

превосходила над пешей армией Китая. Но она не могла полностью умиротворить кочевников, которые, численно возрастая, каждым годом требовали все больше и больше дарственных предметов роскоши, в первую очередь, шелка и шелковых материалов.

Традиционное кочевое государственное образование состояло из трех частей, когда ставка верховного правителя находилась в центре (в монгольских степях), а его «правая рука» (или «крыло») на востоке, а «левая рука» на востоке страны.

А согласно с древнекитайской доктриной «мироустройства» и категории «дарения» император Китая «исходящей от него благой силой дэ «преобразовывал» диких «варваров четырех сторон света», являвшихся в ответ на это с «даныю» ко двору Сына Неба (китайскому императору- М.А.), становившихся его «подданными» и получивших от него титулы»¹. Однако специфический образ общественно- политической жизни кочевников, обладающие как дуальный (на крылья) или триадный (на крылья и центр) принцип административного деления империи и военно-иерархический характер общественной организации “метрополии” (ставка верховного правителя)² не мог обеспечить им полной приверженности к идеям и ценностям дарственной дипломатии. Потенциальный престолонаследник, имеющий собственную ставку на «правой руке», опирающийся для укрепления собственной власти, в первую очередь, на свою военную дружину, был кровно заинтересован в регулярных набегах в оседлые земли. А за нарушения договора с Китаем и его верховным сюзереном (традиционно выступающим его отцом) его мобилизовали в борьбу с другими кочевниками³, что не считалась среди них серьезным наказанием, а наоборот, очередной возможностью повышения своего авторитета среди военной аристократии. Поэтому кочевая империя гуннов не могла быть истинным

¹ Гончаров С.Н. Китайская средневековая дипломатия: отношения между империями Цзинь и Сун (1127-1142). – М.: «Наука», 1986. -С.9-12.

²Крадин Н. Кочевники, мир- империи и социальная эволюция. // https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/krad_koch.php дата обращения 25.10.2021.

³Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. VIII. – М.: «Восточная литература», 2002. -С. 334.

приверженцем дарственной дипломатии, так как военная аристократия требовала все новых и новых набегов и вооруженных грабежей.

А после откочевки бывших сюзеренов гуннов-саков-кушан (кит. юэцжи) из Ганьсуйского коридора под их натиском на далекий запад (совр. Таджикистан) в западном конце Великой стены образовалась большая брешь, откуда кочевники совершали свои традиционные набеги. Поэтому перед дипломатией империи Хань стояла решения двух практических задач:

- ликвидировать потенциальную угрозу степной кавалерии, вторгающихся через Ганьсуйский коридор внутрь страны;
- создать собственную (многочисленную) кавалерию для противопоставления степной кавалерии.

Решение этих двух злободневных задач привело к замене дарственной дипломатии с шелковой дипломатией.

Одним из значительных факторов широкого применения дарственной политики внутри Китая состоит в том, что в древнем Китае издревле возникло и укрепилось в общественном сознании предубеждения против торговцев. Согласно традиционным мировоззрением (конфуцианство, даосизм и т.д.) полагалось, что основное усилие человека должно направить на обработку земли и получения плодов своего физического труда. Это занятие считался почетным в традиционном обществе. А деятельность торговцев, основанная на извлечении прибыли, наоборот, порицалось. Поэтому чиновники полагали, что если торговля дает хорошие доходы, то их львиная доля должна поступать в казну¹.

Таким образом, стало известно, что элементы «дарственной дипломатии» были известны как предкам таджикского народа и его родственным народам, широко расселившимся в древнейшем и древнем мире в обширной Евразии, так и предкам китайского народа и его северных соседей.

¹Лёве М. Китай династии Хань. Быт, религия, культура/ Пер. с англ. С. Федорова. М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. -С.166

Согласно «Шахнаме» дальние предки таджикского народа практиковали как вертикальный, так и горизонтальный разновидности дарственной политики, когда не только шахиншаху пред подносили различные дары, он и он одаривал своих преуспевших вассалов (шахов, богатырей и др.), которому последовал и другие дары их других слоев общества.

А древнекитайскому обществу был свойственен вертикальный формат дарственной политики, которое делилось на подношение и пожалование, тем самым явно обозначив ее иерархической сущности. Тот, кто получал дары от вышестоящего (правителя, военачальника, высшего сановника и т.д.), тот осознавал свое подчиненное положение по отношению к нему.

Степные народы к северу от централизованного Китая также практиковали дарственную политику между собой и с оседлым Китаем, которым был свойственен его изменяющий характер, когда слабый вождь уступал дары, а по мере усиления мощи степной империи требовал все более и более даров от слабого соседа.

Исходя из различий в подходе к «дарственной дипломатии» между ними необходимо подчеркнуть, когда китайские императоры стали широко внедрять практику «дарственной дипломатии» со своим окружающим миром, превратив его в «шелковой дипломатии», так как среди дарственных предметов явно преобладали шелк и шелковые ткани, использовали его как орудие своей экспансионистской политики. Каждый правитель чужой страны, который принимал дары в виде шелка, должен был выполнять специальный дипломатический церемониал, тем самым должен был, согласно китайской версии «дарственной дипломатии», согласиться на «вассальное» положение по отношению к китайскому императору.

Соседи Китая в лице предков таджикского народа и родственных (ираноязычных) народов, практикующих различные формы «дарственной политики», не только вертикальной формы, относились к формированию

шелковой дипломатии, как дипломатическому церемониалу равноправных участников.

А степные народы к северу от Китая, будучи в выигрышном состоянии по отношению к нему к моменту формирования шелковой дипломатии, практиковали как вертикальной, так и горизонтальной версии данной дипломатической практики. К моменту своего могущества от требовали от Китая все более более шелка и других предметов роскошного потребления, а в периоды слабости они признавали его сюзеренитет над собой.

1.3. Объективные предпосылки превращения «дарственной дипломатии» в шелковую дипломатию.

Как было рассмотрено выше (параграфы 1.1. и 1.2. данной главы) у всех рассмотренных народов и их государственных образований древнего мира в их межгосударственных отношениях наличествовала дарственная дипломатия. В качестве дарственных предметов выступали огромного количества предметов: от продуктов питания, средств передвижения, предметов роскоши (включая шелк), драгоценные камни и металлы (в первую очередь, золото и изделия из него) и многое другое. Однако уже к концу II в. до н.э. в Дальнем Востоке, в древнем Китае среди предметов дарственной дипломатии постепенно стали преобладать шелк и шелковые материалы.

Одной из серьезной предпосылкой формирования данного исторического типа дипломатии выступило наличие шелкоткачества в древнем Китае и его статус как монополиста в производстве шелка в древнем мире.

Следующие факторы выступили основными причинами стремительного превращения дарственной дипломатии в шелковую дипломатию:

-во-первых, шелк был единственным материалом, который превосходил все другие существующие материи того периода своей

экологичностью, тем что оберегал тело человека от всех паразитов и насекомых в тогдашних условиях обитания. Из-за уникальных качеств шелка и шелкового материала китайская традиция приписывает открытие шелководства и разведения шелковых червей главной супруге легендарного китайского императора, которая научила свой народ этому кропотливому, но очень выгодному ремеслу¹. По мнению российского специалиста: «Любовь древних к шелку вызвана его исключительными природными и техническими особенностями. Нить, выделяемая шелковичным червем, достигает в длину 800-1000 м. Она треугольная в сечении и отражает свет, подобно призме, что дает шелковой ткани специфический отблеск. При этом шелковые нити обладают исключительной прочностью, превышающей прочность стали. Изучение древнекитайских шелковых тканей, обнаруженных как в собственно Китае, так и на различных участках Шелкового пути, показало, что изготавливавшие их мастера опирались на колоссальную культурную традицию. Самый совершенный для своего времени ткацкий станок и высокоразвитая техника производства, возникшая в глубокой древности, позволили создавать шедевры ткацкого искусства. Эти ткани, и сейчас поражающие наших современников, в античное время казались чудом»². По сообщению этого признанного специалиста: «Самые первые материалы по истории шелководства в Китае восходят к неолитическому периоду. В 1927 г. при раскопках в Сиинцуне (уезд Сясянь, пров. Шаньси) неолитической стоянки, датированной периодом Яншао (V-IV тыс. до н.э.), археолог Ли Цзи нашел частично сохранившийся шелковичный кокон»³.

Большой интерес для нас вызывает следующее сообщение этого знатока шелка: «О шелководстве в раннечжоуском Китае можно узнать и из надписей на ритуальных бронзовых сосудах. В надписях встречаются

¹Лубо-Лесниченко Е. И. Китай на шелковом пути. - М.: «Наука», 1994, с 10.

²Там же. -С.5.

³ Там же. -С.13.

сведения о том, как чжоуские правители преподносили в дар своим вассалам шелковые ткани и одежды»¹.

-во-вторых, шелк был легким и прочным материалом, удобным для транспортировки по суше и море на дальние расстояния. Самым ценным дарственным предметом в древнем Китае выступал не шелк, а нефрит, который уже на заре истории выступал в роли сакрально ритуального предмета. Согласно мнению исследователей: «во второй половине II тысячелетия до н.э. хотанский нефрит ввозился в Китай. Так, значительная часть из более семисот изделий из нефрита, обнаруженных в могиле Фу Хао в Аньяне, датированной временем правления У-дина (1238-1188 гг. до н.э.), была изготовлена из хотанского нефрита. Вообще число находок нефритовых изделий чжоуского и раннеханьского периодов (X-I вв. до н.э.) намного превосходит находки более поздних периодов»². Здесь необходимо отметить, что в отличие от других центров древнейших цивилизаций в древнем Китае нефрит занимал особое место, которое в других центрах принадлежало золоту. В Китае издревле бытует изречение «Золото имеет цену, нефрит же бесценен». Как отмечает исследователь: «В древнем Китае из нефрита изготавливались государственные регалии. Нефритовые изделия играли важную роль в религиозных церемониях и украшали быт. Любовь и восхищение этим полудрагоценным камнем, который привозили издалека, отражены во многих памятниках литературы того времени»³. Об особой роли нефрита в древнем Китае подчеркивает и другой исследователь: «В китайской культуре нефрит исходно наделялся особыми свойствами и символическими значениями. Во-первых, он находился в нерасторжимой связи с институтом верховной власти: именно из юй (а не золота) делали важнейшие царские, а затем и императорские регалии, а также регалии высших сановников. Исходное семантическое единство юй и верховной власти нашло отражение в графической композиции этого иероглифа,

¹ Там же. -С. 22.

² Лубо-Лесниченко Е. И. Китай на шелковом пути.- М.: «Наука»,1994. -С. 212.

³ Там же. -С. 212.

различающегося с графикой иероглифа «царь» (ван 王) лишь наличием дополнительной черты в правом нижнем углу. Во-вторых, юй почитался божественным камнем, способным даровать бессмертие. Кроме того, юй выступает универсальной для китайской культуры эстетической категорией, служа метафорой внешнего совершенства предметов, явлений и облика человека»¹.

Японский исследователь Эгами Намио убедительно доказал, что посредниками в торговле нефритом выступали юечжи (саки – кушаны – М.А.), до III в. до н.э., занимавшие обширные территории Западной Ганьсу и Восточного Туркестана. Об этом сообщает трактат «Гуань-цзы»: «На севере народ юйши (юэчжи) использует в быту нефрит», «Нефрит происходит с гор на границе с народом юйши»². Другими словами, к моменту перехода от дарственной дипломатии к шелковой дипломатии из всех западных соседей Китая только саки – кушаны использовали в быту нефрит, которые после их откочевки на запад (совр. территории Таджикистана и Узбекистана) теряли эти потребности (из-за отсутствия нефрита в этих краях). Поэтому нефрит остался самым желанным дарственным предметом только внутри Китая.

Другой ценный китайский товар- фарфор также выступал в качестве первоначального дарственного предмета. Однако из-за дальности торговых путей, когда приходилось несколько раз перекладывать товары, нередко приводящие к порче товара, вкупе с другими непредвиденными обстоятельствами, делала транспортировку фарфора нерентабельным, а часто убыточным предприятием. А также потребность к шелку несколько раз превышала потребность к фарфору среди многочисленных дворов древнего мира, так как многочисленные обитатели, которых выступали основными потребителями этого драгоценного материала. Ношение шелковых платьев уже с самого начала их появления в том или ином государстве стал неотъемлемой частью атрибута и статуса традиционных элит. А фарфор,

¹Кравцова М. Е. Традиционные и научные версии происхождения института верховной власти в Китае. / Процесс формирования официальной идеологии имперского Китая. – СПб.: Наука, 2012. -С.61.

² Цит. по Лубо-Лесниченко Е. И. Китай на шелковом пути.- М.: «Наука», 1994. -С. 213.

превращающий после приобретения домашней утварь, не мог конкурировать с шелком в публичной демонстрации статуса своего обладателя. Поэтому шелк и шелковые материалы выступили основным дарственным предметом, желанным во всех дворцах создаваемых империй.

-в-третьих, ношение шелковых материалов по всему миру (включая, обширного кочевого мира) стал восприниматься как сопричастность к высокой культуре, явный признак цивилизованности, а также к принадлежности к высшей аристократии. Парадоксально, что переход от дарственной дипломатии к шелковой дипломатии совпала с периодом создания великих империй древнего мира (Парфянской, Кушанской и Римской империй), огромный двор которых выступал основным потребителем шелка и шелковых материалов. Вот как описывает востребованность шелка один из признанных специалистов: «В эпоху Римской империи производство китайских рук- шелк стал известен в Средиземноморье. Эта была дорогая ткань, которая «ценилась на все золота». Из шелка шили праздничные одежды, его надевали во дворцах, богатых виллах, как роскошь приносили в дар богам, покрывали им алтари, ткали культовые одеяния. О нем мечтали для подвенечной одежды невесты и с жадностью уносили в качестве добычи варвары»¹. Другими словами, острая востребованность шелка во всех регионах древнего мира, особенно, во дворцах империй древнего мира, выступила мощным толчком превращения шелка в главный предмет дарственной дипломатии. Этот исторический факт позволяет нам с большой долей вероятности утвердить, что к началу нашего летоисчисления в мировой дипломатии утвердился новый тип дипломатии - шелковая дипломатия.

Однако в самом начале шелковая дипломатия должна была решать сугубо практическую задачу древнекитайской дипломатии: с его помощью найти на западе потенциальных союзников (в лице саков-кушан,

¹Пигулевская Н. В. Византийская дипломатия и торговля шелком в V-VII вв. // Византийский Временник, Т. I (XXVI), -М., Изд. АН СССР, 1947. -С.184-185.

откочевавших на далекий запад) и с их помощью заселить снова Ганьсуйский коридор и создать заслон набегам кочевников.

Решение данной задачи поставила перед традиционной китайской дипломатии, превращенной в шелковой дипломатии, поочередно две политики:

1. Политика «отсечь правую руку» кочевников-гуннов, которые, несмотря на реализации дарственной дипломатии с ними в течение почти нескольких столетий, не стали подлинными их приверженцами, а только ситуативными сторонниками;

2. Политика «шелк обмен на лошади», так как упорное противостояние против мобильной кавалерии кочевников требовало создания собственной кавалерии, так как из-за отсутствия лошадей китайская (имперская) армия состояла, в основном, из пехоты.

«Исторические записки» Сыма Цяня подробно описывает изменения внешнеполитической политики империи Хань во времена императора У-ди, который постепенно перешел от дарственной и брачной дипломатии по отношению к кочевникам-гуннам к непосредственному вооруженному противостоянию. В отдельной главе «Описание Дайюани» (Дайюань ле чжуань) «Исторических записках» недвусмысленно сообщает об этом: «Хань неизменно желало уничтожить ху (сюнну)»¹. Анализ первого посольства древнего Китая за пределами страны, подробно описанного в этом ценном историческом труде, свидетельствует о том, что в Даюани (древней Фергане современного Узбекистана) были «наслышаны о богатствах Хань» и согласились получать «множество богатых даров» и согласились дать императорскому посланнику (Чжан Цянь) провожатых². Другими словами дарственная дипломатия древнего Китая нашла здесь- среди оседлых государств Центральной Азии питательной почвы, так как, как было рассмотрено выше (1.2.), в этом новооткрытом регионе мира со стороны

¹Сыма Цянь. Исторические записки («Ши цзи»). Т.IX.- М.: Восточная литература, 2010. -С.199.

² Там же. -С. 200-203.

китайской дипломатии давно практиковалась элементы дарственной дипломатии.

Хотя первая дипломатическая миссия древнего Китая не увенчалась успехом, так как саки-кушаны (кит. юэчжи) не согласились возвращаться к своей исконной Родине (Ганьсуйский коридор Китая), но она провела кардинальной трансформации в традиционном мировоззрении китайцев. Как было рассмотрено выше (1.2.данной главы), согласно их мировоззрения – Китай (Поднебесная), единственное оседлое государство в мире,- центр мироздания, окруженных с четырех сторон враждебными кочевыми племенами, которых необходимо удерживать в определенной удаленности при дарственной и брачной дипломатиями. Вот как описывает эту мировоззренческую революцию древних китайцев «Исторические записки»: «Сын Неба (традиционный титул императора- М.А.) понял, что Дайюань(Фергана-М.А.), Дася (Бактрия-М.А.), Аньси (Парфия-М.А.)-большие государства, там много диковинных вещей. Жители ведут оседлый образ жизни, занятия в основном такие же, как Срединном государстве (традиционное название Китая-М.А.), однако войска слабы; очень ценятся ханьские товары. К северу от них простираются владения *даюэчжи* (саков-кушан- М.А.) и Канцзуй (Ташкентский оазис- М.А.),чьи войска сильны, но их можно склонить на сторону [ханьского] двора с помощью даров. Если завоевать их доверие и привлечь дружественными отношениями, то если земли [Хань] расширятся на десять тысяч ли (китайская мера «ли»-равно 0.49 км. –М.А.). И попадая в [страны] с иными обычаями, очень важно использовать переводчиков [на их языки], чтобы [слава о] могуществе и добродетели [Хань] распространились среди четырех морей»¹. Дипломатия древнего Китая, расширяя свою традиционную воспритию мира, трезво оценила широкой возможности собственной дарственной дипломатии для установления дипломатических отношений со оседлыми государствами на западе. Информация «очень ценятся ханьские товары» и готовность древней

¹ Сыма Цянь. Исторические записки («Ши цзи»). Т.IX.- М.: Восточная литература, 2010. -С. 203.

Ферганы и других стран региона для установления торгово-дипломатических отношений подготовила почву выхода дарственной дипломатии Китая в мировую арену.

Необходимо подчеркнуть, что эта древняя практика дарения шелковых тканей и одежды со стороны чжоуских ванов своим вассалам и правителям кочевого мира в последующем в Ханьское время (во время правления императора У-ди) была трансформирована на международный уровень - дарения шелка своим новым западным соседям (мнимым вассалам). Выход на мировую арену китайской дипломатии с дарственной политикой очень открыто и цинично охарактеризовал императорский посланник: «Варвары падки на ханьские ценные вещи. Ныне можно воспользоваться этим и, щедро дарив *усуней* (ираноязычное государство Хафтруда- М.А.), склонить их к перемещению на восток, чтобы поселиться на бывших землях Хуньсе (Ганьсуйском коридоре Китая- М.А.) и завязать с Хань братские отношения. В этой ситуации они должны согласиться. Если согласятся, это лишит *сюнну* правой руки. Как только соединимся с *усунями*, то можно будет привлечь на свою сторону и находящихся на западе от них подданных Дася (Бактрии- М.А.) и сделать их *внешними подданными* (подчеркнуто М.А.)»¹. Здесь сообщается о том, что выход на далекий Запад был запланирован империей Хань не для установления равноправных торгово-экономических отношений через отправки торговых караванов, а через реализации дарственной дипломатии. Китайский император, одаривая правителей оседлых государств и их соседей-кочевых племен, старались внедрить и расширить среди них собственной концепции восприятия мироздания «Поднебесная- варварский мир», из которых необходимо подготовить новых (внешних) подданных.

Как было подчеркнуто выше (в параграфе 1.2.) среди ираноязычных народов и племен древней Центральной Азии, в отличие от древнего Китая практиковалась не только вертикальная, но и горизонтальная связи дарственной политики. Поэтому в отличие от древних китайцев, считавших

¹Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т.IX. – М.: «Восточная литература», 2010. -С. 204.

своих новых дипломатических партнеров, принимающих китайский шелк, своими новыми вассалами, они не считали налаживания и поддержания дипломатических сношений с Китаем через получения шелка и шелковых тканей, попадания к мнимой и тем более реальной зависимости от него. Необходимо учесть суровые реалии того состояния Китая, находящегося в состоянии упорной борьбы с мощной кочевой империи гуннов, которые очень нуждались к боевым коням, которые были в достатке в новых западных землях от него. А шелк и шелковые ткани были в избытке, так как натуральный налог от податного населения взималось также из них.

Со второй дипломатической миссией на запад императорского посланника Чжан Цяня в 117 г. до н.э. начинается непосредственная история «шелковой дипломатии», так как в распоряжении данного посольства в качестве дарственных предметов были только шелковые ткани¹. Теперь она не охватывает только Поднебесной с тесно связанной с ней кочевыми племенами Дальнего Востока и восточной части Центральной Азии, а также множества оседлых государств Центральной Азии, включая далекую Парфию.

Дальновидный император У-ди стал переоценивать традиционную геополитическую ситуацию с возникшими новыми реалиями. После первоначальной неудачной миссии "прорубить окно на Запад" на южном и южно-западном направлениях в Индию через Юннань и Бирму, где они столкнулись с ожесточенным сопротивлением местных племен. Вероятнее всего, эти племена не практиковали дарственной политики, так как китайская дипломатическая миссия подверглась ограблению². Императорский двор все свои помыслы, обратил на северо-западное направление - к маршруту Чжан Цяня к сакам- кушанам. Именно данное направление считалось перспективным для внедрения шелковой дипломатии, так как все народы и

¹ Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. IX. – М.: «Восточная литература», 2010. -С. 205

² Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. VIII. – М.: «Восточная литература», 2002. -С. 346.

государства западных земель проявили интерес к установлению взаимовыгодного торгово-дипломатических связей с Китаем.

Таким образом, к концу II века до н.э. империя Хань, захватив Ганьсуйский коридор, ставшей безлюдной территорией после откочевки саков-кушан и других племен (тохаров) на запад, выходит непосредственно на Таримский бассейн, который стал связывать внутренний Китай с оседлыми государствами Запада. Начался новый этап его взаимодействия и противостояния с кочевой империей гуннов.

Император, верно, оценил открывшуюся колоссальную перспективу: установить непосредственные тесные контакты с новооткрытыми оседлыми государствами Запада и в союзе с ними продолжить войну с могущественными кочевыми племенами.

Императора интересовала и другая политика «шелк в обмен на лошадей». Несмотря на неудачу первой поездки своего посланника, которому не удалось уговорить саков - кушан вернуться в Гансу и вступить в союзе с Хань в войну против гуннов, император не прекращал усилия в поиске союзников на далеком западе. Как сообщают дворцовые хроники «хотя сюнну и ослабели и отошли далеко, но и у ханьцев осталось мало лошадей, и они были не в состоянии идти дальше»¹. Поэтому ханьский император остро нуждался в союзниках и, особенно, в боевых конях и на этот раз свое внимание на Западе направил на государства Усунь в Хафтруде и мобилизовал Чжан Цяна (находящегося в опале из-за неудачи в одном из сражений с гуннами) на вторую поездку в "Западный край".

При этом император особо обратил свое внимание на слова своего посланника, который твердил «варвары падки на ханьские ценные вещи»².

Как стало известно из данного отрывка в ожесточенной борьбе с упорным противником (кочевой империей гуннов) империя Хань хотела

¹ Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. VIII. – М.: «Восточная литература», 2002. -С. 346.

² Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т.IX. – М.: «Восточная литература», 2010. -С. 204.

через шелковой дипломатии заручиться военно-политической поддержки западных стран.

На этот раз был снаряжен огромный дипломатический караван «триста человек с лошадьми, по две головы на каждого, быков и баранов десять с лишним тысяч. Предоставил им огромное количество денег и *шелковых тканей* (подчеркнуто- М.А.). Придал ему множество помощников с верительными знаками, которых по пути можно было направлять посланниками в соседние государства"¹.

С этим большим посольством на запад открывается новый этап не только в древнекитайской дипломатии, но и в мировой дипломатии. Дарственная дипломатия, которая распространялась среди большинство народов и их государственных образований, стала заменяться вскоре шелковой дипломатией, которая стала ускоренными темпами распространяться между культурными макрорегионами древнего мира.

Данное большое посольство имело глобальные последствия для последующей мировой истории:

- Во-первых, оно вывело Дальний Восток из географической изолированности, соединив в одно целое все очаги цивилизации древнего мира;
- В-вторых, дало миру шелк, самый востребованный (дарственный) товар для людей;
- В-третьих, инициировало регулярную трансконтинентальную торговлю между всеми очагами цивилизации древнего мира;
- В-четвертых, постепенно превратило ареал функционирования шелковой дипломатии в ареал взаимообмена идеями, инновациями, новыми технологиями и т.д.
- В-пятых, превратило «шелковую» дипломатию в мировую практику.

¹ Там же. -С. 205.

Отличительной чертой практической стороны второй поездки Чжан Цяня от первой состояло в том, что усуни не призывались к незамедлительному открытию "второго фронта" против гуннов, а переселению в провинцию Гансу, обезлюдевшую после ухода основной части саков- кушан (юечжи). Переселившись в Гансу, усуни должны были перекрыть "западное крыло маршрута гуннских набегов и вторжений", поэтому Чжан Цянь подчеркивал важность "лишать сюнну правой руки". Другими словами усуни в качестве союзников-федератов ханьцев должны были обеспечить безопасность важного транспортно- торгового коридора, включая караванное движение в нем.

Правитель усуней также (как и правитель саков - юэчжи) отверг предложения ханьцев о переселении на Восток, однако не оказал противодействия отправке отсюда ханьских посланников в Даюань (или Давань - Фергану), Канцзюй (Кангдеж - среднее течение Сырдарьи - М. А.), Даюечжи (кушанам), Дася (Бактрию), Аньси (Парфию), Шаньду (Индию), Юйтянь (Хотан) и т.д. По мнению исследователя Л. А. Боровковой, данное большое посольство Чжан Цяня в Усунь состоялось в промежутке с 119-115 годы до н. э.¹.

Сыма Цянь подробно описывает дипломатический церемониал первой апробации «шелковой дипломатии» в столице государства Усунь, на берегу Иссык-Куля (совр. Кыргызстан): «когда [Чжан] Цянь прибыл к усуням (117 г.), усуньский правитель Гуньмо принял ханьского посла в соответствии с ритуальными нормами шаньюя [сюнну]. Цянь [почувствовал себя] оскорбленным, однако, зная, алчность варваров, сказал: «Сын Неба (китайский император-М.А.) прислал подарки; если правитель не поклонится, то пусть их вернет». Гуньмо встал и поклонился в благодарность за подарки. Остальное было как раньше»². Как показывает данный отрывок, шелковая дипломатия с первых дней своей реализации, требовала

¹ Боровкова Л.А. Царства «Западного края» во II –I веках до н.э. – М.: ИВ РАН. 2001. -С. 121-123.

² Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т.IX. – М.: «Восточная литература», 2010. -С. 205.

подчинению к новому ритуалу, когда принимающая сторона должна была «поклониться» к предмету дарения, через чего, вероятнее всего, подчеркивалась признания доминирования «дарующего» в новых межгосударственных сношениях. Данное предположение находит свое косвенное подтверждение в словах «Чжан [Цянь] разрешил *усуням* направить посольство из несколько десятков человек с десятками лошадей для выражения благодарности [ханьскому императору]»¹.

Таким образом, начальной эрой установления дипломатических отношений империи Хань с другими империями древности и рядом второстепенных удельных княжеств можно считать последнюю четверть второго века до н. э.

Автор «Исторических записок» подробно сообщает об обстоятельствах приема и отправки ответных посольств западных государств. Один из самых грандиозных приемов ханьским послам оказала Парфия, распорядившись вставить к прибытию ханского посла на восточной границе государства 10 тыс. всадников². Здесь можно предположить, что Парфия, стремительная превращающаяся в одну из мировых империй древнего мира, осведомленная от сложности (у новых соседей-саков-кушан, бывших соседей китайцев) империи Хань в оснащении своей армии боевыми лошадьми, и, соответственно, хотела продемонстрировать мощь своей знаменитой кавалерии-катафрактарий.

Данное посольство также способствовало к установлению дружественных отношений с государством Усунь, который путем брачной дипломатии (*хэ цинь*) стал входить в орбиту ханьской внешней политики и старался сохранить положительного нейтралитета по отношению к ним³.

Как вытекает из данного важного текста, государство Усунь, расположенное непосредственно на западе от державы гуннов, во внешнеполитической ориентации предпочтения отдает своему грозному

¹ Там же. -С. 206

² Там же. -С. 209.

³ Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т.IX. – М.: «Восточная литература», 2010. -С. 209.

соседу, чем империи Хань, находящейся в отдаленности от нее. Это выражается в том, что «девушка из племени сюнну», стала «старшей женой» правителя. Также этот отрывок, начинается с сообщения о количестве коней, пригнанных в обмен за ханьскую принцессу и завершающийся сведениями о количестве коней состоятельных людей Усунь, невольно передает атмосферу в ханьском дворе, чрезмерно нуждающегося в боевых конях.

В конечном итоге большое посольство Чжан Цяна имело несомненный успех, так как наряду с крупными государствами запада как Парфия и Усунь, еще десятки небольших государств отправили ответное посольство империи Хань¹.

Здесь был задействован механизм «загадка дара», непрерывная сущность которой была раскрыта французским антропологом М. Годелье, которая состоит из: «обязанности подарить, обязанности получить, принять и обязанности однажды вернуть то, что было принято»². «Обязанности получить и вернуть полученного дара», обладающие сакральное значение для вовлеченных сторон, придавших дипломатическими сношениям древнего мира постоянный характер, с другой стороны, усиливался острыми жизненными потребности в шелке. Аристократия древнего мира требовала экологически чистую и модную одежду, а Китаю, имеющей в изобилии этих шелковых материй (поступающих в казну в виде налоговых поступлений), были нужны взамен боевые кони.

С этого времени начался интенсивный дипломатико- торговый обмен между Китаем и государствами Центральной Азии и Среднего Востока, а также жесткая борьба за доминирование и контроль на торговых маршрутах ускоренными темпами формирующегося трансконтинентального торгового пути.

Аршакидский шахиншах Митридат II, успешно решив "восточные дела", все свое внимание направил на Запад и в 92 г. до н.э., отправив

¹ Там же. -С. 209.

² Годелье М. Загадка дара./Пер. с фр.-М: «Восточная литература», 2007. -С. 13-17.

посольство к римскому диктатору Сулле (находящемуся в восточных провинциях империи), открыл новую страницу во внешней политике Парфии. С этим посольством началась трехсотлетняя эра политического дуализма и торгового партнерства между ними, когда война и мирное сосуществование чередовались между собой. Если учесть, что за двадцать лет до этого он сам торжественно принимал посольство от империи Хань (пр. 112 г. до н.э.), то можно считать рубеж II-I в. до н.э. началом установления межгосударственных отношений между всеми основными очагами древних цивилизаций. Однако сообщение о попадании шелка с этим парфянским посольством в Рим, к сожалению, отсутствует.

«Письменные источники сообщают, что уже в II в. до н.э. китайский шелк получил распространение в Парфии и в первой половине I в. до н.э. из него изготавливались боевые знамена. В I в. до н.э. шелк проникает в Александрию - главный торговый город Восточного Средиземноморья, где для царицы Клеопатры шили из шелка роскошные одеяния. В Рим шелк завозится во второй половине I в. до н.э., в правление императора Августа (один из первых императоров Рима - М.А.) и упоминания о шелке (*serica*) встречаются в стихах Вергилия, Проперция, Горация и Овидия»¹.

Дион Кассий сообщает, что когда в 99 г. н.э. кушанские послы прибыли в Рим, оны были приняты с большим почетом и в качестве знатных гостей участвовали в триумфе императора Траяна, праздновавшего победу над даками. Высокая оценка современниками роли Кушанского государства отнюдь не была простым преувеличением: обширная варорудско-индийская держава кушан действительно стояла в одном ряду с Римом, ханьским Китаем и Парфией и «занимала важное место в политической, экономической и культурной жизни древнего мира»².

Таким образом, создание и укрепление мировых империй древнего мира к началу нашей эры (I в. до н.э.) выступило питательной почвой для

¹Лубо-Лесниченко Е. И. Китай на шелковом пути. - М.: «Наука», 1994. -С. 247.

²Цит. по Ставиский Б. Я. О северных границах Кушанского государства// Вестник древней истории. М. 1961, № 1. -С.108.

превращения шелка в главный предмет дарственной дипломатии, которая, с большой вероятности, можно утверждать, что она окончательно превратилась в шелковую дипломатию.

Как стало известно, отправка больших караванов на далекий запад со стороны китайских императоров было нацелено не на открытия торговых маршрутов, а для нахождения военных союзников для совместной вооруженной борьбы против могущественной кочевой империи гуннов. Именно шелк и шелковые материалы должны были выступить инструментом налаживанию дружественных и союзнических дипломатических сношений с данными новооткрытыми преимущественно оседлыми государствами Центральной Азии.

Главным залогом успеха китайской шелковой дипломатии состояла в том, что и эти народы, как и древние китайцы, практиковали дарственную дипломатию и политики. Однако они имели одно отличие от китайской практики, так как они практиковали как вертикальной дипломатии (как китайцы), так и горизонтальной, которая предусматривала равноправное положение сторон. Поэтому они не могли, как считал императорский посланник, стать «внешними подданными» китайского императора, а считали себя равноправными участниками этих налаживающих дипломатических сношений с имперским Китаем. Тем более у них имелись равноценных к китайскому шелку товар-скакуны, которые были очень востребованы китайской империи Хань, практически находящейся в окружении традиционных «варваров».

Другой особенностью стремительного успеха шелковой дипломатии состояла в том, что государство Усунь, где проходила первичная апробация данного типа мировой дипломатии, также практиковавшей дарственной дипломатии, оказало содействие ее успеху. Таким образом, шелковая дипломатия с момента своего внедрения приобрела характер дипломатии «длинной руки», когда торгово-дипломатические караваны стали двигаться в

обоих сторон (с Китая на запад и в обратном направлении), одолевая дальних расстояний на несколько тысячи километров.

А сакральный (магический) характер процесса дарения, получения дарения и возврата дарения, описанного в предыдущих разделах, требующего своевременного возврата дара, актуализировал постоянный характер шелковой дипломатии. Теперь ответные посольства западных стран в Китай, снаряжающих со временем возврата китайской дипломатической делегации или в кратчайшем сроке после нее, старались запастись равноценному китайскому шелку, местными товарами роскошного потребления и редкостями. Это особенность на долгое время заменяло наличие постоянного представительство зарубежного государства в столице Китая, роль которого в большинстве случаев выполняли религиозные учреждения, на территории которых останавливались эти дипломатические миссии зарубежных стран (христианские церкви, буддийские храмы, зороастрийские очаги огня, иудейские синагоги и т.д.)

Необходимость снаряжения ответных дипломатических миссий в далекий Китай при отсутствии профессиональных дипломатов у многих больших и малых государств, выдвигали ан первый план согдийских торговцев-рахдонитов (тадж. «рох»- «дорога», «дон» - «знаток», т.е. «знаток дороги»). Согдийцы с бактрийцами, покинувшие в начале V в до н.э. пределы Ахеменидской державы из-за непринятия религиозной реформы данного государства, уже долгое время колонизировали Таримский бассейн (современный СУАР КНР) и сопредельные области, контролировали также основные маршруты дорог во внутренней Китай.

Поэтому согдийские торговцы наряду с китайскими имперскими посланниками были основными носителями идей и ценностей шелковой дипломатии. Для множества больших и малых государств, которые постепенно стали включиться в орбиту шелковой дипломатии, начали понимать сущность китайской имперской разновидности данного исторического типа мировой дипломатии, поэтому, в большинстве случаев,

без сожаления, уступали согдийским торговцам-рахдонитам выполнения дипломатических миссий в столице Китая. Таким образом, согдийская посредническая дипломатическая миссия нивелировала отрицательной сущности китайской имперской дипломатии, рассматривающей в лице зарубежных дипломатических миссий «внешних вассалов» приносящих «дань» китайскому императору.

Именно на плечи согдийских торговцев сложилась основная ноша не только поддержания шёлковой дипломатии «длинной руки», но и ее долголетия.

Стремительному распространению и широкому утверждению шелковой дипломатии «длинной руки» посреди древних государственных образований Евразии способствовало не только сакральный характер процесса дарения, который требовал обязательность возвращения дара, но и сугубо практической стороны этого типа мировой дипломатии. Древние китайцы, обладатели колоссального запаса шелка и шелковых материалов, из-за нескончаемых вооруженных противостояний против мобильной кавалерии кочевой гуннской империи, остро нуждались в приобретении большого количества боевых лошадей на западе. Поэтому отправка и прием торгово-дипломатических миссий, которые в основном, в начальном этапе были направлены на реализации политики «шелк в обмен на лошади» требовал от китайской империи Хань также заботиться об установлении контроля над международными маршрутами и ключевыми областями передвижения этих миссий. Со временем установления, поддержания и расширения контроля над узловыми пунктами и основными маршрутами передвижения торгово-дипломатических миссий стал еще одним компонентом шелковой дипломатии.

ГЛАВА II. Роль империй древности в формировании шелковой дипломатии в I-VI вв.

В настоящее время новые научные достижения XXI века поправляют мнение известного римского историка и географа Страбона (64/63 г. - 25 г. до н.э.), что мир в его эпоху был разделен между двумя державами - Римом и Парфией¹. Современные авторы к этим двум империям добавили еще две - Хань на Дальнем Востоке и Кушаншахов в Вароруде (Среднеазиатское междуречье), Бактрии и северо-западной Индии². К этим четырем империям можно добавить пятую - кочевую империю гуннов в сердце Центральной Азии³.

Формирование шелковой дипломатии во всемирно – историческом плане совпало с образованием обширных древних империй Евразии.

Эти два процесса шли параллельно и дополняли друг друга. Обширные империи отличаются от других своей разветвленной бюрократией, ориентированной, среди прочего, роскошному потреблению. Как было рассмотрено выше, шелк отличался от других существующих во всех населенных регионах древнего мира текстильных изделий своей экологичностью, прочностью и красотой. Несомненно, большая потребность создает огромный спрос. С одной стороны, шелковая дипломатия и связанная с ней формирующийся трансконтинентальный торговый путь, пронизывая эти обширные государственные образования своими торговыми маршрутами, как экономически выгодные коридоры, стимулировала интенсификацию двусторонних и многосторонних связей между ними. С другой стороны эти государственные образования постепенно основное свое внимание стали обращать на ареал прохождения маршрутов этой очень выгодной трансконтинентальной торговой дороги. Эти взаимодополняющие друг друга процессы привели к колонизации буферных территорий между этими

¹ Страбон. География в 17 книгах. -М.: «Ладомир», 1994. -С. 487.

² Гафуров Б. Г. Кушанская эпоха и мировая цивилизация // Центральная Азия в кушанскую эпоху. – М. «Наука», 1972. с. 61

³ Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Государства и народы Евразийских степей. – СПб, 2004. - 432 с.

империями древности, способствовали конкурентной борьбе между ними за доминирование в больших отрезках торговых маршрутов, а также созданию благоприятных условий в обеспечении безопасности и комфортности участников караванной торгово-дипломатических миссий внутри этих обширных государств и т.д.

Образование обширных государственных образований с относительно устойчивой внутренней политикой способствовали расширению торгово-дипломатических связей от берегов Желтого моря до берегов Средиземноморья. Роль приводного ремня древнего мира, состоящего, в основном, из пяти вышеуказанных империй, играла шелковая дипломатия, которая постепенно все больше притягивала их потенциал и ресурсы в свою орбиту.

Таким образом, в течение многих столетий ареал функционирования шелковой дипломатии и связанного с ней трансконтинентального торгового пути (названный в конце XIX века немецким географом- шелковым путем¹) стал главным макрорегионом мира, где развернулись основные всемирно-исторические тенденции и процессы древности и средневековья. Именно буферные и приграничные территории между этими империями превратились в зону жесткого противостояния между ними. Ганьсуйский коридор и Таримский бассейн (Китай) стали зоной соперничества между империей Хань и кочевой империей гуннов, позднее и Кушаншахов, бассейн реки Амударья с Хорасаном стали ареной противоборства между Кушаншахами и Аршакидами (Парфией), а бассейн реки Евфрат с Сирией и Арменией местом жесткого противостояния между Аршакидами и Римом. Бассейн реки Сырдарья, особенно ее правый берег, превратился в место столкновения за контроль над торговыми городами и путями между гуннами и другими кочевыми племенами.

¹Richthofen F. China. Bd. I. Brl. 1877. S. 454 ff.

2.1. Отношение древних народов и государств Центральной Азии и Среднего Востока к шелковой дипломатии в I-VI вв.

Одновременно с формированием шелковой дипломатии на стыке Дальнего Востока (Китая) и Центральной Азии (Таримский бассейн и Хафтруд) с одной стороны (с запада) продолжалась торгово-коммерческая колонизация региона со стороны согдийцев, проникнувших сюда задолго до начала ее внедрения, а с другой стороны (с востока) началась административная колонизация Ганьсуйского коридора и Таримского бассейна китайцами. Данное взаимопроникновение и взаимодействие предков таджиков-согдийцев и ханьцев благодаря совместному внедрению шелковой дипломатии и, соответственно, создаваемой сухопутной торгово-дипломатической дороги, как свидетельствует достижения множества наук (археология, нумизматика, лингвистика, религиоведения, ирригация, политической истории и др.), в основном, носили мирный и взаимодополняющий характер.

Как было рассмотрено в предыдущих разделах (1.2) саки-кушаны (кит. юэцжи) на рубеже II-I тысячелетия до нашей эры, мигрировав в составе огромного арийского мира, дошли до степей Ганьсуйского коридора, соединяющий Таримский бассейн с внутренним Китаем. А согдийцы и часть бактрийцев, недовольные религиозной реформы ахеменидского шахиншаха в первой половине V в. до н.э., также переселились на Таримский бассейн, Хафтруд и частично в Тибет. После вынужденной откочевки саков-кушан и индоевропейских тохар на далекий запад (ареал р. Вахш Таджикистана) под жестким натиском гуннов, согдийцы остались, по существу, единственным оседлым народом Таримского бассейна. Они сюда перенесли не только свои сельскохозяйственной и торговой навыков, но и практику дарения. Оазисные города согдийцев Таримского бассейна, создавших многочисленных малых государственных образований, выступали самой малонаселенной, поэтому самой уязвимой части для регулярных дипломатических сношений древнего Китая с западными землями. Именно торговая коммуникабельность

согдийцев, обеспечивающих непрерывных торгово-экономических связей, выступили твердой почвой для формирования шелковой дипломатии дальнего действия.

Данную версию поддерживает российский исследователь Пигулевская Н.В, согласно которой: «первоначально согды продавали лишь плоды своего сельского хозяйства, отчасти, своих ремесел. Начав с посреднической торговли шелком, они сами переходят затем к изготовлению и выделке тканей из него, заимствуя их украшение, расцветку, рисунки из обихода своих потребителей, стремясь дать то, что могло найти сбыт. В этом отношении исключительно красноречивы и показательны археологические данные на всем протяжении шелковой дороги от Китайской стены до берегов Нила»¹. Теперь не только китайский шелк, но и согдийский шелк стал основным инструментом формирующей и стремительно распространяемой шелковой дипломатии по всей обширной Евразии. Здесь необходимо учесть, что не центральный Согд с центром на бассейне реки Зеравшан, а согдийские колонии от города Дунхуань (ворота во внутренний Китай) до Семиречья переняли опыт возделывания шелка и шелковых тканей от китайцев.

Позднее с формированием и расширением шелковой дипломатии и связанной с интенсификации торгово-дипломатических связей древних государств Центральной Азии и Среднего Востока с Китаем, появления шелкового пути согдийцы были активно включены в эту международную торгово-дипломатический взаимообмен. «Значительная роль в торговле на Шелковом пути принадлежали согдийцам, - пишет известный исследователь Лубо-Лесниченко,- их проникновение в Восточный Туркестан и Западный Китай относится к IV- III вв. до н.э. Значительные согдийские колонии и поселения зафиксированы на главных центрах караванной торговли Средней Азии, Восточного Туркестана и Северного Китая с первых веков н.э. Письменные сведения о согдийском общине на узловом пункте Шелкового

¹Пигулевская Н. В. Византийская дипломатия и торговля шелком в V-VII вв. // Византийский Временник, Т. I (XXVI), -М.: Изд. АН СССР, 1947. -С.206.

пути - в Дуньхуане восходит к IV веку. По данным согдийских «старых писем», она насчитывала не менее 1 тыс. человек в данной согдийской общине. Значительные согдийские колонии находились также в таких торговых центрах Западного Китая, как Лянчжоу, и Сучжоу»¹. Вполне возможно, что среди «купцов Западных земель, возводивших храм и совершивших жертвоприношения по усопшему императору Хань Гуаньту в 58 году» были и согдийские торговцы-дипломаты.

Необходимо подчеркнуть, что постепенное и деятельное вовлечение согдийцев в орбиту шелковой дипломатии было обусловлено самым характером внешней политики Ханьской империи, которая стала использовать самый востребованный товар древности – шелк, не как монопольный товар во внешней торговле, а как дарственный товар, предназначенный прежде всего для установления иерархического статуса дипломатии, во главе которой стояла персона императора Хань. Для этой цели империя Хань не жалела огромного количества шелка и других драгоценных товаров (золото, серебро и т.д.).

Поэтому из-за многих объективных причин, когда многие мелкие княжества не могли снарядить свое собственное посольство (из - за дальности расстояния в Китай, дороговизны оснащения торгово-дипломатического каравана и обеспечения его безопасности, незнания дипломатического церемониала ханьцев или из-за нежелания их выполнять и т.д.) они стали использовать услуги согдийских торговцев, которые охотно и за определенное вознаграждение выполняли также и дипломатическую миссию. Из-за отсутствия реальной конкуренции со стороны китайцев они стали монополистами почти по всей восточной части этой трансконтинентальной торговой дороги. Необходимо подчеркнуть, что в Китае издревле существовал запрет на добровольные зарубежные поездки, исключение делались только для имперских посланников.

¹Лубо-Лесниченко Е.И. Великий шелковый путь // Вопросы истории. 1985. № 9. с. 96.

Ослабление Китая на "Западном крае" после распада централизованной Ханьской империи создало благоприятное условие для проникновения оседлых соседей- Кушаншахов в Таримский бассейн, так как в середине II века резко ухудшается внутривосточная ситуация в Китае и он оказывается не в состоянии контролировать все процессы в новых землях.

Кушаншахи, вышедшие из союза племен саков- кушан, до своей вынужденной откочевки на запад из Гансуйского коридора (Китай), как было рассмотрено выше, имели тесные связи с древним Китаем. Торговля нефритом (Хотана) и другие торгово- экономические и военно-политические связи свидетельствуют о том, что они были уже знакомы с особенностями китайской внешней политики, включая «дарственную» политики, уже превращенной в шелковую дипломатию. Они до этого времени, завоевав Бактрию, расширив свое владение на север (Согд и Кангдеш) и, в основном, на юго-восток (северо-западная Индия с Кашмиром) обратили свое внимание на свою "историческую родину" (Таримский бассейн и Ганьсу) и перешли Памирское нагорье¹.

Основное соперничество за контроль над торгово-дипломатическими маршрутами Кушаншахи вели в Вароруде с мощной державой Аршакидов (Великая Парфия), которая со временем перевела свою столицу из Нисы (близ совр. Ашхабада Туркменистана) в Гекатомпиль (вблизи совр. Тегеран Ирана), а позже в Ктесифон (Месопотамия), но ревностно относилась к военно-политическим процессам, происходящим в их исконных землях. Эта держава с первого момента благоприятно относилась к внедрению «шелковой дипломатии», свидетелем того является известный случай приема китайского посланника у реки Амударьи с большим почетным караулом (из 10 тыс. всадников).

К моменту вторжения саков - кушан (юечжи) в Вароруд (вт. пол. II века до н. э.) и подчинения большей ее части на западе от них находились коренные земли правителей племени дахов (или парнов), откуда вышли шахи

¹Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Государства и народы Евразийских степей. – СПб, 2004. -С. 80.

Аршакидов. Эти племена, принимая оседлый образ жизни, за сто лет независимого развития стремительно превратились из небольшой бывшей селевкидской сатрапии в могущественную державу, носящую имя своего основателя – держава Аршакидов (или Великая Парфия), простиравшей от отрогов Гиндукуша до берегов Евфрата.

Дальнейшему продвижению к границам Парфии кушан удалось остановить одному из известных аршакидских (парфянских) шахов Митридату II (ок. 123 г. до н.э.- ок. 88 г. до н.э.). Два аршакидские шаха Митридат I (171-138 гг. до н.э.) его сын и преемник Фраат II (138-128 гг. до н.э.), беспощадно разрушив ожесточенное сопротивление своих бывших сюзеренов (Селевкидов), методично расширяли территории нового государства. Первый разгромил селевкидское войско, взял в плен и поселил в Гиркании (область в южном берегу Каспия) селевкидского правителя Деметрия II Никатора, а второй нанес поражение в 129 году до н. э. другому селевкидскому правителю Антиоху VII. Аршакидской экспансии на Запад (в Иран и Месопотамию) не помешала слабость поздних селевкидских правителей, а тормозила форсирование Амударьи и приближение к их коренным землям дотоле неизвестных кочевых племен (саков- кушан), пришедших из глубин Центральной Азии (с границ внутреннего Китая) и разгромивших греко-бактрийские государства.

В упорной борьбе с новым грозным противником нашли свою смерть два аршакидские шаха – Фраат II и его преемник Артабан II (128-ок.123 г. до н.э.). Дальнейшему продвижению к границам Парфии кушан удалось остановить одному из известных аршакидских шахиншахов Митридату II (ок. 123 г. до н.э.- ок. 88 г. до н.э.).

Хотя античные авторы не оставили никаких сведений о ходе переговоров между аршакидами и кушанами и об их результатах, но последующие военно-политические события косвенно подтверждают достижение взаимоприемлемого компромисса между ними. Так как в дальнейшем кушаншахи обратили свой взор на юг (к ослабевшим греко-

бактрийским и греко-индийским царствам), а аршакиды всё своё внимание направили на запад (особенно на Закавказье).

О последующих событиях масштабного продвижения кушан сообщает Хоуханьшу: "По происшествии ста с небольшим лет гуйшуанский (кушанский) ябгу (правитель - М.А.) Киоцзиоко (Кудзула Кадфиз- М.А.) покорил прочих четырех ябгу и объявил себя государем. Его царство называлось гуйшуанским (кушанским). Он воевал с Аньси (Парфия), покорил Гаофу (Кабул), затем победил и присоединил к своему царству Пуду (Арахозия) и Гибин (Кашмир). Киоцзюкю умер в возрасте более 80 лет"¹. Из данного текста вытекает, что саки - кушаны, некогда контролировавшие "Нефритовый путь" Китая и проигравшие борьбу за древний "Лазуритовый путь" парфянам уходили на юг, чтобы взять под свой контроль древний торговый путь «От Бактрии в Индию», о существовании которого сообщал китайский дипломат Чжан Цянь по завершению своей первой дипломатической миссии на запад².

О превращении государства Кушаншахов в обширную державу отмечали не только античные (греческие и римские) авторы, но и древнекитайские дворцовые хроники. Согласно Б.Я. Ставискому: «среди многочисленных государств, существовавших в древности на территории Средней Азии, Кушанскому царству как по могуществу, так и по его историко-культурному значению принадлежит одно из наиболее почетных мест. В глазах современников это государство являлось из тех «мировых империй», которые в первые века н. э. поделили между собой почти все передовые страны той эпохи. Китайский автор первой половины III в. н.э. описывая политическую ситуацию, делит весь мир на три части, подвластные трем императорам: римскому, кушанскому и китайскому. Дион Кассий сообщает, что когда в 99 г. н.э. кушанские послы прибыли в Рим, оны были приняты с большим почетом и в качестве знатных гостей участвовали в

¹ Цит. по Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Государства и народы Евразийских степей. – СПб, 2004. -С. 79.

² Мамадазимов А. Великий шелковый путь. История становления, расцвета и распада.-Душанбе, «Сино», 2014. -С.16-21.

триумфе императора Траяна, праздновавшего победу над даками. Высокая оценка современниками роли Кушанского государства отнюдь не была простым преувеличением: обширная среднеазиатско-индийская держава кушан действительно стояла в одном ряду с Римом, ханьским Китаем и Парфией и занимала важное место в политической, экономической и культурной жизни древнего мира»¹.

Саки-кушаны, создавшие первыми из состава кочевых племен архаической кочевой империи на территории западной Монголии и Ганьсуйского коридора Китая, в последующем уступив в упорной войне своему бывшему вассалу (гуннам) и откочевали далеко на запад. Именно их статус в качестве сюзерена над усилившими гуннами выступал в глазах древних китайцев как перспективный и желанный военно-политический союзник против грозных гуннов. Поэтому их поиск и возвращение в их историческую родину выступил в качестве отправной точки начала функционирования шелковой дипломатии. Они при жестких жизненных условиях, откочевав далеко на запад, привлекли внимания китайцев, дотоле не знавших о наличии большого количества оседлых народов и государств на Западе. Здесь в северной Бактрии, саки-кушаны, залечив раны и восполнив свои силы и потенциал среди родственных ираноязычных племен и народов, вновь вышли на арену мировой истории. Опыт положительной комплиментарности с древними китайцами, между которыми уже давно сложились обмена различными дарами, также способствовал их активного включения в шелковую дипломатию, включая их в борьбу за маршрутами следования торгово-дипломатических миссий.

Однако политическая история и международные связи империи Кушаншахов исследованы недостаточно полно, так как страна находилась в относительной удаленности от античных авторов и древнекитайских хроникеров, местная письменность не оставила достаточных источников. А

¹ Цит. по Ставиский Б. Я. О северных границах Кушанского государства// Вестник древней истории. М. 1961, № 1. -С.108.

нумизматика и хронология Кушаншахов, как основные источники об истории данной династии, во многом, не прояснили ситуацию, а наоборот, своей дискуссионностью, еще более усилили разночтения об основных этапах ее становления, расцвета и упадка. Согласно Р. Гиршману: «Эта хронологическая проблема (т. н. «эра кушан»- М. А.) стала доминирующей в громадном большинстве работ, посвященных кушанам. Как будто бы два или три десятилетия, которые отделяют три даты, предложенные для эры Канишки (115-128-144), могут в действительности играть исключительную роль в изучении блестящей культуры кушан, сгоревшей, как феникс, после трехсот лет своего существования!»¹.

Общеизвестно, о покровительстве буддизму (особенно, махаяна) со стороны кушаншахов, через территории которых эта религия проникла в последующем через Вароруд и Таримский бассейн на Дальний Восток. Поэтому этот южный маршрут торгового пути (формировавшейся параллельно с продвижением на юг кушан) с учетом его перспективы условно можно назвать "путь буддийских паломников".

Согласно мнению известного специалиста по истории Кушаншахов, кушанская дипломатия прекрасно справлялась своими функциями, крепко связывая империи Дальнего Востока и Средним Востоком. «Так же как Голландия в XVII в. и Англия в XVIII в. Кушанская империя с середины I в. н. э. - пишет Р. Гиршман - является необходимым звеном торговой цепи, соединявшей Дальний Восток с Западом и занимавшейся почти исключительно транзитом индийских и китайских товаров, импортируя (иногда только для высшего класса своего населения) предметы роскоши из восточных владений Римской империи, как это показали находки в Беграме. Эта деятельность посредника составляла главный источник богатства кушан. Рим платил золотом, которым победы наполняли его казну. Но чтобы торговать, нужно обеспечить свободу дорог и морей. Эта проблема должна была стать одной из главных забот кушанской дипломатии. Что же касается

¹Гиршман Р. Кушаны и Иран. // Центральная Азия в кушанскую эпоху. – М.: «Наука», 1972. с. 139.

купцов, то независимо от войны и мира, разбойников или пиратов, караваны и торговые корабли должно были двигаться, не останавливая международный обмен. Потери были большие, но прибыль их покрывала»¹.

Если южная граница Кушаншахов достаточно хорошо известна благодаря буддийским письменным источникам, то северная граница государства остается вполне дискуссионной. «Если исходить из монетных находок,- пишет Ставиский Б.Я.,- то северную границу кушанских владения при Кадфизе I (один из первых Кушаншахов- М. А.) следовало бы, таким образом, проводить по Амударье, или, что вполне вероятно, хотя пока, и не доказано по Гиссарскому хребту, естественному рубежу Бактрии на севере. Как бы то ни было, включать в состав государства Куджула Кадфиза Согд, как это делается в нашей литературе, или Хорезм, как предлагает Р. Гиршман, нет никаких оснований. Исходя из монетных данных, можно также заключить, что подчинение Согда, Хорезма и вероятно, Чача было осуществлено кушанами не на начальном этапе создания ими своей державы, когда их основное внимание было сосредоточено, как это видно из китайских источников, на завоевания в Бактрии и Индии, а в годы расцвета, в конце царствования Кадфиза II или в годы правления Канишки. В отличие от чекана Кудзули Кадфиза находки монет Кадфиза II зарегистрированы не только в Афганистане и Индии, но и на территории современных советских республик Средней Азии. Основные находки этих монет в Средней Азии приходится на Северную, правобережную Бактрию»².

Расширяясь в Малую Азию, Месопотамию и сопредельные страны Парфия столкнулась с Римом, которые фактически выступили преемниками некогда обширной Селевкидской державы. Римляне, нанеся чувствительное поражение селевкидскому царю Антиоху III, недавнему союзнику своего "заклятого врага" Ганнибала, при Магнесии в 190 г.до н.э. начали захват западных земель этой державы. А аршакидский шах Митридат II, до

¹Гиршман Р. Кушаны и Иран. // Центральная Азия в кушанскую эпоху. – М.: «Наука», 1972. с. 144.

²Ставиский Б. Я. О северных границах Кушанского государства// Вестник древней истории. М. 1961, № 1. - С.112.

появления кушан на востоке своего государства, нанеся поражения селевкидскому царю Деметрию II Никатору в 142 г. до н.э. захватил одну из богатейших его областей Вавилона. Однако гражданские войны в самом Риме и восточная угроза Парфии на время остановили их экспансию и движению навстречу друг другу. Этим временным затруднением двух империй воспользовались цари Понта и Армении, которые не только расширили свои владения, но установили свой контроль над формирующимся торговым (шелковым) путем на Китай и др. страны Востока. Если северное и северо-восточное побережье Черного моря (Боспорское царство, и города-полисы) выступили мощной поддержкой понтийского царя Митридата VI (120-63 гг. до н.э.), армянский царь Тигран II (95- 55 гг. до н.э.) расширив свои земли, пошел еще дальше. Заложение в 77 г. до н.э. города Тигранокерта этим царем и переселение туда сотни тысяч ремесленников и, особенно, торговцев свидетельствует о ранней реакции дальновидного правителя на изменения конъюнктуры международной торговли, так как этот новый город был ближе к торговым путям по Евфрату и по Армянскому нагорью, чем старая северная столица Арташат. Поэтому можно считать, город Тигранакерт был не только последним эллинистическим городом, но и первым городом шелкового пути, построенным на ее западной части.

Аршакиды, успешно исполняя роль достойного соперника Рима в его проникновения на Восток, в отличие от своего преемника - Сасанидов, не перекрыли торговых путей Востока, идущих на Запад (в большем счету, в Рим).

Сообщение специалиста: «письменные источники сообщают, что уже в II в. до н.э. китайский шелк получил распространение в Парфии и в первой половине I в. до н.э. из него изготовлялись боевые знамена.... В Рим шелк завозится во второй половине I в. до н.э.»¹ дает нам возможность допустить о стремительном утверждении шелковой дипломатии и на самой западной

¹Лубо-Лесниченко Е. И. Китай на шелковом пути. - М.: «Наука», 1994, -247 с.

(римской) империи. Первое китайское посольство посетило Усунь и другие западные страны (включая Парфию) в конце II в. до н.э., а через полстолетия из шелка уже изготавливают парфянские знамена, а через еще полстолетия шелк уже завозится в самую западную империю мира. Можно с большой вероятности предположить, что наличия крупных централизованных империй древности с их большим имперским аппаратом, выступили питательной почвой для стремительного формирования шелковой дипломатии.

Вполне возможно допускать, что часть из "огромного количества шелковых тканей", бывшего в распоряжении большого ханьского посольства на Запад во главе с Чжан Цяном (117 г. до н.э.), вывозимого из Усунь в Аньси (Парфия) с посольством была в последующем включена в дары посольства Аршакидов в западные страны, включая Рим.

По мнению исследователя Малькольма А.Р. Колледжа: «Когда рассматривается общая картина торговых перевозок между Средиземноморьем, Дальним и Ближним Востоком после падения империи Селевкидов, парфяне выступают главным образом как посредники, а не как производители. В ранний период парфяне, несомненно, торговали с селевкидскими купцами. Коммерческие контакты с Китаем были прочно налажены еще до конца II в. до н.э. Чжан Цянь и другие сообщали о готовности парфян вести торговлю. Их повозки, караваны и корабли появлялись в соседних землях, они отправляли диковинные подарки - страусинные яйца и фокусников, чтобы возбудить китайского императора. Шелковый путь между Китаем и Средиземноморьем начал действовать. Дружественные посольства и подарки продолжают упоминаться в китайских источниках I и II вв. н.э. Китайцам были известны парфянские монеты: еще до 150 г. н.э. надпись с парфянской монеты были скопирована в качестве украшения китайской бронзы»¹.

¹ Малькольм Колледж А. Р. Парфяне. Последователи пророка Заратуштры. - М.: Центрполиграф, 2004. с.72-73.

Тем временем восточный поход Гнея Помпея во время третьей войны Рима с Митридатом Понтийским (74-64 гг. до н.э.) укрепил дипломатические отношения этой западной державы с Парфией. Сама необходимость войны с двумя мощными государствами Ближнего Востока - Митридатом VI, царем Понта и Тиграном II, царем Армении, которые совместно господствовали во всех странах Малой Азии, Армении, Сирии до Евфрата, когда первый угрожал Римским, а второй новым областям Парфии, заставил Помпея выступить в дипломатические переговоры с аршакидским шахом Фраатом III. Согласно договору между шахом Фраатом III и римским полководцем Помпеем, Парфяне получили права вторгаться в пределы Армении. Аршакидский шах Фраат впервые предложил границу по Евфрату, которому в последующем много раз возвращались. Разрыв союза армянского и понтийского царей был результатом умелой политики Помпея, заключивший союз с Парфией. Однако его попытка пройти после захвата Армении (нарушая договор с Парфией) из долины Фазис к Каспийскому морю и овладеть древним торговым путем окончилась неудачей¹.

Также возможно, что Красс, самый богатый человек Рима и наместник Сирии, попав в "шелковую лихорадку", хотел не только повторить восточные походы Александра Македонского, но и продвинуться ближе к восточным рынкам, начавшим торговать шелком. Он, за собственный счет, оснастив римских легионеров, возглавил их поход на Восток.

Заслоном Риму в этом походе стала знаменитая тяжелая конница Аршакидов с боевыми знаменами, изготовленными из китайского шелка и переливающиеся разные цвета. В итоге римское войско потерпело сокрушительное поражение в 52 году до н.э. при Каррах (совр. Харран-Турция). Часть пленных римлян, отосланных в Мерв, оттуда, возможно, в качестве наемников приняли участие в войне гуннов с китайцами.

«Если римские матроны, - пишет Р. Гиршман,- над прозрачными одеждами которых издевались сатирики, требовали китайского шелка, то

¹ История древнего Рима/ Под ред. Бокщанина А. Г. -М. «Высшая школа», 1971. -С. 221-222.

политика императоров по отношению к Парфии оставалась той же, какой она была при Крассе; эту вековую вражду унаследовали Сасаниды»¹. Как вытекает из данного источника теперь начинается новая эра шелковой дипломатии между Парфией и Римом, когда две могущественных империй запада начали упорно бороться между собой за контроль над узловыми пунктами и торговыми путями, в котором шелк стал приобретать ключевую роль.

Вскоре две империи - Рим и Парфия вновь встали лицом друг другу. После первичной "пробы сил" друг друга, когда после сражения при Каррах парфяне вторглись и захватили Сирию (52-50 гг. до н.э.), продвинулись вплоть до города Иерусалим (40 г. до н.э.), сменилось последующими успехами римлян, которые оттеснили их на Восток, включая неудавшийся поход Марка Антония, было установлено затишье. Логика шелковой дипломатии, которая кроме обмена посольствами, также интенсифицировала жесткое противостояние за контроль над маршрутами торговых путей, узловых городов и пограничных территорий. Эту историческую миссию успешно выполнили Аршакиды, кому в замену пришли позднее мощные Сасаниды.

Однако Сасаниды по мере набирания силы и мощи на международной арене выступили не только рядовыми преемниками Аршакидов, а более мощной и амбициозной державой, так как они к аршакидскому титулу "шахиншах" (Ирана) добавили еще "шахиншах Ирана и не- Ирана".

Первые Сасаниды, защищенные на севере от волн передвижения различных народов посредством небольших государств и природных барьеров, унаследовали в международных отношениях политику своих предшественников Аршакидов. Главная цель Сасанидов на западе была борьба с Римом/Византией за сирийские и закавказские области, со стремлением выхода к берегам Черного и Средиземноморья. А на востоке

¹Тиршман Р. Кушаны и Иран. // Центральная Азия в кушанскую эпоху. – М.: «Наука», 1972. с. 145.

была военно-политическая конкуренция с Кушаншахами за области Хорасана и Вароруда.

Однако и Ирана коснулся переселения народов, так как один из могущественных сасанидских шахов Ирана Шапур II (309-379), победитель императора Валериана, сокрушив государство Кушаншахов, вместо областей Маргианы и Бактрии создал провинции Кушаншахр. Именно на своих северо-восточных рубежах Сасаниды столкнулись с кочевыми племенами-хионитами, которые также включились за борьбу за контроль над трансконтинентальным торговым путем. По сообщению позднеантичного историка Аммиана Марцеллина в 346 году Шапур II испытал угрозу с восточной границы со стороны кочевого племенного союза в союзе с кушанами.

Однако определение прародины хионитов в исторической науке остается спорным, если японский исследователь К. Еноки относит их в Бадахшан, то российский исследователь Л.Н. Гумилев к бассейну Аральского моря и т.д. А тюрколог С. Г. Кляшторный относил их «в горностепной юго-восточной и южной полосе Центральной Азии»¹. Одним словом эта ираноязычная кочевая племя обитала в соседстве с державой Кушаншахов (то ли в северо-западе, то ли в северо-востоке) и имела тесные контакты с ней.

Поздние Сасаниды уже столкнулись на востоке с эфталитами, выступавшие в борьбу за кушанское наследие, включая за контроль над торговыми караванными путями.

Эти иранские кочевые племена (хиониты, кидариты и эфталиты), уходящие вглубь оседлых государств под натиском гуннских и аварских племен, названы в западных (античных и византийских) источниках «белыми гуннами». Их перечисление к гуннам со стороны византийских авторов, на наш взгляд, имеет условное значение, имеется в виду, в общем, их восточное, азиатское происхождение. Например, Аммиан Марцеллин, известный своими

¹Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Государства и народы Евразийских степей. – СПб, 2004. -С. 83.

яркими экспрессивными оценками по отношению к гуннам, называет погибшего под городом Амиды сына хионитского шаха «красивым», а Прокопий Кесарийский фактически противопоставляет их гуннам¹.

Сасанидские шахи Йаздигурд II и Пероз вели упорную войну с этими последними из иранских (сакских) племен за контроль над торговыми караванными путями.

Преемник Пероза шах Кубад (488-531), освоивший кочевые традиции эфталитов, будучи у них в заложниках, увлекает их в качестве союзников в войну против Византии, которая велась почти все годы его царствования, но с переменным успехом.

Один из известнейших Сасанидских шахиншахов Анушервон I, прозванный за свои качества «Одил» (Справедливый), кроме проведения различных реформ, еще известен тем, что хотел выйти к берегам Черного моря. Здесь он хотел установить свой контроль над оживленной трассой шелкового пути с порта Трапезунда вдоль восточных берегов Черного моря к северному маршруту шелкового пути, которого византийцы защищали с особым рвением.

Шах Анушервон в 563-567 гг. разгромил эфталитов, которые попали под «тиски» между могущественными Сасанидами Ирана и возвышающим Тюркским каганатом. Некогда обширное государство эфталитов, наследник Кушаншахов, превратилось в небольшое удельное княжество.

Теперь рассмотрим этнополитическую ситуацию в восточной (азиатской) части Великой степи и Китае (включая Таримского бассейна), откуда волнами эмигрировали различные племена на далекий Запад. Эти волны эмиграции привели к серьезному изменению этнического состава племен и народов Центральной Азии, с появлением и постепенным увеличением различных тюркоязычных племен. Согласно мнению тюрколога С.Г. Кляшторного: «в I тысячелетие нашей эры началось постепенное изменение этнической среды в Евразийских степях. Преобладание здесь все

¹Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. -М.: «Наука», 1998. - 570 с.

более проходило к тюркоязычным племенам. Ускорение процессов социального развития и территориально- политической консолидации привело во второй половине I тысячелетия нашей эры к созданию тюркоязычными племенами нескольких крупных государственных образований (каганатов) на территории Южной Сибири, Центральной и Средней Азии, Нижнего Поволжья и Северного Кавказа»¹.

Далее он подробно излагает известную легенду о происхождении прародителей тюрков: «Согласно тюркской легенды, записанный в VI в. китайскими историками, предки тюрков, «жившие на краю большого болота», были истреблены воинами соседнего племени. Уцелел лишь изуродованный врагами десятилетний мальчик (ему обрубili руки и ноги), которого выкормила волчица, ставшая впоследствии его женой. Скрываясь от врагов, убивших мальчика, волчица бежит в горы севернее Турфана (восточный Тянь-Шань). Там, в пещере, она рождает десятерых сыновей, отцом которых был спасенный ею мальчик. Сыновья волчицы женятся на женщинах из Турфана. Один из внуков волчицы по имени Ашина, стал вождем нового племени и дал ему свое имя. Позднее вожди из рода Ашина выводят своих сородичей на Алтай, где они, возглавляя местные племена, принимают имя тюрк»².

Как стало известно из предыдущих разделов исследования, что в Таримском бассейне преобладало согдийское и тохарское население, которое сыграв важную роль в этногенезе тюркских народов (как вытекает из известной легенды тюрки женились на таримских, т.е. на согдийских женщинах), что, несомненно, повлиял и на культурные традиции и язык новообразующей племени. По словам того исследователя «именно здесь было положено начало тесным тюрко-согдийским связям, оказавшим огромное воздействие на всю культуру и государственность древних

¹Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Государства и народы Евразийских степей. – СПб, 2004. -С. 86.

²Там же. -С. 87.

тюрков... В Алтае род ашина постепенно консолидировал вокруг себя местные племена. Новый племенной союз принял наименование тюрк»¹.

В 534 г. вождем тюрков стал Бумын, принял титул «великий ябгу», хотя он считался вассалом жужанского кагана и посылал ему дань в виде железа, добытые от принадлежащих к племени рудников, фактически, расширяя свою территорию на запад, стремился к независимости от ненавистных им жужань. Разгневанный высокомерным отказом хакана жужань сватовства Бумын совершает военный поход против своих сюзеренов и разгромил их, а Анахуань кончает жизнь самоубийством. После кончины основоположника нового государства Бумына в 552 году его преемники Кара-хакань (552-553), Муган хакань (553-572) и Таспар хакань (572-582) за три десятилетия создают обширное государство, простирающейся от Манчжурии до Керченского залива и от верховьев Енисей до верховьев Амударьи. В основании Тюркского каганата (самоназвание- Тюрк эль) выдающийся роль играл также брат и соправитель Бумына Истеми – хакан, который преследуя своих злейших врагов- жужань на запад, совершил завоевательные походы в Хафтруд, Вароруд и Северный Кавказ. А сыновья Бумын –хакана (Муган и Таспар), преследуя другую часть жужань до Кореи и Северного Китая установили фактические данные отношения над северокитайскими государствами (Северная Ци и Северная Чжоу).

Таким образом, к середине VI века создается обширная кочевая империя- Тюркский каганат, который свергая власть своих сюзеренов- жужань (аваров), стремительно расширяется по степным просторам Евразии, охватывая и ее оседлых стран. За три десятилетия создают обширное государство, простирающейся от Манчжурии до Керченского залива и от верховьев р. Енисей до верховьев Амударьи.

Если согдийское слово ашина означало «синий», то со второй половины VI в. термин тюрк получил широкое распространение. Иногда использовались словосочетание обоих «синие тюрки». Согдийцы называли

¹Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Государства и народы Евразийских степей. – СПб, 2004. -С. 87

создателей новой империи как турк и во множественном числе- туркут (или туркют)- «тюрки». Эту согдийскую форму заимствовали сначала Китай (туцзюе) и позже Византия, так как дипломатические отношения, включая дипломатическую переписку между тюрками и китайцами и тюрками и византийцами осуществлялись при активном посредничестве согдийцев и согдийского письма. Позднее это название стал распространяться и среди других народов (иранцев, арабов, тибетцев и т.д.).

Создание огромной империи не мог не привести ее включению в мировые политико-экономические отношения раннего средневековья, в первую очередь, с окружающим миром- Китаем, Ираном и Византией. В международных отношениях того времени доминировала шелковая дипломатия, одна из главных задач которой была борьба за контроль маршрутами и узловыми пунктами шелкового пути.

Таким образом, к концу VI века, когда Тюркский каганат стал хозяином Таримского бассейна, Хафтруда и Вароруда и сделал двух северокитайских государств своими данниками, согдийцы вышли в главные роли в шелковой дипломатии. Они распространили свой контроль на сухопутном международном торговом пути от города Пайкенда (правый берег Амударьи) до Чаньан (столицы Суй) в основном его маршруте и от берегов Волги до Дуньхуана по его северному маршруту. От Пайкенда до городов Сирии этот торговый путь контролировали иранцы. Другими словами, в данное время контроль за абсолютной протяженностью международным торговым путем принадлежал иранским народам (согдийцам и персам), однако в усилившем разногласии между Сасанидами и Тюркским каганатом из-за эфталитского наследия согдийцы были на стороне новых союзников.

В отличие от кочевой гуннской империи, проигравшей борьбу за контроль над узловыми пунктами и основными маршрутами торговых путей китайцам, древние тюрки, образовавшие обширный Тюркский каганат и последующие тюркские империи, продержались в протяжении многих

столетий, благодаря заслугам согдийских торговцев, выполнявших в них роль дипломатических представителей.

Они успешно решили вопрос об установлении торговых-дипломатических связей с Византией, которая уже давно практиковала шелковой дипломатии. «Основным покупателем шелковых тканей- пишет специалист Г. С. Кляшторный,- была Византия. Торговля шелком приносила согдийским купцам и тюркским ханам огромные доходы. Тюрки получали возможность сбывать через согдийцев военную добычу и дань, выплачиваемую им китайскими царствами. Согдийцы сосредоточили в своих руках небывалое количество дорогих шелковых тканей. Вместе с тем уже с конца IV в. в Согде существовало свое шелкоткацкое производство на местном сыре. Согдийские шелка высоко ценились не только в западе, их ввозили даже в Восточный Туркестан и Китай. Сбыт этих тканей в VI в. стал важной проблемой для согдийских городов»¹.

Авторитет согдийских торговцев-дипломатов, распространенный с самого начала формирования шелковой дипломатии и возникшей с ней шелкового пути в это время стала приумножаться славой их ремесленников. Как пишет российский специалист Иерусалимская А. А.: «тридцать лет тому назад на одной из шелковых тканей из реликвария в Юи (Бельгии) была обнаружена согдийская надпись тушью, которая и дала название этой разновидности тканей: «занданечи»- от названия селения Зандана близ Бухары. Так появилась возможность определить довольно значительную группу шелков, найденных в Европе и в Восточном Туркестане, как согдийские. Эти ткани, по сведениям письменных источников, широко экспортировались на Запад. В северокавказских могильниках такие шелка составляют самую многочисленную и разнообразную группу, в три раза превышающую общее количество всех прежде известных в мире подобных находок: около 150 фрагментов, свыше 40 видов узоров. Такое обилие здесь согдийских тканей помогло интерпретации направления основных торговых

¹Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Государства и народы Евразийских степей. – СПб, 2004. -С. 100.

связей по данному отрезку Шелкового пути, а также позволило проследить сам процесс сложения и эволюции согдийского шелкоткачества на протяжении VII-IX вв.»¹.

Наличие высокого уровня текстильного (шелкового) производства Согда подтверждается со стороны других исследователей. Вот какой вывод предлагает одна из ведущих специалистов: «археологические данные позволяют сделать вывод, что в Согдиане, Самарканде, Фергане, Бухаре, в бассейне реки Тарим производили шелковые ткани. Образцы согдийского шелка доходила и до Дун- Хуана (города Дуньхуан Китая- М.А.). к самой Великой китайской стене, где найдена не одна согдийская рукопись. Текстильное производство Согдианы было мощным, и производимые товары вывозились далеко за ее пределы. Если первоначальным материалом служила шерсть- местное сырье, которое поставляли скотоводческие районы Средней Азии, то затем торговля с Китаем дала согдийцам в руки превосходную для выделки и окраски шелковую нить. О том говорят шерстяные ткани с «эллинистическими» рисунками и многоцветные шелка с «иранскими» узорами. Внедрение шелка в мастерские Средней Азии следует отнести к периоду между концом IV и концом V вв. н.э.»².

Несомненно, наличие собственного мощного текстильного производства дало согдийцам еще больше усилить свою посредническую дипломатическую роль между ведущими империями того времени более не завися от китайской шелкового производства.

Экономическое благополучие Вароруда и его главного района- Согдианы, основанного в посреднической международной торговле и мощным текстильным производством, ориентированного также на внешний рынок, наряду с высокой культурой, опирающей на собственной письменности, позволили играть заметную роль в международных сношениях того периода. Согласно мнению Н. В. Пигулевской: «в сношениях

¹Иерусалимская А. А. Кавказ на шелковом пути. Каталог выставки. - Л.: Эрмитаж, 1992. -С. 13.

²Пигулевская Н. В. Византийская дипломатия и торговля шелком в V-VII вв. // Византийский Временник, Т. I (XXVI), -М.: Изд. АН СССР, 1947. -С. 207-208.

с тюркскими ордами, как и с эфталитами, согдийская верхушка выдвигала представителей, которые вели все переговоры. Она добилась возможности участвовать вместе с тюркскими послами в переговорах с соседними державами, с Ираном и Византией. Материальная и духовная культура согдов достигала большой высоты. Пользуясь арамейским алфавитом, близким к сирийскому письму эстрангело, они писали на своем языке»¹.

Таким образом, во второй половине VI века острая необходимость реализации шелка своих мастерских, а также транзит китайских (и таримских) шелков, а также накопившийся в своих новых сюзеренов-союзников- тюрков шелка в виде дани и добычи, выдвинула Согдиану вступить в дипломатические связи с могущественными державами того времени- Сасанидским Ираном и Византией. Согдиец Маниах, манихей, получив одобрение от Истеми хакана, сначала отправляется в Иран. Согдийские купцы-дипломаты, будучи традиционно активны в Центральной Азии и в Китае, теперь стали вовлекаться в шелковую дипломатию мирового масштаба, так как выступили в дипломатические сношения с ведущими державами того времени- Сасанидской державой и Византийской империей.

Однако при налаживании дипломатических связей между Сасанидами и Тюркским каганатом, посланниками которых выступили согдийцы, мы замечаем не сотрудничество двух дружественных и родственных народов (согдийцев и персов), а острое соперничество между ними. «Персы- пишет Пигулевская Н.В.,- считали согдов очень серьезными соперниками как посреднической торговле шелком, так и в торговле шелковыми изделиями, вышедшими из их ремесленных мастерских. Не желая допустить их участия в торговых операциях, персы пошли на крайние меры, не соглашаясь принимать сырец из рук согдов. Сменившие эфталитов тюрки, не вышедшие еще из полукочевого состояния, не были склонны к широкому торговому обмену, и только под давлением своих подданных согдийцев они

¹Пигулевская Н. В. Византийская дипломатия и торговля шелком в V-VII вв. // Византийский Временник, Т. I (XXVI), -М.: Изд. АН СССР, 1947. -С. 208.

согласились на то, чтобы последние, возглавляемые Маниахом, отправились в Иран... Согдийское посольство, возглавляемое Маниахом, просило у Хосрова разрешения беспрепятственно торговать шелком в иранском государстве. Хосров прямого ответа на их просьбу не дал и стал затягивать дело. Он менял предлоги, одним из которых было якобы нежелание допустить свободный въезд тюрок в пределы Ирана. Согдийцы настаивали на скорейшем ответе, тогда Хосров решил созвать заседание совета... Очевидно, что это было одно из заседаний совета при государе, нечто вроде сената при византийских императорах, на которых обсуждались важнейшие государственные дела»¹.

Тот факт, что вопрос торговли шелком обсуждалось на самом совете при шахиншахе, говорит о том, что ввоз и вывоз шелка и шелковых изделий в Иран стоил в одном ряду с другими важными делами этой великой державы. По итогам дискуссий в данном совете (дарборе) шахиншаха был принят жесткое решение -отказать в просьбе согдийцев. Согласно Н.В. Пигулевской, - «привезенный ими шелк был закуплен шахом, но затем его сожгли в присутствии послов. Этим персы дали понять, что в согдийских товарах они не нуждаются, так как этот шелк исходит от тюрок. Согды возвратились из своего посольства недовольными и сообщили о происшедшем Дизибулу (это византийское имя Истеми хакана- М.А.), тюркскому кагану. Но тюрки – возможно, под влиянием тех же согдов,- решились на повторное посольство персам. На этот раз посольство состояло из тюрок. Опасаясь их и желая положить повторным приездам тюрок, Хосров приказал отравить тюркских послов»².

Сам факт закупки шелка самым шахом и его демонстрационное сожжение при присутствии иностранных (согдийских) посланников, а также отравление второго посольства свидетельствует о том, сасанидские правители, также практикующие шелковой дипломатии, вероятнее всего, не

¹Пигулевская Н. В. Византийская дипломатия и торговля шелком в V-VII вв. // Византийский Временник, Т. I (XXVI), -М.: Изд. АН СССР, 1947. -С. 209.

² Там же. -С. 209.

пожелали конкуренции согдийского и китайского шелков со своим шелковым производством.

Общеизвестно, что сасанидский текстиль был известен в византийских и китайских источниках как очень ценный товар, которым обменивались на шелковом пути. Распространение текстиля, разных материалов, а также идеи и художественное влияние, очевидные в их дизайне, привели к созданию мастерских, которые часто использовали разнообразие влияний из разных регионов для производства товаров, которые сыграли значительную роль в межкультурном обмене, торговле и дипломатии, сочетая местные традиции со смекалкой и техникой из разных местностей. Данный тип текстиля, известный как "самит", часто обнаруживается на археологических объектах вдоль шелкового пути, фрагментами различного размера. Самит - это роскошная и тяжелая шелковая ткань, которую носили на протяжении всего Средневековья, изготавливаемая по типу разветвления (узор диагонального переплетения) и часто с применением золотых или серебряных нитей¹. Сасанидские правители, вывозящие в большом количестве шелковых тканей в обширную Византийскую империю, не пожелали появления новых конкурентных шелковых товаров согдийского и китайского производства. Если учесть, что Сасаниды прежде выступили союзниками Тюркского каганата в низложении кочевого эфталитского государства, то теперь в контроле над импортом и перевозкой по своей территории чужеземного шелка выбрал противоположную позицию.

На наш взгляд, вторичное руководство посольством ко второй мировой державе того времени (Византию) со стороны Маниаха (когда первое не увенчалось успехом), свидетельствует о том, что Согдиана имела широкую автономию в составе Тюркского каганата и согдийские посланники имели особое положение во дворе хакана кочевой империи.

¹ Лосева И.М. Искусство Древнего Ирана. // Всеобщая история искусств. Т. 1. – М.: «Искусство», 1956, - 920с.

Иного мнения придерживается Люттвак, который ошибочно связывает его с законом гостеприимства: «хотя к тому времени среднеазиатские согдийские города, стоявшие на Шёлковом пути, перешли под контроль кагана, когда его держава распространилась на Запад, все же Сизавул (Истеми хахан- М.А.) отправил своих послов под покровительством Маниаха, предполагая, что византийцы не станут чинить оскорблений своему согдийскому гостю, поскольку эти стороны традиционно поддерживали добрые взаимоотношения друг с другом. Они объединились в сопротивлении сасанидской агрессии, не говоря уже об очень давнем знакомстве греков и согдийцев: шестью веками ранее, в 324 г. до н.э., Селевк, один из приближенных военачальников Александра Македонского, сражавшийся в Индии и основавший долго просуществовавшую династию, женился на согдийке Апаме»¹.

На наш взгляд, более предпочтительно выглядит другое мнение, изложенного российским специалистом Пигулевской Н.В., что тюрки, находящиеся в «полукочевом состоянии» и имевшие давние отношения положительной комплиментарности с согдийцами, имевшие огромный опыт торгово-дипломатической деятельности, доверили это ответственное дело им, чем мнения Люттвака, опирающийся на «добрую память» согдийцев о греко-македонской власти. Во -первых, согдийцы оказали самое упорное сопротивление из всех народов, кого встретил по пути на восток полководец Александр Македонский, а во -вторых, мало кто знал в древней Согдиане (и даже в настоящей времени), что греческий полководец Селевк является зятем Спитамена, который строил много городов по имени Апамея (в честь своей любимой жены и матери наследника трона Антиоха I).

Второе, более известное в истории, посольство Маниаха, направляемый в Константинополь с «скифской грамотой» и «шелка не малой ценности», имело двоякой миссии:

¹Люттвак Э. Н. Стратегия Византийской империи. /Пер.с англ. -М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. -С.158.

- во-первых, найти надежного военного союзника в лице императора Византии для совместного выступления против Сасанидов на юге и жужань (превративших на аваров в Европе) на севере,

-во-вторых найти покупателя на согдийский шелк в лице богатого Византийского двора.

Интересно, на каком языке была эта «скифская грамота», описанная византийскими историками, данного согдийско-тюркского посольства в Византийской империи? Российский исследователь С. Г. Кляшторный считает ее «согдийской грамотой» и в качестве веского доказательства приводит древнейшего письменного памятника Тюркского каганата. Он пишет: «Стела с надписью была вооружена на кургане с захоронением праха одного из первых тюркских каганов Таспара (правил в 572-581 гг.), примерно через 15 лет после посольства Маниаха. Надпись сделана на согдийском языке; на другой стороне стелы имелась также короткая надпись на санскрите письмом брахми, почти полностью уничтоженная эрозией. Основной согдийский текст, к сожалению, сохранившийся не полностью, рассказывает о событиях первых тринадцати лет существования Тюркского каганата, особенно подробно описывая заслуги Таспар –кагана. Из обращений к читателям видно, что согдийский текст был понятен в каганате достаточно широкому кругу образованных людей из верхов тюркского общества. Большое число согдийцев жило при дворах тюркских каганов; они были дипломатами и чиновниками, придворными и наставниками в грамоте, о чем прямо сообщают иноземные источники; они строили оседлые поселения и водили торговые караваны в Китай, Иран и Византию с товарами, принадлежавшими тюркской знати. Их культурное влияние на тюрков было очень значительно; главным образом через согдийцев тюрки познакомились с достижениями других цивилизаций Среднего и Передней Азии»¹.

¹Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники – М.: «Наука», 1964. -С. 169.

Этот исследователь также уверен, что древние тюрки не только приняли согдийский язык, но и согдийский алфавит. Он подчеркивает: «в те же годы, когда была воздвигнута бугутская стела, переводе на тюркский язык было впервые письменно зафиксировано буддийское сочинение («Нирвана-сутра»)- с целью пропаганды буддизма среди тюрков. Оно не могло быть записано на бумаге иным алфавитом, кроме хорошо известного тюркам согдийского. Позднее этот алфавит, после некоторых модификаций, получил название уйгурского, так как уйгуры пользовались им особенно широко в IX-XV вв.»¹.

Из-за того, что посольство Маниаха носил антисасанидский характер, оно не могло двигаться по его территории и поэтому был выбран альтернативный путь - в обход Каспийского моря с севера к восточным берегам Черного моря. Возможно, двигаясь по Северному Кавказу, данное посольство переходило Кавказский хребет не по Дербентскому, находящийся под контролем иранцев, а по Дарьяльскому переходу.

В столице Византийской империи согдийско-тюркское посольство Маниаха было принято самым императором Юстином II и передал свои предложения и послания приставленным к этому делу имперским чиновникам. Специалист Н.В. Пигулевская подчеркивает: «со «скифским» (согдийским- М.А.) письмом император ознакомился через переводчиков, а затем осведомился о том, завоеваны ли тюрками эфталиты и авары. Утвердительный ответ послов и перечисление народов, подвластных тюркам, давали полное представление о могуществе Дизибула и делали заключение договора желательным и для Византии. Император Юстин II вошел по этому поводу в некоторые подробности, заинтересовавшись, в частности, эфталитами, относительно которых было желательно выяснить, где они преимущественно жили. Утверждение послов, что эфталиты «городские племя», указывало на то, что эфталиты- имели значение для культурного и хозяйственного положения Средней Азии, как (в части своей) жители

¹Там же. -С. 169.

городов. Это говорило о том, что тюрки получили в свое распоряжение ремесленные и торговые города в завоеванных ими областях. Это был не только мирный договор, но и военный союз»¹.

Успех этого согдийского посольства (Маниаха), уже столетиями практикующей шелковой дипломатии, ознаменовал собой его кульминационной точки, так как они находясь на службе одного из мощных государств того времени (Тюркского каганата), распространив свой сюзеренитет и на китайские государства, наладил и поддержал дипломатические отношения с другими ведущими империями того времени (Сасанидской державы и Византийской империи).

Византия не только довольствовалась подписанием мирного договора, но и с согдийским посольством Маниаха, отправила в 568 г. ответное посольство во главе с киликийцем Зимархом, «стратигом (военачальником – М. А.) восточных городов» империи, видимо, чтобы удостовериться в могуществе государства тюрков и изобилия в его стране. Ответное посольство Византийской империи было принято со стороны тюркского хакана, который предложил о совместном выступлении против Сасанидов, препятствующего против прямой торговли шелком между ними².

Как по возвращению первого китайского посольства из Усунь в Китай (117-115 гг. до н.э.), так и по возвращению посольства Зимарха из этих краев (Хафтруд) обратно в Византию (в 568-571 гг.) многие небольшие государства региона (Хафтруда, Вароруда и Хорезма) хотели отправить свои посольства «для обозрения Ромейского государства». Однако Истеми хакан разрешил отправить свое посольство только правителю Хорезма³.

Таким образом, с посольствами Маниаха, Зимарха и Тагмы (сына Маниаха) не завершились византийско-согдийско-тюркские отношения, а, наоборот, открылась новая страница в шелковой дипломатии. Теперь

¹Пигулевская Н. В. Византийская дипломатия и торговля шелком в V-VII вв. // Византийский Временник, Т. I (XXVI), -М.: Изд. АН СССР, 1947. -С. 210.

²Пигулевская Н. В. Византийская дипломатия и торговля шелком в V-VII вв. // Византийский Временник, Т. I (XXVI), -М.: Изд. АН СССР, 1947. -С. 211.

³Там же. -С. 212.

шелковая дипломатия, стала универсальной, непосредственно наладив и поддерживая дипломатические контакты по всему миру.

Византийско-тюркские дипломатические отношения, где особое место занимали согдийские торговцы-посланники, начатые при императоре Юстине II (565-578 гг.) были продолжены и при императоре Тиберия, когда к тюркам было отправлено посольство во главе с оруженосцем императора-Валентином.

Об интенсивности византийско-тюркских дипломатических отношений, где доминировала шелковая дипломатия, при активном участии согдийцев во второй половине VI в. свидетельствует и перечень посольств перечисленных историком Менандром «посольство Анангаста, Евтихия, первое посольство Валентина, Иродиана, Павла Киликийца и др.», а количество «сто шестьдесят тюрков» (где, несомненно, были немало согдийцы), присоединившихся к первому посольству Валентина, свидетельствует о том, что этому обмену были заинтересованы обе стороны. Для обеспечения безопасного передвижения посольств в составе торговых караванов Истеми хакан распространил свою власть до северо-восточных берегов Черного моря, тем самым подготовив почву к оживленному движению по ним (по северному маршруту) большинства караванов в последующее время¹.

Несмотря на временные недоразумения и охлаждения тюрко-византийским отношениям были присущи интенсивность и оживленность, так как обе стороны были заинтересованы в союзнических отношениях². На долгие годы (до арабского нашествия) в границе между ними установилось перемирие.

Самое крупное военно-политическое достижение Западнотюркского каганата было их совместное выступление с византийцами в Закавказье³.

¹Пигулевская Н. В. Византийская дипломатия и торговля шелком в V-VII вв. // Византийский Временник, Т. I (XXVI), -М.: Изд. АН СССР, 1947. -С. 213-214.

²Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Государства и народы Евразийских степей. – СПб, 2004. -С. 101.

³Там же. -С. 102.

Стратегическим успехом Сасанидов был захват Йемена, через которого проходил главный морской маршрут шелкового пути из портов Индии и Тапробана (Шри-Ланки).

Древние народы Центральной Азии и Ирана, состоящие, в основном, из иранских народов и их государственных образований, обладающие практикой дарения, как по вертикальному, так и по горизонтальному направлению, выступили надежными партнерами древних китайцев по налаживанию и регулярному поддержанию шелковой дипломатии. Обширные согдийские колонии в Таримском бассейне, непосредственно граничащие с Китаем, а также обширные территории крупных держав Кушаншахов и Аршакидов, создали относительно стабильной атмосферы для стремительного формирования шелковой дипломатии. За одно столетия шелковая дипломатия, заложенная на территории Центральной Азии (государство Усунь), с стремительными шагами переходя через Средний Восток в Средиземноморье, достигла самой западной империи древнего мира. Имперский Рим, постепенно стал все более и более вовлекаться в шелковую дипломатию с самого начала своей (имперской) истории.

Согдийцы продолжали успешно выполнять свою миссию не только по ведению традиционных ответных посольств в сторону Китая, а находясь в главе дипломатической миссии мощной кочевой империи- Тюркского каганата, способствовали к превращению шелковой дипломатии в универсальный тип средневековой дипломатии.

2.2. Роль Китая в продвижении шелковой дипломатии в древнем мире в I-VI вв.

Начальной эрой установления дипломатических отношений империи Хань с другими империями древности и ряд второстепенных удельных княжеств можно считать последнюю четверть второго века до н. э. С момента установления этих дипломатических сношений был внедрен и исторический тип мировой дипломатии- шелковая дипломатии со своими

региональными разновидностями. Если в древнем Китае практиковался только вертикальный подтип шелковой дипломатии, то в других регионах древнего мира практиковался также ее горизонтальный подтип. Теперь перед китайской дипломатией, которая инициировала масштабных дипломатических сношений в многочисленными западными государствами, то остро встал вопрос о колонизации Ганьсуйского коридора, откуда откочевали далеко на запад саки-кушаны, связывающего внутренний Китай с ново открытыми западными землями.

В последующем в провинции Ганьсу Китая в 115 г. до н. э. был создан округ Цзюцюань. Создание этой укрепленной линии специалисты связывает с началом дипломатических сношений Хань с западными странами: «Посольство прибыло в Усунь ближе к концу 117 г. до н.э. получив отказ куньмо (правитель усуней- М.А.) от предложений У-ди, Чжан Цянь, видимо, в самом конце этого года разослал своих помощников послами в Дася и другие царства, а сам тем же путем к концу 115 г. до н.э., т.е. примерно через четыре года, вернулся в Хань. Спустя год с лишним, т. е. на рубеже 114-113 гг. до н. э. он умер. А еще более чем через год, значит, примерно, в начале 112 г., вернулись отправленные им из Усунь послы в Дася и другие неназванные царства «с их людьми». Скорее всего, именно, после их прибытия, доказавшего реальность установления связей с этими царствами, Хань и начала строить укрепленную линию от Линцзюй на запад до Цзюцюаня с намерением защитить дорогу послов от нападений сюннов с севера»¹. В 111 годах до н.э. были созданы еще две округа – округа Чжань и Дуньхуан. В последующие годы именно город Дуньхуан с заставой Юймыньгуань стал твердым форпостом Китая в воротах Западного края.

Автор «Исторических записок» подробно сообщает об обстоятельствах приема и отправки ответных посольств западных государств. Один из самых грандиозных приемов ханьским послам оказала Парфия:- «к прибытию ханьского посла в Аньси (Парфия - М.А.) правитель Аньси распорядился,

¹Боровкова Л.А. Царства «Западного края» во II –I веках до н.э. – М.: ИВ РАН, 2001. -С.123.

чтобы на восточной границе его встречали двадцать тысяч всадников. От восточной границы до столицы правителя несколько тысяч ли. По дороге они миновали несколько десятков городов. Подвластное ему население очень многочисленно. Когда ханьский посол выехал в обратный путь, [правитель Аньси] направил с ним своего посла убедиться в величии Хань. [Посол] поднес [ханьскому императору] яйца «большой птицы» (страуса - М. А.) и искусных фокусников из [страны] Лисюань (Месопотамия?)»¹. Государство Аршакидов (великая Парфия), вышедший из лона массагетских ираноязычных племен, также практиковавшей дарственной политики, с самого начала налаживания демонстрировало всю мощь своей знаменитой кавалерии. Эта 20-тысячная кавалерия в качестве почетного караула по всему протяженному маршруту следования от берегов Амударьи до новой столицы государства города Ктесифон (у берегов р. Тигра).

Данное китайские посольство также способствовало к установлению дружественных отношений с государством Усунь, который путем шелковой и брачной дипломатии (кит. хэ цинь) стал входить в орбиту ханьской внешней политики и старался сохранить положительного нейтралитета по отношению к ним. По сообщению Сыма Цяня: «Усуни пригнали тысячу коней в качестве стоворных даров за ханьскую принцессу. Ханьский [двор] отправил девушку императорского рода, княжну из Цзянду, в качестве жены [правителю] Усунь»². Этот ценный источник информирует о том, шелковая дипломатия между этими государствами древности была усилена также брачной дипломатией. Далее этот источник сообщает: «что Усуньский правитель Гуньмо сделал её младшей женой. Сюнну (гунны-М.А.) также отправили девушку в жены Гуньмо. Гуньмо сделал её старшей женой. Гуньмо сказал «Я уже стар», после чего приказал внуку Цэньцюю взять в жены [ханьскую] принцессу. У усуней коней много; так, у состоятельных людей их насчитывалось по четыре-пять тысяч голов»³. Как вытекает из

¹ Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т.IX. – М.: «Восточная литература», 2010. -С. 209.

² Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т.IX. – М.: «Восточная литература», 2010. -С. 209.

³ Там же. -С. 209.

данного важного текста, государство Усунь, расположенное непосредственно на западе от державы гуннов, во внешнеполитической ориентации предпочтения отдает своему грозному соседу, чем империи Хань, находящейся в отдаленности от нее. Хотя, как было указано ранее, что сделал «поклон» в дипломатическом церемониале приема первого китайского шелка, вовсе не означал, что он и его народ стал «внешними подданными» китайского императора. Он сохранял свою независимость, что выражается в том, что не «китайская принцесса», а «девушка из племени сюнну», стала «старшей женой» правителя. Также этот отрывок, начинающий с сообщения о количестве коней, пригнанных в обмен за ханьскую принцессу, и завершающийся также сведениями о количестве коней состоятельных людей Усунь невольно передает атмосферу в ханьском дворе, чрезмерно нуждающегося в боевых конях, поступающих из пределов новооткрытых западных государств.

В конечном итоге большое посольство Чжан Цяня имело несомненный успех, так как наряду с крупными государствами запада как Парфия и Усунь, еще десятки небольших государств отправили ответное посольство империи Хань. «[Представители] лежащих на запад от [Дай]юани малых стран, Хуаньцянь, и Дайи, и лежащих на восток от [Дай]юани стран Гуши, Ганьми и Сусе, следуя за ханьскими послами, являлись на аудиенции к Сыну Неба (императору Хань - М. А.). Сын Неба был очень доволен»¹. Таким образом, масштабный выход традиционной «дарственной дипломатии» Китая, преобразованной в шелковую дипломатию с момента ее внедрения нашел широкий отклик со стороны его новых западных дипломатических партнеров.

Доминирование «дарственной дипломатии» в ущерб международной торговли этой первой дипломатической миссии китайцев подтверждается также со стороны одного из ведущих британских специалистов древнего Китая. Он пишет: «традиционные предубеждения против торговцев начали

¹ Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т.IX. – М.: «Восточная литература», 2010. -С. 209

складываться еще в доханьский период. Полагали, что основные усилия людей следовало направить на обработку земли и получение плодов своего труда. Такой вид занятий считался почетным в обществе. Деятельность же купцов, основанная на извлечении прибыли, порицались, не считаясь полезной, производительной»¹. Пренебрежительное отношение к торговцам вкупе с установлением государственных монополий на ценные товары и регулирования цен на них² свидетельствует о том, что выход китайского шелка в мировую арену реализовалась не путем свободной торговли, а путем «дарственной дипломатии». Китайский шелк не продавался на местных рынках, а попадал туда через получения со стороны местных правящих элит от китайских дипломатических миссий. Как подчеркивает этот специалист: «именно путем обмена правительство приобретало лошадей или других животных»³

С этого времени начался интенсивный дипломатический обмен между ними, где с китайской стороны дарственным предметом традиционно выступал шелк, а со стороны его новых дипломатических партнеров, в основном, боевые кони, а порой и диковинные предметы (яйца страуса и т. д.). Налаживание очень выгодных дипломатических обменов между государствами Евразии соответственно подстегнула жесткой борьбы за доминирование и контроль над торговыми маршрутами между ханьцами и гуннами, но и всех вовлеченных в этот процесс государственных образований. Это обстоятельство, в свою очередь, стимулировало формирования ускоренными темпами трансконтинентального торгового пути, превращенного позднее в шелковый путь.

Инициировав внедрения шелковой дипломатии по обширной Евразии, древний Китай не только поддерживал тесные торгово-дипломатические отношения с сопредельными странами, но и продолжил борьбу с державой

¹ Лёве Майкл. Китай династии Хань. Быт, религия, культура/ Пер. с англ. С. Федорова. -М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. -С. 166.

² Там же. -С. 167.

³ Там же. -С.172

гуннов за маршрутами и узловыми пунктами шелкового пути, обеспечивая его регулярного функционирования.

Между двумя посольствами на далекий запад для поиска союзников (138-117 гг. до н.э.) император У-ди начинал усердно действовать по колонизацию протяженного Ганьсуйского коридора, который ранее был родиной саков-кушан (кит. юэчжи). Этот император в самом начале своего царствования хотел отходить от политики «мира и родства» (*хэ цинь*), заключенного в первых императорах династии Хань с гуннами и придерживавшегося его предшественниками с незначительными отклонениями. Ко времени возвращения Чжан Цяна императорские войска уже имели существенные успехи. Гунны были оттеснены вглубь степи (Гоби) не только от Ордоса, традиционной территории гуннских кочевков, но и от огромной степной провинции Ганьсу.

«Исторические записки» Сыма Цяна подробно описывая бесконечные набеги и полоны гуннов в этих и близлежащих областях и ответные военные рейды китайских войск во время правления императора У-ди, одновременно сообщают интересную информацию: «Однако, будучи алчными, сюнну по – прежнему ценили торговлю на рынках при заставах, они любили китайские товары и изделия, а ханьская сторона тоже не прерывала торговлю на пограничных рынках, считая ее полезной»¹. Это сообщение свидетельствует о том, что шелк и шелковые ткани попадали в западные страны не только в составе дипломатических караванов, но и через свободной международной торговли. Это обстоятельство придает шелковой дипломатии еще одну особенность, так как китайцы попадали за границу только в составе торгово-дипломатических миссий, а самостоятельное пересечение границы традиционно карались смертной казнью. Это обстоятельство привело к интенсификации дипломатических сношений между древним Китаем и его западными партнерами, представителями которых в большинстве случаев выступали согдийские торговцы, которым передавались также выполнения

¹Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. VIII. – М.: «Восточная литература», 2002. -С. 342.

дипломатических миссий со стороны большинства государств, придерживающихся эти отношения с Китаем.

Это ценное известие также говорит о том, что бесконечные набеги кочевников и ответные военные рейды китайцев не привели к прекращению приграничной торговли. Бесперебойная торговля на заставах, в которой кровно были заинтересованы обе стороны, явно свидетельствует о том, что они нуждались в постоянном обмене товарами между собой. Если, со стороны гуннов наблюдается все возрастающая потребность в шелке и других товарах оседлого населения, то, китайцы в свою очередь, нуждаются в продукции животноводства (в первую очередь, в самых боевых конях). Самым важным товаром для китайцев, естественно, была лошадь, без которой бессмысленно было продолжение противостояния с самими «обладателями лошадей». Приграничная торговля «шелк в обмен на лошадей» или «лошадь в обмен на шелк» была самой востребованной между двумя противоборствующими державами и не прекращалась даже в годы больших войн.

Однако в противостоянии постепенно инициативу перехватил император У-ди, так как в первые годы правления Хань многие китайские военачальники и князья, недовольные его централизаторской политикой, переходили к гуннам, по происшествии более полстолетия многие гуннские князья, недовольные политикой своих правителей и приобщенные к ханьским вещам, нравам и обычаям, стали переходить к ним. Об одном из значительных таких переходах сообщает Сыма Цянь: «Осенью того года (121 г. до н.э.) шаньюй разгневался на Хуньсе - вана и Сичу - вана за то, что они, находясь на западных землях, в боях, с ханьцами потеряли убитыми и пленными несколько десятков тысяч человек. Он хотел призвать их к ответу и казнить. Хуньсе - ван и Сючу - ван испугались и задумали перейти на сторону Хань. [Узнав об этом, император] Хань приказал пяоци-цзянцзюню (средний военный чин Ханьской армии- М.А.) отправиться встретить их. Хуньсе - ван убил Сючу - вана (возможно, он заколебался в последний

момент - М.А.), присоединил к себе его воинов и подданных и сдался ханьцам. Всего [перешло на сторону Хань] более сорока тысяч человек, [которых Хуньсе - ван] выдал за сто тысяч. После того как ханьцы заполучили Хуньсе - вана, набеги хусцев (обобщенное название северных кочевников - М.А.) на Лунси, Бэйди и Хэси (новые приграничные северо - западные земли Китая- М. А.) значительно сократились, и в связи с этим из районов к востоку от застав был переселен бедный люд для заполнения отобранных у сюнну земель к югу от Хуанхэ и [области] новых циньских земель - Синьцин (область Шофан - совр. Внутренняя Монголия Китая- М. А.)»¹.

После 15 летней упорной войны (133-119 гг. до н.э.) между Хань и гуннами, начатой императором У-ди, гунны были вытеснены из Ордоса и Ганьсу, хотя и ханьцы понесли тяжелые потери. В результате ханьцы вышли непосредственно к "Западному краю".

Таким образом, к концу II века до н.э. империя Хань, после ряда неудач выйти в Индию и через нее в западные страны непосредственно через свои южные области, захватив Ганьсуйский коридор, выходит непосредственно на Таримский бассейн. Здесь у города Дуньхуан, который стал связывать внутренний Китай с оседлыми государствами Запада, начинается новый этап борьбы с гуннами за обладания оазисных княжеств Таримского бассейна.

Император, верно, оценил открывшуюся колоссальную перспективу: установить непосредственные тесные контакты с новооткрытыми оседлыми государствами Запада посредством шелковой дипломатии в союзе с ними продолжить войну с могущественными кочевыми племенами.

В Западном крае ханьцы столкнулись не только с кочевниками (*«людьми, натягивающих луки»*), но оседлыми народами оазисов Таримского бассейна, Вароруда и Хафтруда (*«людьми, обладающие небесными конями»*).

¹Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. VIII. – М.: «Восточная литература», 2002. -С. 345.

Выход китайцев непосредственно к Таримскому бассейну привело их близкое знакомство с ираноязычным оседлым населением региона, которые столетия ранее экономически освоили эти территории.

После откочевки далеко за запад ираноязычных саков-кушан, создателей первой кочевой империи, основным населением более три десятка оазисных княжеств Таримского бассейна составляли согдийцы и бактрийцы. Они, как было указано ранее, входящие в состав Ахеменидской державы (как XII и XVI сатрапии) вынужденных переселиться на восток (в Таримский бассейн и сопредельные области) из-за несогласия с религиозной реформой ахеменидского шахиншаха Ксеркса (в V в. до н.э.), несколько оживили социально-экономическую ситуацию в новом месте обитания. Создание оазисного земледелия со стороны согдийцев и бактрийцев, имевших огромный опыт сельскохозяйственных работ, с одной стороны, с другой стороны их торгово-ремесленные навыки и умения изготовления сельхозинвентаря должны были вдохнуть жизнь в Таримский бассейн. Коммерческие навыки бактрийцев, приобретенные при товарообмене по Лазуритовому пути и Пути от Бактрии в Индию, приграничная торговля согдийцев с различными кочевыми племенами понадобились в новом месте для усиления новых торговых путей.

Ученые археологи, на основе результатов археологических полевых работ в древних слоях в Таримском бассейне, подтверждают восточную миграцию земледельцев из Вароруда. Такие виды сельскохозяйственного инвентаря как омач, лопата, кетмень и прочих явно подтверждают эти социальные процессы в древности¹.

Анализ собранного перечня сельскохозяйственного инвентаря, обнаруженных различными археологическими раскопками, приводит специалиста к следующему научному заключению: «Таким образом, известные в настоящее время материалы позволяют заключить, что на

¹ Антонова Е. В. Сельское хозяйство. // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье.- М.: «Восточная литература», 1995. -С. 103-104.

протяжении I тыс. н. э. в Восточном Туркестане существовало как развитое оседлое земледелие, так и кочевое скотоводческое хозяйство. Они имели древние местные традиции и обнаруживают прочные связи с лежащими к западу районами (Согдиана, Бактрия и др.- М. А.). Китайское влияние, насколько можно судить, было слабым и связывалось, вероятно, с непосредственным присутствием переселенцев. Видимо, такое влияние несколько возросло лишь в Танское время. Письменные данные удостоверяют, что во взаимоотношениях Восточного Туркестана и Китая сельское хозяйство было скорее дающей, чем воспринимающей стороной»¹.

Одно из выдающихся достижений древнего оседлого населения Таримского бассейна, дошедшей до настоящего времени в колоссальных масштабах, является – прорытие подземных каналов- кяризов и, а самое главное, содержание их в прекрасном рабочем состоянии.

Как отмечает российский исследователь: «Середина I тыс. до н.э. ознаменовалось для земледельческих стран Средней Азии новым подъемом ирригационного хозяйства. Как выявили археологические исследования VI - IV вв. до н.э. стали временем усиленного строительства мощных магистральных каналов, подводивших воду к землям, лежавшим вне зоны естественных разливов рек. В сфере культивации оказались, наряду с используемыми, значительные новые территории. Так, зафиксированы каналы и поселения этого времени в Кобадиянском оазисе и в долине Вахша. Вероятно, в ахеменидское время начали строить первые крупные системы кяризов (подземных оросительных каналов). Их сооружение в немалой степени связано с хозяйственной политикой ахеменидских царей, всячески поощрявших освоение целинных залежных земель; недаром Полибий, писавший о «парфянской пустыне» во II в. до н. э. и упомянувший существование там подземных каналов, отметил, что все они построены «при персах». Геродот повествует о громадном водохранилище, контролируемом персидской администрацией, построенном в долине реки Акес (Теджен или

¹ Там же. -С. 105.

Мургаб), вода из которого сбрасывалась на поля лишь за дополнительную к обычным податям оплату. Об обширной оросительной сети в долине Политимета (Зеравшана) пишет Страбон»¹.

Здесь необходимо отметить, что в своей восточной миграции (в Таримский бассейн и Хафтруд) согдийцы и бактрийцы, брали собой не только образцы традиционного сельхозинвентаря, но и существующие ирригационные технологии, включая технологии рытья кяризов (подземных оросительных каналов). Образцы этого уникального иранского ирригационного сооружения можно увидеть от юго-западных областей Ирана до северо-востока провинции Синьцзян Китая.

Данные археологические раскопки, указывающие на западное влияние, подкрепляются также предположением, что один из вариантов названия оазисной страны Хотан (на южном маршруте шелкового пути) был иранским. Как отметил российский специалист: «Наиболее многочисленной группой были иранцы, которые говорили на восточно-иранском языке, условно названным хотано-сакским. Когда они заняли в Хотане ведущее положение, установить пока не удалось»².

Название страны, засвидетельствованное в хотано-сакских текстах на протяжении почти 700 лет (III- X вв.) претерпело некоторых фонетических изменений. В самых ранних текстах Хотан называется Hvatana... В литературном санскритском языке официальным названием Хотана было Gostana. «Следует также учитывать, что на древнеиранском (авестийском) языке «gava» - значило не только «место обитания»; но еще и относилось к определенной области (например, в Согде)»³. Можно предположить, что здесь наблюдаются далекие отголоски участия согдийцев, совместно с сакскими и тохарскими племенами, постепенно переходящими на оседлый

¹Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Государства и народы Евразийских степей. – СПб, 2004. -С. 51.

²Воробьева- Десятовская М. И. Хотано-саки // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Т. II. –М.: «Наука», 1992. -С.41

³ Воробьева- Десятовская М. И. Хотано-саки // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Т. II. –М.: «Наука», 1992. -С. 42

образ жизни, в первичном заселении этой древней области Таримского бассейна.

Эти ираноязычные племена и народы, оседавшие в оазисных городах Таримского бассейна, привезли из Вароруда не только навыки и умения культивирования сельскохозяйственных культур, но и практику обмена дарами.

В Западном крае древние китайцы столкнулись не только кочевниками, которых они называли *«людьми, натягивающих луки»*, но и как они оседлыми народами оазисов Таримского бассейна, Вароруда и Хафтруда. По мнению Крюкова: «Сюнну, находившиеся на стадии формирования классового общества и государства, испытывали потребность в тех материальных благах, производить которые не умели. В этом отношении население Западного края оказались примерно в том же положении, что и жители приграничных округов империи Хань, постоянно подвергавшиеся в III – II вв. до н.э. набегам кочевников. В наибольшей степени это касалось государств, расположенных в Притяньшанье, откуда сюнну время от времени вторгались в бассейн Тарима. Правитель сюнну вел особую должность «управляющего рабами»; в обязанности этого чиновника входил контроль над населением Западного края и сбор налогов. Его резиденция находилась в районе Яньци, Вэйсюя или Вэйли, откуда он «взимал подати со всех владений, получая от них богатства и средства к существованию» »¹.

Некоторые из этих небольших государств - оазисов (ок. 36 небольших государств Таримского бассейна), находящихся под протекторатом сюнну стали чинить препятствие беспрепятственному продвижению ханьских дипломатически посланников. Как сообщают «Исторические записки»: «Иноземным странам ханьские послы надоели. И местное население говорило о них неуважительно. Рассчитывая, что ханьские войска далеко и не смогут прийти, там начали запрещать снабжение посольств съестными

¹ Крюков М. В. Восточный Туркестан в III в. до н.э.-VI в. н.э. // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. - М. «Наука», 1988. -С. 251.

припасами, чтобы этим навредить ханьцам. Ханьские послы терпели нужду, копили гнев, доходило и до взаимных стычек. В таких малых государствах, как Лоулань и Гуши, перекрывали дороги и захватывали ханьских послов, особенно пострадал Ван Хуй (опытный посол Хань - М.А.). Банды сюнну нередко из засад нападали на тех, кого посылали в западные государства. Послы наперебой сообщали о стихийных бедствиях в иноземных странах, о том, что во всех них есть обнесенные стенами города, но войска слабы и их легко разбить»¹.

Несомненно, китайский император не смог смириться с таким положением дел, так как сношения с новыми крупными государствами Запада было не только делом престижа, но и возможностью установления союзнических отношений в упорной борьбе с кочевниками Великой степи. В 108 г. до н.э. Хань начала военную кампанию непосредственно в Западном крае, когда одна из армий напала на Гуши, взяв штурмом его столицу, а вторая вторглась в Лоулань, захватив его правителя. Эта военная кампания имела также воздействие на жителей Усуни и Ферганы².

Вскоре из-за лошадей разгорелась большая война между империей Хань и Ферганой. Постоянная война с «летучими отрядами» гуннов требовала наличие огромного количества боевых коней для империи, так как самое грозное оружие китайцев арбалеты - «самострелы» были очень востребованы для осаждения крепостей и в «правильном» бою, когда две армии сходятся лицом к лицу. Гунны были более известны своим «неправильным ведением» боя, когда они нападали в своих боевых конях внезапно и, принося большой урон противнику, быстро отступали, а когда получали отпор, могли быстро отступить, бросаясь врассыпную, и наступающая пехота не могла догнать их. В итоге империя должна была постоянно думать, как пополнять свою кавалерию необходимым количеством боевых лошадей, между тем многочисленные посольства

¹ Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. IX. – М.: «Восточная литература», 2010. -С. 208.

² Там же. -С. 208.

информировали императорский двор о наличии большого количества боевых коней не только в государстве Усунь, но и в других западных странах. Сообщение из «Исторических записок»: «посланников Хань было уже много, и некоторые из них увлекали Сына Неба такими речами: «В [Дай]юани имеются превосходные кони, [они] находятся в городе Эрши (Коканд ? – М.А.), их скрывают и не соглашаются отдать послам из Хань». Сыну Неба нравились [дай]юанские скакуны, он выслушивал это с интересом и отправил силача Чэ Лина и других с большим количеством золота и [фигуркой] золотого коня, чтобы получить от дайюаньского правителя превосходных эршиских лошадей. В Дайюани было обилие ханьских вещей»¹. Как вытекает из данного ценного отрывка древняя Фергана, расположенная в транзитной территории, несколько насытившись «обилием ханьских вещей» благодаря практику шелковой дипломатии, не были готовы уменьшения поголовья своих именитых скакунов.

Поэтому «совещаясь [с правителем], советники сказали: «Хань от нас далеко, и в окрестностях Яньшуй (Яньцзе) [их] подстерегает немало бед. Если пойдут на север, то столкнутся с хусцами (гуннами - М. А.); если двинутся южным путем - с нехваткой воды и травы. К тому же там очень мало селений, и продовольствия сильно не хватает. В ханьских посольствах бывает по несколько сот человек. [В пути они] постоянно испытывают голод, и умерших – больше половины. Разве они могут направить большое войско? [Они] ничего не смогут поделать с нами. Да и эршиские кони – [истинная] драгоценность [Дай]юани». В итоге [правитель Дайани] отказался передать [коней] ханьскому послу. Ханьский посол вышел из себя, наговорил грубостей и, разбив золотого коня, удалился»².

Этот отказ выступил поводом первого жесткого военного противостояния Китая одним из оседлых народов «Западных земель», который демонстрировал, что инициатор шелковой дипломатии (китайский

¹ Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т.IX. – М.: «Восточная литература», 2010. -С. 210.

² Там же. -С. 210-211.

император) для поддержания своего могущества был готов не только дарению большого количества шелка или золота, но и к дальним военным походам.

В последующем, по сообщению данного источника, в 104 г. до н.э. состоялся поход ханьских войск в Фергану, закончившийся неудачно, так как изнуренная армия потерпела поражение от ферганских войск в городе Юйчен (Узгенд ?- М.А.) и отступила назад (в Дуньхуан). Однако император был непоколебим в получении «небесных коней» и приказывает закрыть заставу Юймэнь и «Кто посмеет пройти заставу, казнить на месте!». По всей империи организуется новый рекрут в армию, так как «вся Поднебесная была задействована», включая осужденных за преступления «молодых негодяев». В итоге из Дуньхуана выходит 60 тысячная новая армия под руководством Эрши - полководца, которому удалось заключить мир, согласно которому китайцы получили табун коней, необходимый для продолжения войны с гуннами¹.

Поход в Фергану имел, несомненно, также дипломатический успех, так как происходила переориентация большинства оазисных государств Таримского бассейна от гуннов к империи Хань. Ряд государств Таримского бассейна отправили вместе с ханьской армией своих послов и членов семей в качестве заложников, что означало принятия вассалитета по отношению к нему. Однако борьба за доминирование в Западном крае между Хань и гуннами продолжалась. Вскоре империя Хань внедрила в регионе такие механизмы колонизации, которые надолго закрепили их власть. К второй половине I века до н.э., когда Хань нанесла ряд чувствительных ударов гуннам, их власть пошла в убыль. По мнению российского исследователя Крюкова: «Должность «управляющего рабами» была упразднена. В 59 г. до н.э. ханьский полководец Чжан Цзи был назначен на только что учрежденный пост генерал - протектора Западного края (Сиуй духу),

¹ Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т.IX. – М.: «Восточная литература», 2010. -С. 212-213.

просуществовавший до 23 г. н.э.»¹. После упорного китайско-ферганского вооруженного противостояния доминирования гуннов резко снизилось, когда вместе гуннского чиновника-надзирателя (*«управляющего рабами»*) был назначен ханьский (китайский) надзиратель (*«сиуй духу»*). Теперь китайский император стремился установить полный над торговыми маршрутами в обширной территории Таримского бассейна, соединив в единое целое более тридцати оазисных княжеств региона.

Вскоре произошло событие в Хафтруде тесно связанное внедрением этой должности (сиуй духу) в Западном крае, которое можно условно назвать первая «Таласская битва». В ней впервые столкнулись, военные контингенты, как минимум, трех империй, включая далекого Рима (в качестве военнопленных). Дело в том, что странное на взгляд китайцев военное «построение в виде рыбьей чешуи» в «Ханьшу» (истории династии Хань) вызвало большую дискуссию среди синологов всего мира. В 36 г. до н.э. помощник наместника западных пограничных районов Чэнь Тан уговорил своего начальника (сиуй духу) совершить глубокий рейд в Хафтруд (правый, северный склон Тянь-Шанья) в новую укрепленную ставку правителя (шаньюя) гуннов Шиши (или Чжиши?) в Таласе. До этого события шаньюй вероломно убил посла Хань и бежал с его печатью на запад во владения Согда (или Кангюя). Здесь китайцы обнаружили новый укрепленный лагерь «огражденный, двумя деревянными частоколами» и «более сотни пехотинцев, выстроенных в линию «в виде рыбьей чешуи», которых ряд исследователей (Дебс Г. Г., Гумилев Л. Н. и др.) характеризуют как римский легион. Согласно Дебс – ««построение в виде рыбьей чешуи» представляет собою маневр, отнюдь не легко выполнимый. Эти солдаты должны были сгруппироваться вместе и накрыться своими щитами. Этот маневр, требующий одновременности действия со стороны всей группы, особенно если он выполнялся перед самым нападением, требовал высокой

¹Крюков М. В. Восточный Туркестан в III в. до н.э.-VI в. н.э. // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. - М. «Наука», 1988. -С. 252.

дисциплинированности, какая возможна только в профессиональной армии. Единственными профессиональными, организованными в регулярные части солдатами того времени, о которых имеются данные, были греки и римляне, - кочующие и варварские племена бросались в бой беспорядочными толпами»¹

Однако, откуда здесь в глубине Великой степи римский легион? Из множества кочевых племен только дахи использовали броню - позднее знаменитые катафрактарии парфян, которые и разгромили ранее римские легионы Красса на далеком западе (при Каррах в 54 г. до н.э). Согласно Малькольму Колледжу: «для Рима это действительно было трагедией. Из армии численностью более сорока тысяч в Сирию удалось бежать только десяти тысячам. Еще десять тысяч были пленены парфянами. Остальные погибли. Военные штандарты Рима - орлы оказались в руках парфян. Пленных отвели в Мерв, в противоположную часть Парфянского царства, и разместили там»².

Вполне возможно, что здесь в Мерве, эти римские военнопленные (с полной своей военной экипировкой) носили военную службу в приграничных районах (граничившей на севере с Кангдеш, на востоке с Кушаншахами) против вторжения кочевых племен, так как здесь проходил один из главных маршрутов шелкового пути, на охрану которого Парфия обращала особое внимание. «Нам неизвестно,- пишет Дебс,- сколько из этих 10 тысяч человек достигли этого места. Расстояние от Карр до Антиохии в Маргиане составляет около 1500 миль, и вряд ли при этом переходе с пленными хорошо обращались. В римских и греческих сообщениях об их судьбе больше нет никаких указаний. По предположению Горация, эти римляне женились на женщинах из варварских племен и служили в парфянском войске»³. Возможно также, по происшествии 18 лет наемной

¹Дебс Г. Г. Военное соприкосновение между римлянами и китайцами в античное время// Вестник древней истории. 1946 № 2. -С.46.

²Малькольм А.Р. Колледж. Парфяне. Последователи пророка Заратуштры. - М.: Центрполиграф, 2004. -С.37.

³ Цит. по Дебс Г. Г. Военное соприкосновение между римлянами и китайцами в античное время// Вестник древней истории. 1946 № 2. -С.47.

военной службы, часть относительно молодых римских легионеров, маргинализуясь, могли наняться за хорошее вознаграждение к новым хозяевам. Это мнение косвенно подтверждается сообщением Л. Н. Гумилева о том, что накануне правитель гуннов разгромил торговый город и получил большую добычу. От этой военной трофея, вероятнее всего, производилась оплата для римских легионеров-наемников.

Таким образом, в степной долине столкнулись представители армий трех империй, точнее двух- Хань и кочевой империи гуннов, которые мобилизовали и представителей Римской империи. Волей судьбы военные контингенты трех мировых империй сошлись в одном месте, а четвертая (Парфия) в это время была занята оттеснением римлян (во главе с Антонием) на другом берегу Каспия, пятая (Кушаншахи), оттесняя греков и македонян на юг, прорывалась в Индию. Все эти ведущие империи мира имели прекрасную армию, которая имела как сильную, так и слабую сторону. Эта была великая эпоха всеобщей борьбы мировых империй за контроль над торговыми маршрутами и узловыми городами, а также промежуточными между ними территориями, чтобы обеспечить регулярный характер дипломатических сношений.

В конечном итоге в Таласской битве гунны и римляне потерпели поражение. Дворец правителя был сожжен, его голова отрублена и верительные грамоты китайского посла были возвращены назад. Это известие свидетельствует о том, насколько высоко имперский Китай относился к верительным грамотам своих послов, направляющих на запад.

Итоги этой битвы, среди прочего показала, что шелковая дипломатия и тесно связанный с ней шелковый путь, уже на начальном своем этапе создал благоприятные условия, когда представители самых отдаленных друг от друга народов (от Средиземноморья до Желтого моря) могли соприкасаться между собой в его узловых центрах и непосредственно знакомиться с достижениями друг друга, включая фортификацию и военное дело. Это жесткое вооруженное противостояние также показало, нарушение

складывающих традиций и обычаев шелковой дипломатии (убийства посла), в свою очередь, привело к универсальному методу наказания за это преступление.

Вторым средством колонизации западных земель стали *тины* (поселения китайских солдат-землепашцев), о которых сообщается в «Исторических записках»: «Также Хань отправило свыше десяти посольств в иноземные страны, расположенные к западу от [Дай]юани, чтобы собирать диковинные вещи и довести до сведения [их правителей], что могущественная [Хань] разгромила [Дай]юань. Управление [областью] Цзюцюань перевели в Дуньхуан. На западе до Яньшуй (река Тарим) повсюду появились тины. В Луньтоу поселили несколько сот солдат-землепашцев, поэтому туда были назначены уполномоченные для охраны полей и заготовки зерна, чтобы снабжать отправляемые в иноземные страны [посольства]»¹. Об успешной реализации данной политики колонизации Хань сообщает современный исследователь: «к I в. до н.э. ханьским правительством был уже накоплен значительный опыт по созданию такого рода поселений в округах Увэй, Цзюцюань, Чжань, Дуньхуан. План широкого внедрения военных поселенцев на земли Западного края был разработан сановником Сан Хунъяном, придворным императора У-ди. В 89 г. до н.э. Сан Хунъян подал доклад, в котором отмечал наличие в районе Луньтая (близ Цюйли, на «северном пути») пригодных для орошения земель и предлагал учредить там китайские колонии. Император отверг эту идею, а заодно признал ошибочной всю предшествующую политику Хань, направленную за захват новых территорий на северо-западе... После смерти У-ди Сан Хунъян удалось склонить нового императора, Чжао-ди (86-74 гг. до н.э.), к принятию решения об организации военных поселений в Западном крае, хотя и в более скромных масштабах, чем это предполагалось ранее»².

¹Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т.IX. – М.: «Восточная литература», 2010. -С. 216.

²Крюков М. В. Восточный Туркестан в III в. до н.э.-VI в. н.э. // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье.- М. «Наука», 1988. -С. 254.

Таким образом, роль Китая в внедрении всемирной шелковой дипломатии состояла не только дарования иноземных правителям и их двору большого количества шелка и шелковых тканей, а также колонизацией обширной территории от Ганьсуйского коридора до города Кашгар в южном склоне гор Тянь-Шаня, составляющей примерно две тысячи километров. Основное население этих более тридцати оазисных княжеств Таримского бассейна составляли согдийцы, остатки саков-кушан и тохар, не ушедших с основной массой на запад. Они вместе с китайскими солдатами из *тинов* (военных поселений) охраняли этого уязвимого маршрута международного торгового пути, крепко соединявших торгово-дипломатических контактов Китая с западными странами от постоянных набегов гуннов.

Однако в течение всего имперского периода функционирования шелковой дипломатии борьба шла с переменным успехом: во время ханьско - дайюанской войны (104-101 гг. до н.э.), китайцы, совершив глубокий западный рейд, дошли до ее столицы город Эрши (совр. Коканд), результатом которого стала дипломатическая переориентация некоторых княжеств от кочевой империи гуннов к империи Хань; узурпация власти в империи Хань Ван Маном (9- 22 годы н. э.) привело, наоборот, к падению позиций Китая в "Западном крае"; военно-дипломатическая деятельность Бан Чао в "Западном крае" (72-102 гг.), восстановивший китайское доминирование и вовлекший Кушаншахов в внутренние дела данного края и т.д.

Ослабление политического господства гуннов в Центральной Азии ханьцы достигли не только благодаря своей армии, которой регулярно остро не хватало боевых коней, а в основном, за счет шелковой дипломатии, включая в нее и брачной дипломатии (хэ цинь). Китайская принцесса, выданная за правителя гуннов (усунь и других кочевников-варваров) со своей свитой со временем, воспитала одного из наследников престола в китайских культурных традициях и ценностях, тем самым внеся раскол в единство правящего дома кочевых государственных образований. А

китайские дипломаты, одаривая влиятельных членов правящего класса кочевых империй шелком, снижали их антикитайские настроения и стремления. Слабость государственных устоев и отсутствие достаточной практики и традиции управления государством вынуждали различные новообразованные кочевые государственные образования принять развитые китайские традиции и методы государственного управления и т.д.

Тем временем в 90-91 годы гуннам было нанесено тяжелое поражение, что «испуганный шаньюй, накинув на себя войлочные одежды и боясь от страха дышать, бежал в земли усуней. Земля к северу от пустыни обезлюдела»¹.

После этого разгрома гунны перестали играть роль упорного противника ханьцев за доминированием в Таримском бассейне. Хотя они совершали набеги в последующие годы (120-150 гг.) на Таримский бассейн, которые были во многом, с большими потерями, в последующем основное внимание они направили на запад.

Как пишет крупный российский исследователь С. Г. Кляшторный: «началось постепенное овладение гуннами землями в степях между Тарбагатаем и Прикаспием. Единственное государственное образование, созданное тогда гуннами к северу от оз. Балхаш, получило в китайских источниках название Юэбань»².

Именно с восточных берегов устья реки Волги позднее, во второй половине IV века гунны вторглись на западный берег этой великой реки и, двигаясь вперед и вовлекая остальных кочевников, дошли до северной Италии.

Отличительной чертой этой борьбы за доминирование было то, что если китайцы проводили политику умиротворения кочевников, когда временами они большими частями откалывались с прокитайским предводителем от основного ядра и превращались в союзников-федератов, то

¹Таскин В.С. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Вып. II.-М.: «Наука», 1968. -С.98.

²Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Государства и народы Евразийских степей. – СПб, 2004. -С. 77.

Великая степь, где обитало множество кочевых племен, регулярно и методично выдвигала новые и новые племена на противостояние с оседлыми государствами, расположенными в непосредственном соседстве с ними (гунны, сяньби, тоба, тюрки и многие др.).

Неспособность приобщиться идеям и ценностям шелковой дипломатии со стороны кочевой империи гуннов, более склонные к грабительским набегам и грубой экспроприации материальных богатств оседлых народов, в первую очередь, согдийских населенных пунктов Таримского бассейна, в конце концов, привела к их полному вытеснению из орбиты шелковой дипломатии, а также из основных маршрутов международного торгово-дипломатического пути.

В данное время наблюдается уже активность торговцев-дипломатов из Западных земель в столице империи (Поздняя) Хань в городе Лоянь, которые с новыми товарами привезли сюда, также новые идеи, идеологии и религии. Согласно специалисту Лубо – Лесниченко: «проникновение буддизма в Северный Китай явилось результатом торговых контактов по Шелковому пути. На связь буддийской пропаганды с торговой деятельностью указывает тот факт, что буддийская религия в Китае начала распространяться в среде знати, покупавшей предметы роскоши из Западных земель и попадавшей под влияние иноземной культуры. Первые буддийские общины появились в Лояне, где находилась главная колония иноземных купцов. Непосредственную роль западного купечества в распространении буддизма в Китае подтверждает биография парфянского торговца Ань Сюаня, прибывшего в 181 г. с торговой миссией в Лоян и ставшего членом буддийской общины, основанной парфянским проповедником Ань Шигао. Сыном согдийского купца был и буддийский проповедник III в. Кан Сэнхуэй»¹.

Здесь уместно подчеркнуть, что как свидетельствует этот отрывок известного специалиста по изучению шелкового пути, уже ко II веку, т.е. к

¹Лубо-Лесниченко Е.И. Великий шелковый путь // Вопросы истории. 1985. № 9. с. 97.

начальному периоду функционирования шелковой дипломатии предки таджикского народа, в основном, согдийцы основательно освоились в столицах империи Хань, став известными уже с китайскими фамилиями Ань (выходец из Парфии, позднее из Бухары), Кан (выходец из Самарканда) и многие другие, которые удерживали доминирующее положение в качестве торговцев-дипломатов более тысячелетия. В пользу этой мысли говорит сообщение другого российского специалиста, описывающее торговые дела и дипломатические связи в Китае времен «Пяти династий и десяти царств» (907- 960 гг.): «Среди согдийцев на первом месте по численности стоят выходцы из Бухары, носившие фамилию Ань; дальше идут представители Чача (совр. Ташкент –М.А.) (фамилия Ши) и только один посол был из Маймурга (фамилия Ми)»¹.

А местом первичного размещения торговцев-дипломатов стали религиозные и культовые сооружения как «храм огня» для зороастрийцев или ступа или буддийские храмы для буддийцев, христианские церкви для христиан и т.д.

Поднебесная после распада великой Ханьской империи, попала в эпоху разобщенности, государственных переворотов и междоусобиц, продолжавшаяся более трех с половиной столетий. Это время в китайской историографии называется эпохой «Троецарствия и шести династий». На месте некогда централизованной империи сначала образовались три государства, постоянно враждующих между собой. Одно из них – Вэй (или Цао Вэй, 220-265 г.), расположенный в Северном Китае, охватывающий Дуньхуан на северо-западе до Ляодуна на востоке, сохранял тесные связи с Таримским бассейном. Второе государство- Шу (или Шу-Хань, 221-263 г.) в Сычуане, включал в себе южные районы Ганьсу и Шэньси, большую часть Юннань и Гуйчжоу. Третье под названием У (222-280 г.) находился на юго-востоке бывшей империи. Это троецарствие продолжалось до 280 года.

¹Малявкин А.Г. Уйгурские государства в IX-XII вв. – Новосибирск, «Наука», 1983. -С. 247.

Империя Цзинь, преемница Вэй в 263 году присоединило царство Шу и в 280 году царство У. Однако после смерти основателя империи Сыма Яна (290 г.) удельные князья новой империи начали междоусобицу, которая продолжалась до 306 года.

Однако по историческим свидетельствам разобщенность Китая и частая междоусобица в стране послеханьского периода не стала преградой в поддержании шелковой дипломатии, а наоборот, наблюдалась интенсивность караванной торговли. Согласно Лубо-Лесниченко, - «Увеличившийся приток купцов из Западных земель привел тому, что в период ранней Вэй (III в. н. э.) дуньхуанский губернатор Цан Цы выдавал специальные разрешения купцам, направляющимся в Лоян (столицу государства Вэй- М.А.) для торговли. Эта система разрешений была впоследствии унаследована при династиях Суй и Тан»¹.

Это специальное разрешение (кит. название «госо») торговцам - дипломатам можно рассматривать как прообраз визы для въезда иностранного дипломата и/или провоз товара в страну, бравший свое начало с первоначального этапа функционирования шелковой дипломатии и тесно связанной с ней международного торгового пути.

Данная разобщенность Китая сделала страну легкой добычей вторжений кочевых племен глобального процесса Великого переселения народов, охватившего от бассейна рек Рейн и Дунай на западе до берегов реки Хуанхэ. Это вторжение привело к разделению страны. Север страны в течение длительного времени (304- 449 г.) оказался в состоянии политической нестабильности. Один за другим к власти пришли ряд несостоявшиеся государства, возглавляемые различными племенными вождями. Этот период получил в китайской истории название «Шестнадцать государств пяти северных племен». Южный Китай в рассматриваемом периоде находился в относительно стабильном состоянии. Период с 420 по

¹Лубо-Лесниченко Е.И. Великий шелковый путь // Вопросы истории. 1985. № 9. с. 96.

589 год в китайской традиционной истории именуется эпохой «Северных и Южных династий»¹.

В то время, когда юг страны погружается в хаос и междоусобицы, то на севере государство кочевой племени тобгачей Северная Вэй (386-534 г.) проводят централизаторскую политику, в результате которой восстанавливается китайская модель управления и китайские аристократические семьи приравниваются к правящей элите. Укрепление государственной власти, когда и правящий этнос превращается на обычных налогоплательщиков, не устраивает вчерашних кочевников, которые начинают восстания. С 531 до 581 года страна в целое пол столетие погружается в дворцовые перевороты. В 581 г. военачальник Ян Цзянь устраняет от власти императора Северного Чжоу (557-581), образованного вместо Западного Вэй (535-557) и создает новую империю- Суй, а через 8 лет подчиняет также южной части страны (государство Чэн, 557-589) и восстанавливает единство Китая.

Военно-политические катаклизмы, а также вторжения кочевых племен, несомненно, приводят к некоторому ослаблению международной торговли шелком. Поэтому города-оазисы Таримского бассейна, тесно связанные с внутренним Китаем, получающие большие выгоды от транзитной торговли, прилагают усилия по получению культуры шелководства и начало его внедрения у себя.

Согласно Лубо-Лесниченко: «первые сведения китайских источников о продвижении культуры шелководства из собственного Китая на запад относятся к I и II вв. н.э. и связываются с оазисом Иу (Хами)- самым восточным в цепи оазисов Восточного Туркестана»². «История династии Северная Чжоу (557-581) – «Чжоу шу» - продолжает этот исследователь, - указывает на существование шелководства в Гаочане (Турфанский оазис),

¹Лубо-Лесниченко Е. И. Китай на шелковом пути. - М.: «Наука», 1994. -С.162.

² Там же. -С. 168.

где климат теплый, в течение года дважды созревают злаки, [условия] благоприятны для шелководства, много фруктов»¹.

Эти сообщения, подкрепленные различными археологическими находками в Монголии, говорят о том, что правители и населения многочисленных оазисов Таримского бассейна, имеющие достаточный опыт участия в шелковой дипломатии и тесно связанной с ней сверхприбыльной международной торговли шелком, обеспокоенные опасностью кризиса этой торговли из-за непрекращающихся дворцовых переворотов и междоусобиц, начали задумываться об обладании секретов шелководства и шелкоткачества у себя дома.

Известный буддийский паломник Сюань- Цзан, посетивший эти оазисы в 30-40 годы VII века приводит местную легенду о начале шелководства в Хотанском крае: «прежде в Хотане не было тутовых деревьев, ни шелковичных червей. Соседние владения не хотели снабдить их. Владелец посватал одну княжну и ему дали слово. При свидании с невестой он сообщил, что в его владении нет шелковичных червей и поэтому надобно для своего одеяния взять шелковичных червей. Девушка спрятала яйца шелковичных червей в хлопчатую бумагу в шляпу, а начальник пограничной крепости не осмелился обыскать. С сего времени введено шелководство в Хотане. Девушка вырезала на камне условия не убивать шелковичных червей. Бабочки улетели, а из сырца изготовляли ткани»².

Среди исследователей распространилось мнение о том, что «в древнем Китае строго следили за сохранение тайны шелководства, осознанно оценивая свою роль монополиста продавца шелка (как сырца, так и тканей из него) во всем мире под страхом смерти, запрещалось его распространения за пределами страны». Это мнение, поддержанное со стороны большинства исследователей (Н. В. Пигулевская, Ф. И. Успенский и др.) не был принят специалистом Лубо-Лесниченко, который отвергает эту позицию. По его

¹Лубо-Лесниченко Е. И. Китай на шелковом пути.- М.: «Наука», 1994. -С.168.

²Цит. по Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т.II.- М.: -Л. Изд-во Акад. Наук СССР, 1950. -С. 302.

мнению: «Нам представляется, что эта точка зрения ни в коей мере не соответствует реальным фактам и исторической ситуации того времени. Так, в дошедших до нас законах эпохи Хань предписывается не вывозить из империи главным образом оружие и железо. Что касается грены, то они в указах не упоминаются. Наоборот, экспорт шелководства, судя по текстам, всячески поощрялся. Выше мы упоминали об образцовых чиновниках-правителях округов, которые, управляя на окраинах империи, в соответствии со своим конфуцианским мировоззрением видели свою задачу в том, чтобы научить «варваров» земледелию и шелководству и тем самым поднять их до уровня «цивилизованных» людей»¹.

На наш взгляд, предпочтительно выглядит позиция Е. И. Лубо-Лесниченко, так как медленному и неторопливому распространению шелководства на запад как «китайского секрета» была не негативная позиция древнекитайских императоров, а суровая военно-политическая ситуация в территории соединения внутреннего Китая с западными земледельческими государства, включая оазисных стран Западного края (провинция Ганьсу) выступила основным препятствием. А стабилизация обстановки на этой территории и откочевка на далекий север «возмутителей спокойствия» гуннов позволил распространение шелководства в Таримский бассейн. На это утверждение косвенно указывает сообщение в «Истории Поздней Хань»: «Земли в Иу пригодны для посева злаков, а также для разведения шелковичных деревьев, конопли и виноградарства»². По утверждению этого исследователя «к I-II вв. н.э.», т. е. после устранения опасности гуннских набегов уже можно рассматривать как начало продвижения культуры шелководства из собственного Китая на Запад и первым была оазисная страна Иу (Хами). В последующем сама оазисная форма сельского хозяйства, когда каждая небольшая страна конкурировала с соседней страной в специализации в конкретном рыночном товаре, каковым, в первую очередь,

¹Лубо-Лесниченко Е. И. Китай на шелковом пути. - М.: «Наука», 1994. -С.173-174.

²Цит. по Лубо-Лесниченко Е. И. Китай на шелковом пути. - М.: «Наука», 1994. -С.168.

являлся шелк, возможно, разработала свою политику особой охраны секретов шелководства. Он допускает, что к появлению такого ошибочного восприятия могло бы повлиять «секреты производства китайского фарфора, оказавшие значительное влияние на умы европейцев XVIII в.»¹.

Продолжение дворцовых переворотов и внедрения разрешительной системы у самых «ворот» в внутренний Китай через несколько столетий также не останавливали этот международный караванный торговли. «О расцвете международной торговли на Шелковом пути в VI в., - пишет Лубо-Лесниченко, - повествует «Записки о монастырях Лояна»: «От гор Цунлина (Памир) и далее на запад до страны Дацинь (Византия) из сотен стран и тысяч городов не было таких, кто не хотел бы прибыть сюда. Иноземные купцы и приезжие барышники день за днем стремятся к заставам... Тех, кто поселяется в столице, невозможно счесть. Все труднодоступные товары Поднебесной имеются здесь»².

К концу этого периода в Поднебесной также набирали обороты централизаторские процессы, которые привели к созданию блистательной империи Тан, которая смогла превратиться в торгово-дипломатическую столицу мира раннего средневековья.

Таким образом, древний имперский Китай, практикующий «дарственную политику» в отношениях между императором и его многочисленными вассалами, а также «дарственной дипломатии» в взаимоотношениях с соседями-кочевыми племенами, в конце II века до н.э. выходит в мировую арену.

Это было равноценно Великим географическим открытием для древнекитайского общества, воспитанного под многовековой идеологией «Поднебесная, как центр мироздания, окруженной с четырех сторон кочевыми варварами». Жесткое вооруженное давления одного из этих «четырёх варваров» -гуннов по флангам и через бреши Великой китайской

¹Лубо-Лесниченко Е. И. Китай на шелковом пути. - М.: «Наука», 1994. -С.175.

²Лубо-Лесниченко Е.И. Великий шелковый путь // Вопросы истории. 1985. № 9. с. 96.

стены на оседлый Китай, продолжающее десятилетиями, вынудили имперского правления страной предпринять дипломатические усилия по нахождению военных союзников против них. После долгого поиска выбор пал на бывших сюзеренов гуннов ираноязычных племен саков-кушан, создателей первой в мире кочевой империи, под властью которых первоначально находились гунны. Как было рассмотрено выше саки – кушаны под натиском бывших вассалов, потерпев поражения в ряде упорных сражений от гуннов, откочевали далеко на запад и нашли новое место расселения в северной Бактрии, в окрестностях современного города Душанбе (археологическое городище Шахринав Таджикистана). После этой откочевки саков-кушан гунны через этих освободивших земель вокруг гор Наньшан и Ганьсуйского коридора начали предпринимать свои постоянные набеги.

Решение практической задачи- нахождение саков-кушан и их возврат для открытия «второго фронта» против грозных гуннов стал отправной точкой китайской «дарственной дипломатии». А наличие «дарственной дипломатии» у древних народов Центральной Азии, состоящие, в основном, из восточноиранских народов и племен с одной стороны, а с другой стороны, их заинтересованность наладить торговых отношений Китаем, родиной шелка, позволила не только превратиться «дарственной дипломатии» в «шелковой дипломатии», но и открыть новый период в мировой дипломатии, бравший свое название от этой благородной ткани.

Стремительному распространению этого типа мировой дипломатии способствовала не только острая востребованность шелка во всех малых и крупных дворах древнего мира, но и образования крупных мировых империй, разделивших между собой огромные территории Евразии и северной Африки, но и ускоренной колонизации буферных территорий (Гансуйский коридор, Таримский бассейн, правый берег Сырдарьи, северный Каспий, северный Кавказ и т.д.).

Обнаружение большого количества лошадей у новооткрытых народов и государств со стороны китайской дипломатии несколько нивелировала китайской разновидности «шелковой дипломатии», остро нуждающихся в их получении для противостояния с мобильной кавалерией гуннов. Китайская имперская дипломатия, рассматривающих этих народов согласно традиционной дипломатии «внешними подданными», оставаясь формально верной ей, практически занимались политикой «шелк взамен лошадей» и поиска военных союзников.

Наличие большого количества оазисных согдийских колоний (в Гансу, Таримский бассейн и сопредельных областей) через которых проходили многочисленные торгово-дипломатические караваны, не могли обеспечить из безопасного передвижения, поэтому имперский Китай начал административную колонизацию этих обширных территорий. Здесь сформировалось согдийско-китайское взаимодействие, которое выступило залогом долголетия не только этого восточного маршрута международного торгового пути, но и всей мировой «шелковой дипломатии». Именно согдийские торговцы возглавляли ответные дипломатические миссии в Китай, которые взяли себе ношу ведения тяжелых сухопутных караванов, но и выполнения дипломатических церемониалов от имени государственных образований, снаряжавших этих миссии. При этом им необходимо было выполнять внешние (формальные) ритуалы от стран «данников». Такой формой древнего аутсорсинга или франшизы (передача функции или услуги внешней специализирующей стороне) согдийские торговцы справлялись успешно, так как и отправляющая стороны была освобождена от выполнения этих ритуалов древнекитайской дипломатии.

Формировавшая «шелковая дипломатия», способствовала также не только развитию китайского шелководства, но и постепенному появлению древних центров шелкоткачества в Согде, Иране и Сирии (ближнем Востоке), поэтому жесткая конкуренция за мировые рынки шелка привели в

ожесточенной борьбе между регионами Евразии за узловыми центрами и маршрутами их доставки и реализации.

2.3. Постепенное привлечение Римской/Византийской империй к шелковой дипломатии в I-VI вв.

По мере продвижения шелковой дипломатии на запад, к восточным берегам Средиземноморья, Римская империя, также практикующая «дарственной дипломатии», укрепляла свои позиции в них, продвигаясь на восток. К началу функционирования шелковой дипломатии в Малой Азии, Месопотамии и сопредельных землях Рим и Парфия (к концу II в. до н.э.- начало I в. до н.э.), фактически выступили преемниками некогда обширной Селевкидской державы. Однако гражданские войны в самом Риме и восточная угроза Парфии на время остановили их экспансию и движению навстречу друг другу.

Римляне, нанеся чувствительное поражение селевкидскому царю при Магнесии в 190 г. до н.э. начали захват западных земель этой державы. А аршакидский шах Митридат II, до появления кушан на востоке своего государства, нанеся поражения селевкидскому государству в 142 г. до н.э. захватил одну из богатейших его областей Вавилон. Однако гражданские войны в самом Риме и восточная угроза Парфии на время остановили их экспансию и движению навстречу друг другу. Аршакиды, успешно исполняя роль достойного соперника Рима в его проникновении на Восток, в отличие от своего преемника - Сасанидов, не перекрыли торговых путей Востока, идущих на Запад (в большем счету, в Рим).

«Письменные источники сообщают, что уже в II в. до н.э. китайский шелк получил распространение в Парфии и в первой половине I в. до н.э. из него изготавливались боевые знамена. В I в. до н.э. шелк проникает в Александрию - главный торговый город Восточного Средиземноморья, где для царицы Клеопатры шили из шелка роскошные одеяния. В Рим шелк

завозится во второй половине I в. до н.э., в правление императора Августа (один из первых императоров Рима - М.А.)" упоминания о шелке (serica) встречаются в стихах Вергилия, Проперция, Горация и Овидия»¹.

Поэтому, вполне возможно, что часть из "огромного количества шелковых тканей", бывшего в распоряжении большого ханьского посольства на Запад во главе с Чжан Цяном (117 г. до н.э.), вывозимого из Китая в Усунь и Аньси (Парфия), была в последующем включена в дары посольства Аршакидов в западные страны, включая и в Рим.

А распространение шелковой дипломатии в древнем Риме совпал со временем, когда власть в государстве стала переходить от республиканского сената к императору, включая и внешние сношения. Как пишут авторы «Истории дипломатии»: «в императорский период (I-IV века нашей эры) все дела внешней политики - объявление войны, заключение мира, прием и отправлене посольств и пр. – подлежали ведению императора... Общее законодательство в отношении послов иностранных государств при Империи оставалось тем же, каким оно было и при Республике. Личность посла даже враждебных государств считалось священной и неприкосновенной. Нарушение посольских прав квалифицировалось как нарушение международного права... В памятниках императорского периода очень много внимания уделяется отношениям Рима с иностранными государствами, союзными царствами, городами и общинами, а также вопросам организации и деятельности посольств. Все это свидетельствует о важности этой государственной отрасли в Римской империи»². Несмотря на кардинальные трансформации во властных структурах древнего Рима (от республиканской к имперской формы правления, основы дипломатической службы осталась неизменной, за исключением не выборности, а назначаемости собственных послов Сакральность «дарственной дипломатии» и священность личности

¹Лубо-Лесниченко Е. И. Китай на шелковом пути. - М.: «Наука», 1994. - С. 247.

² История дипломатии. Т.I./ под редакцией Потемкина В.П.-М.: ОГИЗ, 1941. - С. 75-76.

посла оставались неизменными, выступая питательной почвой для формирования римской разновидности шелковой дипломатии.

По мнению исследователя Малькольма А.Р. Колледжа: «Когда рассматривается общая картина торговых перевозок между Средиземноморьем, Дальним и Ближним Востоком после падения империи Селевкидов, парфяне выступают главным образом как посредники, а не как производители. В ранний период парфяне, несомненно, торговали с селевкидскими купцами. Коммерческие контакты с Китаем были прочно налажены еще до конца II в. до н.э. Чжан Цянь и другие сообщали о готовности парфян вести торговлю. Их повозки, караваны и корабли появлялись в соседних землях, они отправляли диковинные подарки - страусинные яйца и фокусников, чтобы возбудить китайского императора. Шелковый путь между Китаем и Средиземноморьем начал действовать. Дружественные посольства и подарки продолжают упоминаться в китайских источниках I и II вв. н.э. Китайцам были известны парфянские монеты: еще до 150 г. н.э. надпись с парфянской монеты была скопирована в качестве украшения китайской бронзы»¹.

Как вытекает из данного сообщения, с момента выхода парфян к восточным римскими владениям, они уже были крепко завязаны в «шелковую дипломатию» с Китаем и с сопредельными государствами, включая с мощной державой Кушаншахов, которая была образована саками-кушанами, выходцами из сопредельных областей Китая (Ганьсу). Парфяне придерживались как «шелковой дипломатии», так и свободной торговли с сопредельными странами. Поэтому китайский шелк стал попадать в римские владения, как посредством дипломатических миссий, так и через свободные торговые караваны.

Восточный поход Гнея Помпея во время третьей войны Рима с Митридатом Понтийским (74-64 гг. до н.э.) укрепил дипломатические

¹Малькольм Колледж А. Р. Парфяне. Последователи пророка Заратуштры. - М.: Центрполиграф, 2004, с.72-73

отношения этой западной державы с Парфией. Сама необходимость войны с двумя мощными государствами Ближнего Востока - Митридатом VI, царем Понта и Тиграном II, царем Армении, заставил Помпея выступить в дипломатические переговоры с аршакидским шахом Фраатом III. Согласно договору между шахом Фраатом III и римским полководцем Помпеем, парфяне получили права вторгаться в пределы Армении. Аршакидский шах Фраат впервые предложил границу по Евфрату, которому в последующем много раз возвращались. Разрыв союза армянского и понтийского царей был результатом умелой политики Помпея, заключивший союз с Парфией. Однако его попытка пройти после захвата Армении (нарушая договор с Парфией) из долины Фазис к Каспийскому морю и овладеть древним торговым путем окончилась неудачей¹.

Также возможно, что Красс, самый богатый человек Рима и наместник Сирии, попав в "шелковую лихорадку", хотел продвинуться ближе к восточным рынкам, начавшим торговать шелком. Он, за собственный счет, оснастив римских легионеров, возглавил их поход на Восток, где потерпел сокрушительное поражение при Каррах (в 52 г. до н.э.). Заслоном Риму в этом походе стала знаменитая тяжелая конница Аршакидов с боевыми знаменами, изготовленными из китайского шелка и переливающиеся разными цветами. В итоге римское войско потерпело сокрушительное поражение в 52 году до н.э. при Каррах (совр. Харран, Турция). Как было рассмотрено выше, часть пленных римлян, отосланных в Мерв, оттуда, возможно, они в качестве наемников приняли участие в войне гуннов с китайцами.

«Если римские матроны, - пишет Р. Гиршман, - требовали китайского шелка, то политика императоров по отношению к Парфии оставалась той же, какой она была при Крассе; эту вековую вражду унаследовали Сасаниды»².

¹История Древнего Рима/ под ред. Брокшанина А.Г. –М.: 1971. -С. 221-222

²Гиршман Р. Кушаны и Иран. // Центральная Азия в кушанскую эпоху. – М.: «Наука», 1972. с. 145.

Как сообщает древнеримский историк Плутарх, после 18 лет поражения римлян в Карах, преемник Цезаря Марк Антоний во время своего похода на Кавказ и Иран, совершенствовал тактику римлян. По некоторым данным проводником у Антония служил воин, выживший из армии Красса и впоследствии служивший у парфян. Марк Антоний, по совету армянского царя Артавазда, избегал равнины и двигался через холмистые земли, где ударная сила парфянской тяжелой конницы не могла развернуться в полную мощь¹.

Таким образом, воины Антония, в отличие от воинов Красса, смыкавших щиты только спереди в военной тактике «черепеха», а их головы не были защищены от стрел, попадающих сверху, остались невредимыми. Несмотря на совершенствования военной тактики, и этот поход римлян на Восток, в общем, оказался неудачным. Как пишет Малькольм Колледж - «Антоний шел по холмистой местности в сторону Армении (из Атропатены-совр. Иранский Азербайджан- М. А.). Его отряды постоянно терпели налеты парфян и страдали от голода и жажды. Буханка хлеба стоила не меньше серебряной монеты, голодавшие солдаты были вынуждены пить грязную воду и на ходу жевать выкопанные среди камней корни. В результате такого питания многие умирали. Какой-то дружелюбно настроенный парфянин предупредил Антония, что, если его отряды уйдут из холмов, их постигнет судьба Красса. Отступление шло медленно, с все большими потерями солдат и боевого духа. Наконец они вышли к реке, находившейся недалеко от границы Армении. Здесь парфяне прекратили свои атаки, сняли с луков тетивы и ускакали, превознося мужество и выносливость римлян. Спустя еще шесть дней (и почти через месяц после отхода от Фрааспы) римляне оказались в Армении. Антоний обследовал свое войско: сражения и болезни унесли тридцать пять тысяч человек. Хотя ни одно сражение не

¹Плутарх. Сравнительное жизнеописание в двух томах. –М.: «Наука», 1994. -С. 45 - 1376.

закончилось поражением, треть его армии погибла, и по числу убитых потери Антония были больше, чем у Красса»¹.

Позже было установлено затишье, поводом для которого был блестящий дипломатический шаг аршакидского шахиншаха Фраата IV (38- 3 гг. до н.э.), который вернул 20 г. до н.э. Риму его пленных и штандартов их легионов (Красса и Антония), чем произвел колоссальное впечатление на империю. Поэтому более 100 лет они относительно мирно торговали между собой.

Как подчеркивают авторы «Истории дипломатии»: «из всех государств Востока, находившихся в соседстве с Римом, самым могущественным тогда было Парфянское царство, которое образовалось из Древнеперсидского царства Ахеменидов. С ним, главным образом, и поддерживались дипломатические отношения в течение всего императорского периода. Интересы Рима и Парфии сталкивались в разных пунктах. Ни та, ни другая сторона не имела абсолютного перевеса, и потому все спорные вопросы приходилось разрешать дипломатическим путем. Необходимость установления мирного сожительства подсказывалась прежде всего экономическими интересами. Через римско-парфянскую границу проходили караванные пути, связывавшие Восток и Запад. Обеспечение этих путей могло быть источником крупных доходов как для Рима, так и для Парфии. Кроме того, от этого зависело благосостояние Сирии и Месопотамии, двух важнейших пограничных областей. Границей между Римом и Парфией был признан Евфрат. В доказательство дружественных отношений парфянский царь вернул Августу знамена и пленников из некогда разгромленных римских армий Красса и Антония. Август со своей стороны отказывался от поддержки Тиридата, претендента на парфянский престол»². Как вытекает из данного отрывка после первых проб сил (Красс и Антоний) пот отношению к Великой Парфии имперский Рим, стал переходит к «шелковой дипломатии»,

¹ Малькольм Колледж А. Р. Парфяне. Последователи пророка Заратуштры. - М.: Центрполиграф, 2004. -С.39.

² История дипломатии. Т.I./ под редакцией Потемкина В.П.-М.: ОГИЗ, 1941. -С.76

поддержания мирных отношений со своим могущественным восточным соседом, через которого стабильно начал поступать китайский шелк. Теперь Рим был кровно заинтересован в стабильности Парфии, для чего отказался от поддержки претендента на парфянского престол, который вернувшись на родину, мог бы спровоцировать гражданскую войну. А эти беспорядки могли бы перекрыть беспрепятственное поступление шелка в Рим, элита которой постепенно переходила от льняного или шерстяного тканей к экологически чистой шелковым одежам.

Как сообщает специалист: «в 38 г.н.э. император Калигула принимал консулов, сидя в поместе, украшенном шелковыми занавесами. В результате восточной экспансии первой династии Флавиев значительно возрос приток шелка в Римскую империю, и во время праздничной процессии в 71 г. по случаю победы в Иудее дефилирующие легионы были в одеждах из шелка»¹.

Из этого сообщения вытекает, что за полтора столетия функционирования шелковой дипломатии, шелк стал не только излюбленной материей римских матрон, т.е. высокой моды того времени, а также проникся в имперскую администрацию и ее армию, став неотъемлемой частью ее формы.

Таким образом, внешняя политика первого императора Рима Октавиана Августа (30 г. до н. э.- 14 г. н.э.), которого в 29 г. до н. э. сенат провозгласил императором, была умеренной, и он отказался от войны на Востоке. Он установил мирные отношения с аршакидским шахом Фраатом IV, вернувшего римских пленников и боевые знамена с орлами. Шах отправил также своих сыновей в Рим, чтобы соперничающие дворцовые группировки не использовали их в борьбе за власть. Нахождение этих заложников в Риме использовали чуть ли не фактором капитуляции Парфии.

А во времена правления римского императора Клавдия (41-54 гг. н.э.) были завоеваны и включены в состав империи Фракия, Ольвия, Херсонес и Боспорское царство, находящееся в бассейне Черного моря, где шелковый

¹Лубо-Лесниченко Е. И. Китай на шелковом пути.- М.: «Наука», 1994. -С. 247.

путь переходил от сухопутного маршрута к морскому на своем северо-западном отрезке. К этому времени универсальная шелковая дипломатия уже широко внедрилась в своей западной части, о чем сообщает исследователь: «в эпоху Римской империи произведение китайских рук – шелк стал известен в Средиземноморье. Эта была дорогая ткань, которая «ценилась на вес золота». Из шелка шили праздничные одежды, его надевали во дворцах, богатых виллах, как роскошь приносили в дар богам, покрывали им алтари, ткали культовые одеяния, о нем мечтали для подвенечной одежды невесты и с жадностью уносили в качестве добычи варвары»¹. Как вытекает из этого отрывка шелк, входя в пределы обширной Римской империи, также стала основным предметом «шелковой дипломатии», так как они стали основной (праздничной) одеждой имперской элиты, а также выступали как «дарами» многочисленным богам. Поэтому это (восточное) направление, откуда поступал этот очень востребованный в имперском дворе товар – шелк, постепенно превратилось в основное направление внешнеполитической экспансии Римской империи.

А борьба за доминирование в Армении, превратившейся в узловой торговому центру в Среднем Востоке, привела к возобновлению борьбы с Парфией в начале правления императора Нерона (54-68 гг. н.э.). Вялотекущий характер этого противостояния стал одним из многочисленных причин приведших, наряду с внутренними проблемами, к заговору против не этого популярного императора. С Аршакидами был заключен договор, устраивающий обе стороны: римляне признали аршакидского принца Тиридата царем Армении, который, однако, должен был получить корону из рук императора Нерона. Император данную церемонию превратил в пышное торжество, чтобы поднять свой пошатнувшийся авторитет. С этим царем началась аршакидская эпоха в истории Армении, которая оставила в истории этой страны свой отпечаток.

¹Пигулевская Н. В. Византийская дипломатия и торговля шелком в V-VII вв. // Византийский Временник, Т. I (XXVI), -М.: Изд. АН СССР, 1947. -С.184-185.

Здесь мы наблюдаем также один из элементов «шелковой дипломатии»- борьба за узловыми пунктами и основными маршрутами доставки шелка, основного инструмента этой мировой дипломатии. Как пишут авторы «Истории дипломатии»: «армянский вопрос-одна из самых сложных проблем внешней политики Рима в течение всего периода Империи. Значение Армении заключалась в ее стратегическом положении. Преобладание в Армении римского влияния создавало постоянную угрозу Месопотамии, а через нее Вавилону и всем западным сатрапиям Парфии. Наоборот, усиление парфянского влияния открывало парфянам доступ к Черному морю и обеспечивало им преобладание на Кавказе-в Иберии и Албании. Кроме того, все торговые пути, соединявшие Парфянское царство с западными частями Малой Азии, переходили в руки парфян»¹.

В решении «армянского вопроса» между Римом и Парфией мы воочию наблюдаем перехода римской дипломатии к шелковой дипломатии, когда парфянскому претенденту на престол был преподнесён в «дар» императором Рима не только шелковые изделия, а целая страна; парфянская кавалерия, более полутора столетия назад почетно принявшая первой китайской дипломатической миссии, сама сопровождала парфянского претендента в его многомесячной дипломатической миссии по суше до Рима и обратно; многочисленные пиры, сопровождавшие эту дипломатическую миссию в Рим и обратно; государственные торжественные церемонии коронации с почетным построением войск, оказания знак повиновения римскому императору и возложения царской диадемы претенденту армянского престола; произведение раздачи и угощения народу, выпуск специальной монеты, украшение театра и других получение многочисленных подарков этим новым армянским царем из дома Аршакидов и его свиты перед обратной дороги домой (в Парфию) и многое другое².

¹История дипломатии. Т.1./ под редакцией Потемкина В.П.-М.: ОГИЗ, 1941. -С. 77.

²История дипломатии. Т.1./ под редакцией Потемкина В.П.-М.: ОГИЗ, 1941. -С. 79-80.

Присоединение Коммагены (область в Малой Азии) при императоре Веспасиане (69-79 гг.) привело к обострению отношений с Аршакидами, но императору удалось сохранить мир с ними. А дальнейшее продвижение римлян на восток к побережью Каспийского моря был приостановлено Аршакидами, которые отбросили их назад к областям Малой Азии и они были вынуждены перейти к обороне этих областей.

Это время, когда самая известная империя древности – Рим, начала конкурентную борьбу по всему востоку за контроль над торговыми маршрутами и узловыми пунктами шелкового пути, происходили не только упорные сражения, но и многочисленные попытки открытия Серики (древнеримское название Китая) как сухопутного, так и морского путей со стороны средиземноморских купцов.

На сегодняшний день имеется, как минимум, два известных античных источника о торговых путях, связывающих Средиземноморья с древним Китаем и Индией. Первое сочинение египетского купца вт. половины I в. н.э., известное среди исследователей как сочинение Псевдоарриана «Плавание вокруг Эритрейского моря», а второе «Географическое руководство» Птолемея, написанное в середине II в. н.э.

Тщательное изучение сочинение Псевдоарриана «Плавание вокруг Эритрейского моря» свидетельствует о том, насколько было развито морское плавание в первом веке нашей эры, когда египетские и иные купцы, выходящие на дальнее плавание в Красном море, через многочисленных портов по маршруту доходили до Индокитая (точнее, к низовьям р. Ганг)¹.

В описании товаров, доставляемых в порт в устьях реки Инд уже упоминается среди множества товаров шелк как «серские ткани»².

Следующее сочинение «Путь от сирийского Гиераполя в г. Серу (столицу Серики)», освоенный группой македонских купцов из купеческого дома Мая Тициана, записанный географом Маринусом Тирским и позднее

¹Псевдоарриан. Плавание вокруг Эритрейского моря // Вестник древней истории. 1940, № 2. -С. 264-269.

²Там же. -С. 275

почерпнутый известным римским географом Птолемеем (Клавдием) примерно в конце II в. н.э., также дошел до нас. Оно охватывает весь сухопутный (центральный и южный) маршрут шелкового пути¹.

Вероятнее всего, этим путем в Китай в 166 году, наконец, прибыл первое посольство из Рима, от римского императора Марка Аврелия².

Сочинение Псевдоарриана о морском пути в Китай начинается с описания портов древнего Египта (входящей в Римскую империю) на Красном море: «Из известных стоянок на Красном (Эритрейском) море и лежащих около него рынков первым является египетский порт - Миосгормос (совр. Коссер ?- М. А.). После него на пути плывущих дальше на расстоянии 1800 стадий (стадий соответствует пр. 0,2 км.- М. А.) направо находится Береника (в наст. время в развалинах- М. А.). Гавани обоих мест лежат на внешней стороне (юго-восточного) Египта по Эритрейскому морю»³.

Большой интерес вызывает описание довольно оживленного порта Адулис (в Эфиопии), являющегося отправной точкой сбыта слоновой кости, торговля которой была налажена еще во времена египетских фараонов, а в анализируемое время, распространенное по всему древнему миру⁴.

Огромный ассортимент товаров, привозимых в царство Зоскалеса (совр. Сомали) из всего мира также говорит о наличии оживленной торговли в восточной Африке⁵.

В описании товаров, доставляемых в порт в устьях реки Инд, уже упоминается, среди множества товаров, шелк как «серские ткани»: «Суда пристают и останавливаются у Барбарикона, но все товары перевозятся по реке в столицу к царю. В этот торговый пункт привозят в достаточном количестве простую одежду, немного поддельной ткани с пестрой расцветкой, хризолиты, кораллы, стиракс, ладан и стеклянные сосуды,

¹ Цит. по Пьянков И. В. Великий шелковый путь от Гиераполя в Серику (среднеазиатский участок) по Птолемее. // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Т.1. Очерки истории. –М. «Наука», 1988, с 212- 222.

²История дипломатии. Т.1./ под редакцией Потемкина В.П.-М.: ОГИЗ, 1941. -С. 80

³Псевдоарриан. Плавание вокруг Эритрейского моря // Вестник древней истории. 1940, № 2. -С. 264.

⁴Там же. -С. 265.

⁵Псевдоарриан. Плавание вокруг Эритрейского моря // Вестник древней истории. 1940, № 2. -С. 266.

серебряные и золотые вещи и немного вина. Обменным товаром служат кост (ароматный корень- М.А.), бделла, ликион, нардовое масло, каллеанийский (драгоценный) камень, сапфир и серские (другое чтение: сирийские) шкуры, хлопчатая бумага, серские ткани (шелковые ткани - М.А.) и индиго»¹.

Далее в данном сочинении идет интересное и важное описание морского маршрута (перипла) вдоль всего Индостанского полуострова с запада на восток (хотя сам автор не был в этих местах и, согласно исследованиям, описал их со слов других), с охватом острова Шри-Ланки и до устья реки Ганг (откуда был проложен сухопутный маршрут через Бирму в Южный Китай»².

Следующее сочинение: «Путь от сирийского Гиераполя в г. Серу (столицу Серики)», освоенный группой македонских купцов из купеческого дома Мая Тициана, записанный географом Маринусом Тирским и позднее почерпнутый известным римским географом Птолемеем (Клавдием) примерно в конце II в. н.э., также дошел до нас. Общеизвестно, что со времен восточного похода А. Македонского в античной среде появились различные и более подробные сведения об отдаленных народах и странах - Согдианы и Бактрии, но данное «Географическое руководство» Птолемея охватывает весь сухопутный (центральный и южный) маршрут шелкового пути.

Однако описание средней участки (территория современного Таджикистана) данного пути остается дискуссионным, привлекая внимание ученых к этой проблематике более ста лет. «Птолемей вслед за Марином делит весь путь на две части: от переправы через Евфрат у Гиераполя до Каменной Башни (совр. Ташкуртан, Китай - М.А.), и от Каменной Башни до Серы. И Птолемей и Марин используют данные о расстояниях на этом пути для определения длины ойкумены по Родосской параллели. По Марину, расстояние от переправы через Евфрат до Каменной Башни составляет 876 схенов (схен равен пр. 6 км.- М. А.) или 26 280 стадиев (стадий равен пр. 0,2

¹ Там же. -С. 275

² Там же. -С. 280-281.

км.- М. А.), а расстояние от Каменной Башни до Серы, которое можно преодолеть за семь месяцев, равной 36 200 стадиям (пр. 7 200 км.- М. А.) »¹. По мнению Е.И. Лубо-Лесниченко «описанный Птолемеем путь делился на три больших отрезка: от переправы через Евфрат до Бактры (Балх); затем до Каменной башни; далее до Серы (Чанъань)» ². Далее Птолемей подробно описывает дорогу от Гиерополя до Бактры: «Действительно, можно допустить, что дорога от переправы через Евфрат у Гиераполя через Месопотамию к Тигру и оттуда через [область] гарамеев Ассирии и Мидии в Экбатаны, к Каспийским воротам и через Парфию и Гекатомпил примерно совпадает с Родосской параллелью; ведь ее и согласно ему [Марину] следует проводить через названные области. Путь же в город Гиркания от Гекатомпила должен отклониться на север, поскольку город Гиркания лежит где-то между параллелями Смирны и Геллеспонта, так как параллель Смирны проходит под самой Гирканской областью, параллель же Геллеспонта – через южные части Гирканского моря, которые находятся немного севернее одноименного города. И опять, дорога отсюда в Маргианскую Антиохию через Арию сначала отклоняется к югу, поскольку Ария лежит на одной параллели с Каспийскими воротами, затем к северу, поскольку Антиохия расположена около параллели Геллеспонта. От нее дорога на Бактры тянется к востоку...»³.

Именно маршрут этого участка торговой дороги от Бактры до Каменной Башни со стоянкой торговцев, описанный Птолемеем⁴, продолжается дискутироваться среди исследователей.

Этот исследователь описывает всю историю данной научной дискуссии: «говоря о Герметione, Птолемей уточняет, что тот находится в Скифии, вне Имава, рядом со страной Каса. Специальная литература

¹Пьянков И. В. Великий шелковый путь от Гиераполя в Серику (среднеазиатский участок) по Птолемее. // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Т.1. Очерки истории. –М. «Наука», 1988, с 212-213.

²Лубо-Лесниченко Е.И. Великий шелковый путь // Вопросы истории. 1985. № 9. с. 90.

³Пьянков И. В. Великий шелковый путь от Гиераполя в Серику (среднеазиатский участок) по Птолемее. // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Т.1. Очерки истории. –М. «Наука», 1988, с 212-213.

⁴Цит. по Лубо-Лесниченко Е.И. Великий шелковый путь // Вопросы истории. 1985. № 9. с. 90

характеризует три основных бытовавших варианта шелкового пути: северный, средний (Каратегинский) и южный. На начальном этапе изучения проблемы (в первой половине XIX в.) Каменную башню помещали в Ташкенте или Оше. Сторонники первой точки зрения (Ж. Аже, М. Рено, В. Сен-Мартен и др.) опирались на этимологию слово Ташкент («Каменная крепость»), а также на данные в книге Бируни «Индия». Э. Уилфорд, К. Риттер, А. Гумбольдт и К. Лассен отождествляли Каменную башню со священной горой Тахти- Сулейман в окрестностях Оша. Согласно этой теории, дорога, описанная Птолемеем, вела из Бактры в Самарканд и через Ташкент (или Ош) в Кашгар.

Когда к 1860 –м годам эта точка зрения была отвергнута, на смену ей пришли теории о южном и среднем вариантах. Сторонники первого (Х. Юль в поздних работах, Х. Роулинсон, Ж. Пакье, В. Томашек, Й. Маркварт и А. Стейн в первых работах) помещали Каменную башню у Ташкурмана; у них птолемеев путь шел через Вахан и Ташкурман к Яркенду. В 1870 –е годы К. Рихтгофен развил точку зрения, высказанную Х. Юлем в ранних работах: указанный путь из Балха вел на север, через Амударью близ Термеза, по долине Сурхандарьи, вдоль Вахша через Каратегин и Алайскую долину в Кашгар. Каратегинский вариант был поддержан исследованиями Н. Северцова, М. Гренара и поздними работами А. Стейна. После новых и детальных изысканий А. Херрманна эта точка зрения стала господствующей. Поддержкой каратегинскому варианту послужили сведения Ибн-Руста в «Книге драгоценных ожерелий» (нач. X в.), где он упоминает область Кумед в верховьях Вахша, которую отождествляли с «горной страной комедов» Птолемея¹.

В пользу этого (каратегинского) маршрута высказался также известный российский специалист по античным источникам И.В. Пьянков².

¹Лубо-Лесниченко Е.И. Великий шелковый путь // Вопросы истории. 1985. № 9. -С. 91.

²Пьянков И. В. Великий шелковый путь от Гиераполя в Серику (среднеазиатский участок) по Птолемею. // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Т.1. Очерки истории. –М. «Наука», 1988, с 218.

Однако последняя точка в этой научной дискуссии еще не поставлена, так как японский исследователь К. Сиратори отверг каратегинский вариант и вернулся южному¹. Этот исследователь более тяготеет к южному (ваханскому) маршруту².

Российский исследователь Зелинский А.Н. в своей статье «Древние пути Памира» не только не присоединился к одному из этих двух дискутируемых гипотез о путях прохождения древнего торгового пути по Памиру (ваханский или каратегинский варианты), но развивая дискуссию, предложил свою (шугнанскую) версию³.

Далее российский исследователь подробно описывает шугнанский маршрут: «Через долину Сарыкола Ташкурган связан с верховьями р. Аксу множеством удобных перевалов. В свою очередь широкая долина этой реки через впадину Мургаба и соседние долины связана с долиной Аличур. Надо полагать, что район Кызыл рабата в верховьях Аксу с давних пор служил пунктом, где сходились и расходились пути из Вахана, Сарыкола и Восточного Памира. Путь из долины Аличура шел мимо оз. Яшилькуль к верховьям Гунта, т. е. к Шугнану⁴.

А маршрут Мая Тициана с запада на восток после Ташкургана проходит по южному маршруту шелкового пути (по склонам Куньлунского хребта) далее по Ганьсуйскому коридору во внутренний Китай⁵.

Таким образом, можно предположить, что уже в самом начале своего функционирования шелковой дипломатии и связанный с ней шелковый путь обратил к себе внимания купцов всего древнего мира, расположенных как в близком расстоянии от Китая, так и более отдаленные как Македония, Египет, Рим и т.д. Ярким свидетельством этой мысли выступают две выше рассмотренные сочинения античности.

¹Лубо-Лесниченко Е.И. Великий шелковый путь // Вопросы истории. 1985. № 9. -С. 92.

² Там же. -С.92.

³Зелинский А. Н. Древние пути Памира// Страны и народы Востока. Вып. III. - М.: «Наука», 1964. -С.109.

⁴ Там же. -С.109-110.

⁵Пьянков И. В. Великий шелковый путь от Гиераполя в Серику (среднеазиатский участок) по Птолемею. // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Т.1. Очерки истории. –М. «Наука», 1988, с 222.

Тем временем, новый виток жесткого противостояния Рима с Аршакидами, на этот раз за контроль шелкового пути, получил при императоре Траяне (96- 117 гг.). Он, завоевав Дакию (бассейн нижнего Дуная), усилив римскую власть в Боспорском царстве (на северном участке шелкового пути), обезопасил Египет и Сирию с юго-запад. Усилив тыла, он стал тщательно готовиться к нанесению удара по центральному маршруту шелкового пути, проходящий вдоль столицы Парфии- Ктесифона в Армению и Сирию.

Только к 113 году он завершил подготовительные мероприятия по вторжению на Парфию, контролировавший центральный маршрут поступления ценнейшего и остро востребованного для знати материала - шелка, поступающего из Ханьского Китая. За два года императору удастся, оттеснив парфян, к 115 году создать новые провинции- Армения и Месопотамия. а 116 г. провинции. Ассирия, когда римские легионы входят в город Ктесифон и другого крупнейшего города страны- Селевкию на Тигре. В конце военной кампании армия Траяна выходит к Персидскому заливу, в портах которого начинают строить корабли для установления прямых торговых сообщений в Кушаншахми по доставке шелка и других товаров. Тогда Римская империя достигла своего наибольшего территориального расширения, однако их политика вмешательства во внутренние дела самоуправляющихся городов и царств, имевших автономию при Аршакидах и прямой грабеж населения этих стран и областей стала причиной мощных восстаний с их стороны. Восстание в Северной Месопотамии охватило Иудею, северный Египет, Кирениаку, остров Кипр и других областей, когда восставшие против римской провинциальной администрации разгромили их гарнизоны и овладевали городами. Острая необходимость подавления очагов восстания привела к значительному выделению войск с восточной армии Траяна, что в свою очередь, повлияла на ее боеспособность в борьбе с новыми парфянскими армиями. Только смерть императора в Киликии,

направляющего в Рим за набор новой армии (117 г.), отодвинул римлян на запад.

Новый император Адриан (117-138 гг.) при продолжении волнений в разных концах империи предпочел установления мира все еще грозным противником, согласно которого граница между ними проходила по реке Евфрат, и римляне возвратили знатных парфян из плена (включая членов шахской семьи). Император предостерегает их от вторжения в Армению. Именно с правлением этого императора Рим постепенно переходит с наступательной стратегии на оборону по всему периметру огромной империи, символом которого является Адрианов вал в Британии.

Традиционный спор между двумя империями древности за Армению, включая контроль за торговый путь через нее, возобновился после смерти императора Антонина Пия (138-161 гг.). Аршакидский шах Вологез III, узнав о смерти императора и наследовании им двух императоров (принцепсов) вторгается в Армению, так как предполагает, что между ними начнется междоусобная война. Римский наместник Каппадокии (область в Малой Азии) выступает против них, чтобы вытеснить их. Однако в 162 г. он при городе Элегии на верхнем Евфрате попадает в окружение и погибает вместе со своей армией. Аршакиды, переходя Евфрат, вторгаются в Сирию. Чтобы оттеснить парфян обратно за левый берег Евфрата римляне концентрируют на восток своей империи многочисленные легионы их всех своих областей.

Во время правления императора Александра Севера (222-235 гг.) на восточной границе империи произошли серьезные изменения, так как Ардашир Папакан из династии Сасанидов, шах страны Персии, нанеся сокрушительное поражение аршакидскому шахиншаху, на месте Парфии создал мощное государство- державу Сасанидов. Завершив объединения всего Ирана и близлежащих земель, шахиншах нового государства отправил посольство в Рим с требованием возвращения всех земель, некогда входивших в состав Ахеменидской империи. Другими словами, новое иранское государство выступило с претензией во все восточно-средиземноморские

провинции Рима, что предопределило новый виток соперничества между ними.

В самой западной империи древности также наступают политический кризис, так как начинается эпоха "солдатских" императоров, когда римские легионы, разбросанные по всей империи, выдвигали своих полководцев в трон императора.

В тяжелое время империи, когда Рим оборонялся от вторжений различных кочевых племен, с востока в Месопотамию вторгся могущественный сасанидский шах Шапур II, который громя местные римские легионы, овладел многими городами восточных провинций империи. Шапуру II удалось близ г. Эдессы (столицы царства Осроены) окружить и разгромить римскую армию и взять в плен самого императора Валериана (260 г.). Данное обстоятельство (пленение самого императора), углубило политический кризис в империи, так как власть его сына Галлиена признавалась только в Италии, куда вторглись алеманы, а в других провинциях амбициозные военачальники провозгласили себя императорами.

Свидетельством того, что Римская империя как политическое целое в данное время не существовало, выступает кратковременное возвышение царя Пальмиры Одената. Пальмира, античный торговый город на севере Сирии и римская колония, разбогатевшая благодаря стратегическому местонахождению вдоль шелкового пути, была кровно заинтересована в сохранении мира и стабильности торговых путей в Сирии.

Этот город-государство еще известен тем, что там уже в II веке был разработан таможенный тариф, сохраненный по сей день. По мнению известного византиниста: «Древнейшим памятником торговых сношений с Востоком может быть назван Пальмирский таможенный тариф от 137 г. христианской эры. Этот акт издан сенатом города Пальмира в предупреждение споров, возникавших между купцами и таможенным ведомством по вопросу о пошлине с товаров, облагаемых иногда не по закону, а по старому обычаю. Тариф изложен на двух языках, греческом и

арамейском. В настоящее время он перевезен в Россию и находится в Эрмитаже. Пальмира находилась на главной дороге из Византии в Персию, именно в Дамаск. Здесь верблюжьи караваны разгружались, и с товаров, ввозимых в империю, взималась пошлина. Между статьями ввоза упоминается шелковый ткани, окрашенные в пурпуровую краску, рабы, благовонные масла в сосудах и в мехах, вино, хлеб и т.д.»¹. Этот перечень товаров дополняется сообщением другого (западного) исследователя: «Длинная надпись, известная как Пальмирский тариф и датированная 137 г. н. э., содержит перечисление городских налогов на ввозимые товары. Главной единицей измерения является поклажа верблюда. Груз одной повозки считается равным грузу, перевозимому четырьмя верблюдами, а поклажа осла составляет половину верблюжьей»².

Другими словами, история Пальмиры интересна с точки зрения изучения истории шелковой дипломатии, и связанной с ней шелкового пути. Это некогда буферное небольшое царство (между Римом и Парфией), а позднее торговая колония Римской империи, усилившееся благодаря своему удачному транзитному местонахождению и особенно, продажей шелка, могло не только разработать таможенные правила внешней торговли, но и самостоятельно отразить вторжение крупной державы. Активную социальную роли местных купцов отмечает исследователь: «Подробности работы купцов-караванщиков иллюстрирует надписи из Пальмиры. Типичным примером может служить одна, помещенная под почетным скульптурным изображением. Она звучит так “Эта статуя Таймарсу, сына Тайма, начальника каравана. Ее поставили караванщики, которые шли с ним из Харакса (портовый город в Персидском заливе- М. А.), потому что он дал им долг 300 золотых динариев в старом весе... в месяц нисан, 504 года” (апрель 193 г.н. э.). Таймарс, как и многие другие, способствовал развитию торговли, давая деньги взаймы и обеспечивая охрану караванов и купцов,

¹Успенский Ф. И. История Византийской империи. VI- IX вв. – М.: 1999. -С. 339.

²Малькольм Колледж А. Р. Парфяне. Последователи пророка Заратуштры. - М.: Центрполиграф, 2004. -С. 78.

даже лично возглавляя караваны. Чиновник из Дура (г. Дура-Европос на Евфрате –М. А.), занимавший должность арабарха, должен был также отвечать за наведение порядка в пустыне и защиту торговцев»¹.

Огромная Римская империя, имела тесные дипломатические связи не только с Великой Парфией, но многочисленными племенами, расселенные вдоль ее границ в Европе. Этим кочевых племен римляне называли «варварами», управление над которыми они реализовали своей политикой «разделяй и властвуй». Основным инструментом раздела этих варварских племен был не только римский закон, но и налаживания и поддержания с некоторыми из них дипломатические связи посредством «дарственной политики». Если древние китайцы постарались превратить окружающих их «варваров»- кочевников посредством «шелковой дипломатии» своими «внешними подданными», римляне стремились через данной дипломатии сделать их союзниками-федератами. Согласно сообщений авторов «Истории дипломатии»: «по своему юридическому положению федераты находились на правах «иностранных союзников» (*peregrinisocii*). Этим они отличались от других категорий варваров, живших в пределах Римской империи, но не связанных с Римом договорными отношениями. Федераты пользовались покровительством римского закона и многими привилегиями по сравнению с остальной массой варварских поселений»².

Бесконечная борьба с варварами, а также мятежными провинциями, заставила одного из известнейших императоров поздней Римской империи Диоклетиана (284-304 гг.), выбравшего своей резиденцией малоазийского города Никомедии (ближе к беспокойному Дунаю), назначить своего соправителя (Максимиана) на Западе, выбравшего в качестве своей резиденции город Медиолан (совр. Милан). Это обстоятельство стало впоследствии началом процесса к фактическому разделению империю на две части.

¹ Малькольм Колледж А. Р. Парфяне. Последователи пророка Заратуштры. - М.: Центрполиграф, 2004. -С.77-78

² История дипломатии. Т.1./ под редакцией Потемкина В.П.-М.: ОГИЗ, 1941. -С. 87.

Императору Диоклетиану пришлось не только усмирять варваров, но и упорядочить торговлю шелком с Ираном. Как сообщает Н.Е. Пигулевская: «на посреднической торговле шелком персы получали большие доходы. Для империи получение этого товара из их рук приводило к экономической зависимости. К необходимости подчиняться назначаемым на него ценам. А Иран пользовался этой возможностью, повышал цены на шелк-сырец, который подвергался обработке в византийских мастерских, тем самым вынуждая повышать цену и на изделия. Византия, со своей стороны, стремилась установить определенные цены и взимать соответственные города, в которых и находились таможни. В договоре, заключенном между императором Диоклетианом и шахиншахом Нарсесом в 297 г., местом торгового обмена назначалась Нисибия, «город, лежащий на Тигре». По сообщению Петра Патрикия, именно этот пункт вызвал более всего возражений со стороны шаха, и только настойчивость посла Сикория заставила его согласиться и на это. Его возражения можно отнести за счет нежелательного стеснения персидской торговли. В последней большая доля приходилась на шелк»¹.

Дороговизна шелка во времена правления этого императора подчеркивает российский исследователь: «Самая богатая страна по особенно дорогим товарам была, вместе с тем, и самая отдаленная. От Китая, с отдаленных времен знаменитого по секрету производства шелка, до Средиземного моря торговые караваны употребляли до 8 месяцев в пути. Это так поднимало цену восточного товара в Европе, что он становился доступным лишь владетельным лицам и из частных только большим богачам. Во время Диоклетиана за 1 фунт (400 гр.- М. А.) неокрашенного шелка платилось 10 000 динариев, или около 3 тыс. рублей (по курсу рубля 1927 г. –М. А.)» [Успенский, 1999, с. 339]. В это время фунт шелка *blattaserica* стоил 150 000 динариев, когда фунт золота стоил 50 000 динариев,

¹Пигулевская Н. В. Византийская дипломатия и торговля шелком в V-VII вв. // Византийский Временник, Т. I (XXVI), -М.: Изд. АН СССР, 1947. -С.187.

другими словами, в рассматриваемое время шелк стоил три раза дороже золота¹.

Преемник Диоклетиана по проведению реформ в империи император Константин (306-337 гг.), выбрал себе в качестве резиденции европейский берег Босфора, находящийся недалеко от его малоазийской резиденции – древнегреческий город Византий. Он стоял на стратегическом пересечении сухопутных и морских торговых путей, а также располагался хорошо защищенном от вторжений полуострове. Он перенес туда центр империи и дал ему новое название- "Новый Рим"- Константинополь и в 330 г. состоялось здесь освящение и провозглашение его новой столицей.

Перед своей смертью он принял христианство и разделил свою империю между тремя сыновьями и двумя племянниками. В итоге междоусобных войн империя фактически разделилась на две части.

Тем не менее, как пишет исследователь: «с IV в. империя уже непосредственно граничила с Ираном, как в Междуречье, так и на Кавказе. Несомненно, что интересы экономического характера–торговля с Дальним Востоком- были в центре несколько фантастических замыслов последнего язычника на византийском престоле- Юлиана. Неудачный поход 363 г., закончившийся смертью Юлиана, был задуман наподобие экспедиции великого Александра»².

Незадолго до окончательного распада Римской империи на северо-восточной ее части появились гунны, которые более двести лет после ухода от северных границ на Запад (между Аралом и Алтаем) выпавшие с поля зрения китайских историографов и не обнаруженные античными авторами, вновь вышли на мировой арене.

Однако гунны, как было рассмотрено ранее, проиграли борьбу за распространения шелковой дипломатии на запад Китая в Ганьсу и бассейн Тарима и под натиском китайских армий были вытеснены "на север

¹Лубо-Лесниченко Е. И. Китай на шелковом пути.- М.: «Наука», 1994. -С.161.

²Пигулевская Н. В. Византийская дипломатия и торговля шелком в V-VII вв. // Византийский Временник, Т. I (XXVI), -М.: Изд. АН СССР, 1947. -С.185.

пустыни" (Гоби) в Джунгарию. С нового места под натиском бывших своих вассалов- племена сяньби в конце первого века они откочевали в Хафтруд (Семиречье) и далее на запад (до Волги).

Возможно, вследствие очередного природного катаклизма (засухи, эпизоотии или джута), они во второй половине IV века появляются в правом (европейском) берегу Волги и обрушиваются на аланов. Разгром алан дает эффект очередного «снежного кома" и великое переселение народов, начавшийся из Маркоманской войны и усиленной готскими вторжениями переходит в свою кульминационную фазу. Данное сложившееся обстоятельство красноречиво описывает античный римский автор¹.

А гунны, разоряя Боспорское царство, находящееся под готским контролем, не останавливаются на западном оконечности шелкового пути, чтобы возобновить борьбу за маршрутами шелкового пути (как прежде в его восточной оконечности), а последуют за своими новыми противниками. В конечном итоге, преследуя противников, они также выступают в пределы Римской империи.

В это время обширная Римская империя под натиском варварских племен неуклонно шла к распаду, особенно ее западная половина, которую заполонили варварские племена.

К переносу политического центра Римской империи далеко на Восток, на границу между Азией и Европой, среди других факторов, играл, пожалуй, еще тот фактор, что здесь активизировалась шелковая дипломатия и происходила концентрация всех маршрутов (как сухопутных, так и морских) Великого шелкового пути. Византия находилась в центре мировой морской торговли, твердо установив свой контроль как на северный маршрут (бассейн Черного моря), так и на южный и юго-западный маршрут (бассейн Средиземноморья), доходя по Эретрийскому морю (северо-западная часть Индийского океана) до Индии и Шри-Ланки (Тапробана). Византийские купцы, традиционно предпочитающие морской коммерции, доходили до всех

¹Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getica). – СПб. «Алетея». 2001. -С.86.

портов древнего мира, где заканчивались сухопутные караванные дороги торговцев.

Морская торговля на западе Средиземноморья была под угрозой из-за действия вандальских пиратов, прорезавших среди прочего морских перевозок хлебных продуктов в Рим, еще более усугубляя общественно-политический и экономический кризис центра империи. Поэтому Западная Римская империя постепенно теряла свои позиции во всемирно-историческом развитии мира, а Византия, наоборот, усиливала свои позиции. «Наконец, - пишет современный исследователь, - сокращается торгового обмена усиливало разобщение между различными районами Средиземноморья, особенно между восточными и западными частями, углубляло бытовые и культурные различия. Поэтому объявление о формальном разделении единой Римской империи на две прошло незаметно, не встретив каких-либо возражений представителей администрации, воинов и населения. Более того, сразу же после разделения правители обоих новых держав, управляющие ими от имени несовершеннолетних императоров, стали враждовать друг с другом, что не могло не сказаться для них самих губительным образом»¹.

В это время, наоборот, наблюдается расширение торговых связей Византии с его восточным соседом- Ираном, так как согласно сообщению исследователя Пигулевской Н. Я.- «к 408-409 гг. относится закон Гонория и Феодосия, устанавливающей три пункта таможенного досмотра. Прежде всего, это Нисибия. Уже упомянутая в договоре 297 г., затем Калинник (Ракка), на левом берегу Евфрата и Артакса- Арташат- на берегу Аракса, в среднем его течении. Торговля помимо этих пунктов запрещалась»².

Все без исключения новые государства различных племен, вторгавшиеся в пределы Римской империи, признавали главенствующую роль византийской империи. Согласно мнению исследователя: «возникшее в

¹История древнего Рима/ Под ред. Бокщанина А. Г. -М. «Высшая школа», 1971. -С. 445.

²Пигулевская Н. В. Византийская дипломатия и торговля шелком в V-VII вв. // Византийский Временник, Т. I (XXVI), -М.: Изд. АН СССР, 1947. -С.187.

V – VI вв. на развалинах Западной Римской империи варварские королевства оказались с самого начала вовлечены в сложную и разветвленную систему международных контактов. Среди множества направлений внешних сношений каждого из этих королевств было одно привилегированное – сношения с Византией. Связь с императором в Константинополе была для местного правителя не только проблемой внешней политики, проблемой выживания в борьбе с соседями или осуществления территориальной экспансии. В еще большей мере это было проблемой престижа нового государства, определения им своего места в иерархии европейских народов. Соизмеряя себя с могущественной Византией, законной наследницей древнего Рима, король франков, вестготов или лангобардов оценивали свой собственный политический статус и удельный вес в международных делах»¹.

Анализ дипломатической переписки наиболее могущественного из этих западноевропейских государств – Франкское государство Меровингов с Византией свидетельствует о наличии между ними «внутрисемейных» отношений, когда за византийскими императорами сохраняется почетный титул “отец”, и как сообщает специалист, – «нет сомнений, что Меровинги даже в периоды своего наивысшего могущества неизменно смотрели на императоров в Константинополе “снизу вверх” и как показывает, дипломатическая переписка второй половины VI в. всецело и всерьез принимали их тон снисходительного покровительства, “отеческой” заботы, отвечая на него тоном “сыновнего” подобострастия (сравните письма Теудеберта (король Меровингов – М. А.) Юстиниану (император Византии – М.А.) или Хильдеберта II Маврикию). Во многих письмах VI в. византийский император прямо назван “отцом”, который “проявляет заботу” и предлагает варварским королям сообщать ему обо всех их успехах и “нуждах”... Отсюда – исследование франкских монархов VI в. традиционной римской –

¹Ронин В. К. Византия в системе внешнеполитических представлений раннекарولينгских писателей // Византийский Временник, Т. 47. -М.: «Наука», 1986. -С. 85.

византийской концепции “дружбы” (*amicitia*) как отношений гегемонии и клиентелы»¹.

С этого времени Западная Европа исключается надолго из истории шелковой дипломатии и она посредством североитальянских морских республик (Венеция, Генуя и др.) поддерживают регулярные связи с основным ареалом функционирования шелкового пути.

Византийский двор среди многих средств и путей удержания варварской окраины в покорности, использовал также наряду с демонстрацией недоступности столицы- Константинополя, также своего великолепия, где шелковым тканям, окрашенным пурпурной краской отводилась важное место. Поэтому двор каждым годом требовал все больше и больше шелка, как в виде ткани, так и сырца. «Настойчивость, с которой Византия стремилась приобретать шелк,- пишет современный автор,- изыскивая пути к его получению на море и на суше, была бы непонятна, если бы согласное свидетельство письменных и археологических источников не указывало на широкий расцвет ткацких мастерских, работавших по изготовлению шелковых тканей. Если охотно приобретались готовые шелковые ткани и одежды, *vestisserica velsubserica*, то еще больше требовалось шелка-сырца, *metaха*, обработка, окраска и украшение которого производились в соответствии со вкусом и требованиями византийского потребителя»².

Так как Закавказье заняло важное место, как во внешней политике Византии, так и Ирана, то они объединили усилия для отражения набегов гуннских и других племен через узких Каспийских ворот (Дербентского прохода) и труднопроходимых Аланских ворот (Дарьяльского прохода, от иранского «Дари алан»- «Ворота алан»).

Согласно Иерусалимской А.А.: «начиная с IV-V вв., северный степной путь был мало доступен на западном его участке из-за бурных событий в

¹ Там же. -С. 86.

² Пигулевская Н. В. Византийская дипломатия и торговля шелком в V-VII вв. // Византийский Временник, Т. I (XXVI), -М.: Изд. АН СССР, 1947. -С.189-190.

Причерноморье- бесконечной череды перемещений целых этнических массивов («эпоха переселения народов»). По-видимому, вследствие этого основная нагрузка начинает падать на кавказские трассы Шелкового пути. Они, вероятно, использовались в какой-то мере и в ранний период (об этом говорят, например, средиземноморские стеклянные сосуды, найденные на Северном Кавказе- среди них прекрасная чаша из кургана близ г. Моздок, с узором из золотого листка, вмонтированного между двойными стенками). С VI же века северо- кавказский рукав Шелкового пути становится регулярно функционирующей торговой магистралью»¹.

Однако за обладания торговых маршрутов в Армении, Лазике и Южной Аравии (берега Эретрийского моря) византийцы и иранцы вели бесконечные войны.

Согласно мнению исследователя, «к концу V в. и до начала VII в.н.э. на Ближнем и Среднем Востоке торговля шелком приобретает особенно большое значение. Она становится одним из руководящих мотивов во внешней политике Византии. В доставке и продаже шелка оказались заинтересованными не только главная соперница Византии- Персия, но и Эфиопия, арабские княжества всей Передней Азии, согды и тюркский каганат. И в этом случае Константинополь наследовал связи, традиции и задачи Рима, который настойчиво стремился освободить и захватить ближайшие торговые пути. Одна из другой уступили его натиску Петра, центр Nabateyского государства (106 г.н.э.), Осроена с большим торговым городом Эдессой (216 г.), и, наконец, была покорена розово-мраморная красавица Пальмира со всей своей обширной областью (270 г.)»².

Один из амбициозных византийских императоров Юстиниан (527-565) заключив «вечный мир» с Ираном, согласно которому Лазика, Армения, Аравия и Крым остались в сфере империи, обратил свое внимание на Запад. Он хотел восстановить былое единство Римской империи, естественно, под

¹Иерусалимская А. А. Кавказ на шелковом пути. Каталог выставки. - Л. Эрмитаж, 1992. -С. 5.

²Пигулевская Н. В. Византийская дипломатия и торговля шелком в V-VII вв. // Византийский Временник, Т. I (XXVI), -М.: Изд. АН СССР, 1947. -С.185.

контролем Константинополя. За более 20-летней крупномасштабной войной кампании ему удалось завоевать государство вандалов со столицей в Карфагене (534 г.), среди прочего положив конец пиратству вандалов в бассейне Средиземноморья, королевство Остготов в Италии (555 г.), а также восточные земли Испании (554 г.). Однако попытки утверждения единой налоговой системы империи (другими словами, реставрация прежней системы) встретила яростное сопротивление варваризованной Западной Европы, где уже господствовало не римское право, а племенное и родовое право. Поэтому к концу столетия (VI в.) империя лишилась почти все земли на Западе.

Император Юстиниан известен не только своими упорными войнами для «собираания земель бывшей единой империи», но и своими стремлениями по стабилизации торговых путей, по которым ввозился в империю шелк, а также по внедрению шелкоткачества. Согласно источнику: «когда в 562 г. был вновь заключен мирный договор между обоими державами сроком на 50 лет, то ряд пунктов этого договора устанавливал таможенные правила, нарушение которых строго каралось. Византийские и персидские купцы получали право провоза товаров через границу в тех пунктах, где находились таможи (п. 3), а именно через Нисибию и Дару (п. 5), где проходил обычный торговый путь, по которому и следовало водить караваны. Всякий обход таможен, проезд с товарами, будь то византийские или персидские, без разрешения правительства подлежал наказанию. Это запрещение простиралось и на арабов и на «торговцев других варварских народов обоих держав», то есть на находившихся под протекторатом, подчиненных Византии и Ирану «варваров», купцы которых вели торговлю. Очевидно, арабы и другие варвары не раз пытались провозить товары по обходным путям»¹.

¹Пигулевская Н. В. Византийская дипломатия и торговля шелком в V-VII вв. // Византийский Временник, Т. I (XXVI), -М.: Изд. АН СССР, 1947. -С.186.

Специфика заключения данного договора показывает, что огромные масштабы переселения народов, регулярно вторгающиеся в пределы различных империй и оседлых государств, никак не повлиял отрицательно на достигнутый (высокий) уровень дипломатического протокола того времени. «Он был заключен- пишет далее исследователь, - сроком на 50 лет, причем было оговорено, что «по древнему обычаю» год должен содержать 365 дней. После ратификации договора цари обоих государств обменивались грамотами договора. Грамоты были написаны еще в две книги, причем тщательно выверяли точность перевода и по форме и по смыслу. Подлинные грамоты были свернуты, и к ним были приложены печати на воске. Текст договора был составлен на двух языках- по-гречески и по- персидски – при участии двенадцать переводчиков, шести персов и шести ромеев. Экземпляр договора на персидском языке был отдан византийскому послу Петру, а на греческом языке был выдан Петром персидскому послу. Персидский посол, кроме того, взял экземпляр на персидском языке, не скрепленный печатями, византийский посол взял греческий экземпляр без печатей»¹.

Время правления Юстиниана стала расцветом ранней Византии, охватывая среди прочих, не только успешные дальние военные походы и пышный церемониал дипломатических приемов, но и международной торговли. Согласно Успенскому Ф.И.: -«Время Юстиниана составляет высший период процветания византийской торговли. Ввиду важности прямых сношений со странами, где было шелковое производство. Юстиниан оказывал всяческое внимание торговым людям и поощрял новые в этом смысле предприятия. Пока Византия не имела еще соперников в торговле с отдаленным Востоком, откуда шли драгоценные товары в Европу, она прилагала большие старание, чтобы извлечь все выгоды из этого исключительного положения»².

¹ Пигулевская Н. В. Византийская дипломатия и торговля шелком в V-VII вв. // Византийский Временник, Т. I (XXVI), -М.: Изд. АН СССР, 1947. -С. 189.

² Успенский Ф. И. История Византийской империи. VI- IX вв. – М.: 1999. -С. 339.

Концентрация в своих руках редких товаров и изделий, где шелк занимал особое место, и использование их как политическое орудие с окружающим миром занимал одно из центральных мест во внешних сношениях Византийской империи. «При Юстиниане и при его преемнике Юстине II.- пишет Успенский Ф.И.,- империя поддерживала сношения с турецким ханством (Тюркским каганатом- М. А.), образовавшимся между Китаем и Персией, между прочим, с целью освободиться от тяжелого торгового посредничества Персии. Редкие китайские и индийские произведения и дорогие шелковые изделия рассматривались как орудие политического влияния и как средство импонировать на варварских вождей и европейских князей, приходивших в Константинополь. Подарки шелковыми изделиями, тканями, драгоценными камнями и благовониями были исключительной привилегией византийского двора и весьма высоко ценились теми счастливыми, кому они были предлагаемы»¹.

Как стало известно из данного отрывка, практика шелковой дипломатии стала широко использоваться в византийском дворе.

Однако продолжительные и упорные войны Юстиниана с Сасанидским Ираном, где контроль над маршрутами и узловыми пунктами шелкового пути занимал одно из ключевых мест, не мог не привести к постоянным повышениям цена за шелк и шелковые изделия со стороны его противника- Ирана. Поэтому император был крайне заинтересован, как и многочисленные небольшие государства Таримского бассейна, страдающие из-за междоусобицы в внутреннем Китае, осложняющий вывоз шелка- товара, во внедрении шелководства у себя. Византийский автор Прокопий Кесарийский в своем сочинении «Война с готами» подробно рассказывает историю внедрения и распространения шелководства на землях империи: «Около этого времени (550-552 гг.- М.А.) пришли из Индии какие-то монахи. Узнав, что император Юстиниан очень озабочен тем, чтобы римлянам не приходилось покупать шелка при посредничестве персов, они, явившись к

¹Там же. -С.340.

императору, обещали ему, что так устроят дело с шелком, что никогда уже не нужно будет римлянам делать этих покупок ни у персов, своих врагов, ни у какого - либо другого народа; они говорили, что провели много времени в стране, которая называется Сериндой, находящейся севернее многих племен индийцев; там они точно изучили, как возможно производить шелк в земле римлян. Когда император все дальше расспрашивал их, допытываясь, правилен ли их рассказ, монахи стали рассказывать, что творцами шелка-сырца являются червяки, что природа является их учительницей, заставляющей их непрерывно работать. Доставить червяков оттуда живыми невозможно, но их зародыши (яички)- вполне возможно и легко. Зародышами этих червей являются яички, которые каждый червяк кладет бесчисленное множество. Эти-то яички много времени спустя, после того как они положены, люди, закопав их в навозе и здесь достаточной степени долго их согревая, делают живыми. Когда они это рассказали, император, обещав одарить их великими благами, убедил их подтвердить свой рассказ делом. Тогда они вновь отправились в Серинду и принесли в Византию яички шелковичного червя и сделали так, как рассказано, т.е. чтобы обратить яички в червей, они выкармливали их листьями тутового дерева; этим они достигли того, что в дальнейшем в земле римлян стал добываться шелк-сырец»¹.

Внедрение и расширение шелководства в свою очередь стимулировали цехов по производству шелковых материй, в которых были заняты большое количество людей. Это было сверхприбыльным занятием, поэтому им также занялись императорский двор. «Дорогие шелковые ткани, будучи казенной монополией, составляли исключительно выгодную статью внешней торговли, доставлявшую империи громадные денежные средства. Византия снабжала этим товаром дворы европейских государств и богатых купцов торговых городов Европы»².

¹Прокопий Кесарийский. Война с готами. О постройках. –М.: Арктос-Вика пресс, 1996. -С. 70-71.

²Успенский Ф. И. История Византийской империи. VI- IX вв. – М.: 1999. -С. 339-340.

Так как оба маршруты шелкового пути: сухопутный путь от Китая, через Таримский бассейн, Вароруд, Иран и Сирия, а морской путь от Индии через Эфиопию и Красного моря заканчивались в Сирии, Палестине или Египте, поэтому здесь были учреждены множество императорских мастерских (гинекеи). Там производились шелковые изделия. «Еще в кодексе Феодосия -пишет Пигулевская, - фигурирует *metaxa*, *vestisserica*, *velsubserica*, *nemasericum*. *Metaxa* представляет собою шелк- сырец. *Nema sericum*- это крученая нить (*filirte Seide*). Сучили нити по преимуществу в Бейруте, Тире, Сидоне, где, благодаря положению приморской Сирии, широко развилось это ремесло. *Vestisserica*, т.е. шелковая одежда, ценилась особенно дорого. *Subserica* представляла собою особую ткань, основой которой была шелковая нить, а заткана она была золотой нитью.- это и было неким видом парчи. Производству шелковых тканей способствовал и тот факт, что именно Сирия была главным местом получения пурпуровой краски»¹.

Византийский историк Прокопий Кесарийский в другом своем сочинении «Тайная история» особенно подробно описывает кризис в производстве и торговле шелком, начатом во время правления данного императора: «По исконному обычаю шелковые одежды приготавливались на фабриках (мастерских –М.А.) в Бейруте и Тире, финикийских городах. В этих же местах жили как торговцы шелковыми изделиями, так и художники и ремесленники, и отсюда шелковые одежды имели распространение по всему миру. В царствование же Юстиниана занимающиеся этой статьей промышленности в Византии и в других городах повысили цену на свое производство, ссылаясь на то, что в то время и в Персии возросла цена на шелк, и что в Ромэйской империи увеличены таможенные пошлины. Царь же, будучи недоволен, издал закон, которым установил, чтобы за фунт шелка не платилось больше 8 золотых номисм (денежная единица Византии- М. А.), присоединив угрозу наказывать преступивших этот закон лишением

¹Пигулевская Н. В. Византийская дипломатия и торговля шелком в V-VII вв. // Византийский Временник, Т. I (XXVI), -М.: Изд. АН СССР, 1947. -С.191.

имущества. Это поставило торговых людей в крайнее смущение и недоразумение. Ибо не могли они, уплатив за товар дорогую сумму, продавать его по пониженной цене, поэтому должны были отказаться от продолжении торговых сделок, предпочтя тайную распродажу остававшихся у них товаров по преимуществу в среде знакомых. Царица, получив сведение о ходивших об этом тайных слухов, не проверив основательность их, наложила запрещение на эти товары и оштрафовала торговцев на кентинарий золота (большая сумма, равна 7200 византийским номисмам- М.А.)... Торговые люди, прежде занимавшиеся этой статьёй производства в столице и в других городах, испытали, как и следовало ожидать, бедствия этой системы на море и на суше. Городской дим (городская община- М.А.) Бейрута и Тире неожиданно дошел до нищенского состояния, мелкие торговцы и ремесленники принуждены были бороться с голодом, многие же бегством спасались в персидские области»¹.

Дальновидная Византия, приобретшая огромный опыт усмирения и управления многочисленными народами, которые волнами переходили границу (в основном, через Дунай), смогла, взяв на вооружение китайской практики шелковой дипломатии (посольства Земарха), направить удары тюркской волны в сторону Сасанидского Ирана, своего упорного противника.

Вскоре на юго-востоке империи началась новая волна Великого переселения народов (арабов), которая кардинально изменила этнический ландшафт большинство регионов мира. А новая религия- ислам, которого они распространили молниеносно в своем пути и их отношения представителям других религий, открыли новую страницу в истории шелковой дипломатии.

Несмотря на все выдержки многочисленных волн великого переселению народов, вскоре (перед арабским нашествием) раскрылось слабость Византийской империи, которая в очень короткий исторический

¹Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. -М.: «Наука», 1998. -С.327.

срок потеряла почти все свои восточные провинции, образованных в культурно-исторических землях древнего мира. Согласно мнению известного византиниста: «Византийская империя, и без того заявлявшая определенно выраженное стремление ограничивать местные провинциальные тяготения и все направлять в пользу Константинополя и пришедшая уже к возвышению кафедры константинопольского патриарха над другими восточными патриархатами, с потерей обширных провинций на Востоке быстро приближается к полному осуществлению заложенного в ней принципа византизма, который направляется к преобладанию эллинской народности над всеми другими»¹.

Стремительное распространение шелковой дипломатии из Центральной Азии, из места ее первичной апробации на запад, за одно столетие охватывало также самой западной империи древнего мира. К этому моменту Рим в своем развитии переходила и республиканской (сенатской) формы к имперской формы правления и огромный императорский двор выступил основным потребителем шелка и шелковых изделий. Эта потребность выступила основой для внедрения шелковой дипломатии в Римской империи, главная цель которой стала постоянная борьба с Ираном для расширения своего контроля над торговым маршрутам и узловым городам доставки шелка и шелковых товаров, поиск альтернативных путей их доставки, а также посредством этой дипломатии удерживать варваров в пограничных областях в подчинении и умиротворении.

После появления и стремительного распространения ислама, Византийская империя стремительно теряла абсолютно большинство своих восточных провинций, но мобилизовала свои силы для защиты своей столицы, бассейна Черного моря и Балкан.

Множества исторических факторов вскоре выступили серьезными препятствиями в сохранении монополии универсальной власти византийской империи в западном мире:

¹Успенский Ф. И. История Византийской империи. VI- IX вв. – М.: 1999. -С. 512.

-первое, вечная вражда между Римским папой и Константинопольским патриархом (поддержанном византийским императором), выступающим идеологическим припятствием сохранения единства Европы под византийским управлением;

-второе, возвышение арабов, которые под лозунгом распространения новой веры – ислама, отторгли от империи все малоазиатские и североафриканские провинции и усиливали давление на политический центр империи – город Константинополь;

-третье, продолжение мощного передвижения народов и племен на северной границе империи, требуя от нее больших затрат на обеспечения безопасности всей империи;

-четвертое, усиление франкской державы Каролингов, выступающей с претензий на императорский титул на западной части бывшей римской империи.

-пятое, торговый флот североитальянских республик постепенно шаг за шагом стали проникать во все порты Средиземноморья и Черного моря, тесняя византийский флот.

Несмотря на ощутимые потери на западе, Византия была еще мощной державой в восточной части Европы, которая вместе Средиземноморья постепенно сделала Мраморное и Черного морей своим “внутренним водоемом”. Столица империи- Константинополь из-за своего стратегического местонахождения и изобретения “греческого огня” несколько раз избегал морской и сухопутной осады со стороны арабов и других народов, нередко появляющихся у стен этого неприступного города. Как сообщает исследователь: «не только в деле под Константинополем с арабами в 672 и следующих годах, но и во все середине века до изобретения пороха знаменитый греческий огонь играл важную роль в войнах Византии и не раз спасал империю в крайней опасности»¹.

¹Успенский Ф. И. История Византийской империи. VI- IX вв. – М.: 1999. -С. 533.

Перенос столицы Римской империи, также практикующей дарственной дипломатии на восток в город Константинополь, привел к тесным дипломатическим сношениям одним из могущественной империи Востока-Великой Парфией, которая уже переходила от дарственной дипломатии к шелковой дипломатии. Одной из элементов шелковой дипломатии состоял в том, что установить и постепенно расширить контроль над узловыми торговыми путями и ключевыми городами, поэтому города у берегов реки Евфрат Сирии стали пограничными городами, где традиционно шла борьба между империями для установления контроля над городом, соответственно над поступлением шелка и шелковых материалов. Сирия, расположенная между двумя империями (Римом и Парфией) и имеющая давнее текстильное ремесленничество, постепенно превратилась в центр Римского и затем Византийского шелкового производства. С времени известного византийского императора Юстиниана империя не только приобретала большого количества шелка и шелковых материалов, которых широко использовала для умиротворения многочисленных кочевых племен со севера, но и наладила местного шелкового производства.

Таким образом шелковая дипломатия не только укоренилась на западе, но и стала основным элементом имперской дипломатии Византии.

Глава III. Особенности реализации шелковой дипломатии в раннем средневековье (VII-XI вв).

Главной особенностью данного периода распространения шелковой дипломатии является «мировой парад религий», когда повсеместное распространение мировых религий - буддизма, ислама, христианства и других среди народов и племен, расположенных на южной стороне трансконтинентального торгового пути по всему периметру его функционирования привело к небывалому росту мировой дипломатии и торговли. Выход на авансцену новой религии- ислама и его стремительное распространение арабами по всему маршруту этого международного торгового пути; усиление буддийского (индийского) научно- культурного влияния на Таримский бассейн и Китай; небывалой размах морской навигации от Южного Китая до Персидского залива, продолжение религиозно-культурного воздействия Византии на сопредельные земли и другие процессы и тенденции стали основной характеристикой этого периода.

3.1. Арабский халифат и его отношение к шелковой дипломатии (VII-IX вв).

К концу VI века две ведущие державы мира Сасаниды и Византийская империя, практикующие протяженное время шелковой дипломатии, находились в жесткой конкуренции между собой в реализации одного из компонентов этой мировой дипломатии- расширения своего контроля над узловыми пунктами и трансконтинентальными маршрутами доставки шелка. Сасаниды установили за контроль над морским маршрутом доставки шелка из Китая и Индии к Красному морю установили свой контроль над Йеменом, создав там своего наместничества (марзбанства). А в начале VII века Сасаниды ликвидировали вассальное арабское княжество Лахмидов (с его правителем ан - Нуманом), в столице которого создали также наместничества. Таким образом, к началу VII века усиления власти Ирана на южной, юго-восточной и восточной частью Аравии, а также жесткая

торговая политика Византии по отношению к своим восточным провинциям, находящихся на северо-западной части Аравийского полуострова, привели, в конечном счете, к возвышению ее юго-западной части. Священный город западных арабов - Мекка, имеющий выход к северо-восточным берегам Красного моря, в равной степени удаленного от Византии и Ирана, стал играть самостоятельную роль на пересечении мировых сухопутных и морских путей¹.

Именно захват Ираном Йемена и перенаправление основных торговых сообщений по другим направлениям, в основном, в Персидский залив и междуречье Тигра и Евфрата, привел к постепенному упадку сухопутного караванного пути через Центральной Аравии (Хиджаз), по которому перевозился в том числе шелк и шелковые материалы. Данное обстоятельство привело к брожениям в умах курайшитских племен арабов, контролировавших этот караванный путь. В итоге здесь возникла новая религия- ислам, молниеносное распространение которого не только привело к сокрушению державы Сасанидов и потери больших территорий Византийской империй, но и стал началом нового этапа в истории шелковой дипломатии и тесно связанного с ней шелкового пути.

«Положение Мекки- пишет Большаков О.Г.,- как комплекс святынь большого круга племен, защищенного статусом неприкосновенной территории, стечение массы во время паломничества- все это создавало особо благоприятные условия для занятия мекканцев торговлей. Началом расцвета приходится на середину VI в., когда господствующим родам племени курайш, населявшего Мекку, удавалось подкрепить свой религиозный авторитет системой договоров с бедуинскими племенами, которые получали долю доходов от участия в торговле курайшитов и за это обеспечивали безопасность их караванов»².

¹Большаков О. Г. Ранний ислам // История Востока. Т.II. -М.: «Восточная литература», 1995. -С. 103 – 104.

²Там же. -С. 103 -104.

Огромная имущественная дифференциация между верхушкой торгового города и его простыми жителями привела к дисгармонии среди местного населения, а существующие языческие верования не могли найти ответы для поиска социальной справедливости. Ни христианство с запада (Византии), ни зороастризм с востока (Иран) не прельщали простодушных арабов и бедуинов. В таком уникальном положении дел создалось благоприятное условие для рождения местного пророка- проповедника новой религии.

В 42 году жизни (пр. 610 г.) курайшиту из аристократического рода хашим Мухаммаду (с) стали являться видения, которых он расценил как откровения¹.

Постепенно, но с трудом проповедь нового Пророка начали собирать его соплеменников, которых стали называть мусульманами («отданные служению богу»). Однако не восприятие и ожесточение его проповедям со стороны мекканской верхушки было огромное, что пророк ислама был вынужден перебраться в город Йасриб, превративший в Медину («город пророка»). Только через десять лет вернулся в свой город для утверждения своей религии не только в нем, но и постепенно по всему древнему миру².

12 января 630 года мусульмане вошли в Мекку, с которого началось молниеносное распространение ислама по всей Аравии. Согласно Большакову: «этому успеху способствовало три главные причины. Во-первых, в 20-х годах VII в. в Аравии установился вакуум власти; на севере Византия и Иран четверть века были заняты войной друг с другом и не обращали внимания на аравийские дела, на юге Йемен был разорван на множество мелких владений и не имел сил для вмешательства в дела Центральной Аравии. Во-вторых, в Западной Аравии усилиями курайшитов была создана система союзов, обеспечившая единство интересов значительной группы племен: завоевав Мекку Мухаммад стал наследником

¹Большаков О. Г. Ранний ислам // История Востока. Т. II. -М.: «Восточная литература», 1995. -С. 104.

²Там же. -С. 104-106

этой системы. В-третьих, и это, быть может, самое важное, власть пророка, вознесенного над остальными людьми божеством, принимались свободолюбивыми бедуинами легче, чем завоевание вождем другого племени или иноземным царем: принимая ислам, они подчинялись не власти чужаков, а высшей, над племенной и над человеческой власти»¹.

Возможно, еще одним фактором стало то, что курейшиты Мекки, имевшие большой опыт торговых отношений со всеми соседями: Византией и Ираном, к этому времени окружающими их монополиями, искали и нашли то орудие (виде новой религии), которое могло консолидировать всю Аравию в единое целое и позволить им выступить наравне с мировыми (торговыми) державами своего времени.

Необходимо учесть, что новая религия- ислам, рожденный в оживленном международном торговом пути, когда его Пророк, до божественного Откровения водивший торговые караваны, благосклонно относился к категории и практику обмена дарами. Как подчеркивает российский специалист: «ислам, в отличие от иных религий, не осуждает преумножение имущественных благ, требуя только соблюдения законности при осуществлении подобной деятельности, и, кроме того, устанавливает запреты на расточительство. В этой связи договор дарения можно рассматривать как один из способов получения имущества законным путем в сочетании с реализацией принципов взаимопомощи и благотворительности, на которых функционирует мусульманская община»². В данном исследовании приводятся многочисленные примеры обмена дарами, условия дарения, получения дара, возврата дара, его живительной сущности, а также его роли в общественной жизни мусульманской общины³. Практика дарения, превративших, среди прочих, после обширных завоеваний, в один из

¹ Там же. -С. 113.

² Анохин А.Н. Регулирование отношений дарения в Коране и в Хадисах Имама аль-Бухари./Ученые записки Таврического национального университета. Серия «Юридические науки». Том 23 (62). № 1. 2010. -С.19.

³ Там же. -С. 19-26.

важнейших инструментов ислама-арабского государства во взаимоотношения с окружающим миром.

Если при правлении первого халифа Абубакра (632-634) были завоеваны арабские земли, находящиеся под властью Византии и Ирана, то во время правления второго халифа Умара (634-642) и третьего халифа Усмана (642-656) были завоеваны Сирия, Палестина, Египет, Месопотамия, Закавказье и Иран. Стремительное распространение ислама имело громадное влияние на судьбу многих народов мира. По мнению российского исследователя: «как религия, выросшая на почве исторической эволюции и отвечавшая религиозным и культурным потребностям своего времени, мусульманство, имело громадное влияние на судьбу самого православного христианского мира, так как распространилось по тем областям, которые искони были христианскими и составляли достояние патриархатов Антиохийского, Александрийского и Иерусалимского. Усилившись главным образом на счет областей, отнятых от империи, арабы составили громадную политическую и военную силу, которая приобрела мировое значение посредством развития флота, торговли и широкого распространения научных и художественных занятий»¹.

Правление четвертого халифа Али (656-661) ознаменовало собой борьбу за власть со многими претендентами за халифский престол, где выделялся наместник Сирии Муавия, который создал собственную династию (Омейядов). «Правление Муавии,- пишет исследователь,- закрепило многие изменения в структуре Халифата: перенос политического центра из Аравии в Сирию, расслоение общины и превращение ее в империю с господством народа-завоевателя. Для окончательного ее оформления не хватило только принципа наследования власти внутри одной семьи и создания собственного административно-фискального аппарата и собственной денежной системы. Муавия сделал многое в этом направлении: он закрепил власть в своем роду,

¹ Успенский Ф. И. История Византийской империи. VI- IX вв. – М.: 1999. -С. 512.

объявив преемником своего сына Йазида, и начал пересмотр налоговых списков Северной Месопотамии и некоторые реформы в Египте.

Стабилизация внутреннего положения позволила начать завоевания в Индии, за Амударьей и на западе Северной Африки, с новой силой возобновились походы на Византию. Был создан большой арабский военный флот на Средиземном море, что поставило Византию в еще более сложное положение. В 674-680 гг. армия под командованием Йазида обложила Константинополь с суши, а флот блокировал Дарданеллы; только применение новоизобретенного «греческого огня», уничтожившего арабский флот, спасло город от падения»¹.

Несмотря на то, что арабы были кочевым народом, однако их военные походы (несмотря на продолжения сбора военных трофеев) несколько отличались от набегов кочевников Великой степи на оседлые города и государства, расположенные вдоль шелкового пути. Арабы прежде чем приступить к военным действиям вступали в дипломатические переговоры с городскими жителями с тремя условиями: принять ислам и перейти к из защите; сохранять свою религию и платить дань; при отказе от двух первых быть готовыми к обороне. Они оставались верными своим обещанием и награждали городов, сдавших без боя². Поэтому за короткое историческое время (чуть более сто лет) арабам удалось распространить свою власть в обширную территорию, перевалив Пиренейский полуостров через всю Северную Африку на западе, а на востоке перешли на правый берег Сырдарьи.

В 732 г. под Пуатье (южная Франция) франкскому ополчению под начальством Карла Мартелла удалось остановить вторжения арабов вглубь Европы, которые вернулись за Пиренеями, а в битве при Таласе (751 г.) объединенная армия китайцев и тюрок ослабила первоначальный натиск арабов вглубь степи.

¹ Большаков О. Г. Ранний ислам // История Востока. Т. II. - М.: «Восточная литература», 1995. - С. 119.

² Успенский Ф. И. История Византийской империи. VI- IX вв. – М.: 1999. - С. 533.

«Второе десятилетие VIII в. – пишет специалист, - было апогеем политического могущества Халифата. Он достиг максимальных размеров, на его территории насчитывались 70-80 млн. жителей, гигантские суммы стекались в казну халифов, позволяя не только содержать огромную армию и флот, но и вести монументальное строительство. В это время восстанавливаются прибрежные города Сирии и Палестины, пострадавшие в предыдущим столетии, разрастаются новые военно- политические центры: Куфа, Басра, Фустат, Кайруан: в начале VIII в. к ним присоединяется новая столица Ирака, Васит. В городах возводятся монументальные мечети и дворцы наместников, сделанные мрамором и мозаиками, появляются замечательные архитектурные сооружения, как мечеть в Дамаске и «Купол скалы» в Иерусалиме. Скромные мечети Мекки и Медины заменяются богато отделанными зданиями, для строительства которых приглашали византийских мастеров. Каждый из халифов старается обзавестись собственным дворцом-поместьем на границе Сирийской пустыни и культурных земель»¹.

Переход стран и бывших провинций империи с христианским населением под власть мусульман не привело к массовому гонению за ними или ухудшению их социально-экономической жизни, на что указывают исследователи. По мнению немецкого исследователя Вейля: «В религиозном отношении христиане, переходя под власть мусульман, только выигрывали в свободе, ибо магометяне (мусульмане- М. А.) не вмешивались в их духовные дела, а что касается политической стороны, то верные раз данному слову калифы (халифы- М. А.) довольствовались очень умеренной данью, вследствие чего мусульманское господство было гораздо мягче, чем власть императора, который в истинном смысле слова высасывал кровь из отдаленных провинций. Это обстоятельство объясняет ту баснословную легкость, с какой завоеван был мусульманами Египет»².

¹Большаков О. Г. Ранний ислам // История Востока. Т.П. -М.: «Восточная литература», 1995. -С. 123.

²Цит. по Успенский Ф. И. История Византийской империи. VI- IX вв. – М.: 1999. -С. 533.

Таким образом, за более одно столетие арабам удалось не только разгромить Сасанидский Иран и захватить Вароруд, Бактрию и Синд (северо-запад Индии), восстановить города Сирии и Палестины, пострадавшие от монопольной торговой политики Византии, после относительно легкого их завоевания, но и столкнуться с тюрками и китайцами за доминирование восточными маршрутами шелкового пути. Лучше всего дела у арабов шли на западе, где они продлили сухопутную караванную дорогу от Египта до Марокко, и даже, охватив через пролив (в судах) всей протяженности Пиренейского полуострова (с юга на север). В Средиземноморье и на севере Индийского океана наряду с военным флотом начал курсировать и торговый флот арабов.

Арабские завоевания (647-703), вовлекая собой многочисленные бедуинских (возможно и туарегских) племен, привели к кардинальному изменению всех сфер жизнедеятельности людей. «В IX-X вв. страны Магриба (запад исламского мира - М.А.) представляли, прежде всего, как общество горожан. Города были средоточием социально-политической и религиозной жизни, определяли хозяйственный облик региона... Ремесленное производство находилось на довольно высоком уровне, особенно, изготовление тканей и ковров. Города Ифрикии (Северной Африки- М.А.) вывозили шелковые ткани, шерстяные плащи, льняную одежду, изделия из стекла, кожи и различных металлов»¹.

Арабский халифат, создав обширную империю, обратил свои взоры в северный Кавказ, через которого проходил северный маршрут шелкового пути, где они столкнулись и Хазарским каганатом за контроль международных торговых путей доставки шелка².

Чувствительный удар арабов заставил хазар отказаться от набегов в Закавказье и сохранить мирные отношения с ним и арабами (737-763 гг.). Данная мирная обстановка положительно повлияла и на дальнейшую судьбу

¹Большаков О. Г. Ранний ислам // История Востока. Т.П. -М.: «Восточная литература», 1995. -С. 225-226.

²Артамонов М. И. История хазар. – Л. Изд. Гос. Эрмитажа, 1962. -С. 360

самых хазар¹. На наш взгляд, сюда устремились также согдийцы-купцы (как мусульмане, так и придерживающих религии предков), для которых главное было не характер вероисповедания, а мирная жизнь, благоприятствующей торговле.

В новых условиях, когда Арабский халифат раскинулся на пространстве трех континентов, он не мог в государственном управлении опираться на традиции кочевого (или оазисного) управления племен, поэтому произошел новый переход политического центра от Дамаска ближе к г. Ктесифону, к центру иранской имперской власти. Новая династия Аббасидов, пришедшая к власти, в основном, благодаря деятельной поддержки восточных земель империи (Иран, Хорасан и Бактрия) построила новую столицу халифата - Багдад (762-763) рядом с бывшей столицей Сасанидов (с его былой славой). Эта династия восстановила и взяла на вооружения имперскую традицию государственного управления иранцев, в итоге халифат из арабской империи превратился в общемусульманскую державу.

Существенные изменения по сравнению с предшествующим периодом претерпела внешняя политика. Аббасидские халифы не предпринимали новых больших завоевательных походов. Их военные мероприятия против других государств были направлены, прежде всего, на сохранение границ империи.

Жесткая борьба арабов в двух уровнях: борьба южных и северных арабских племен в востоке халифата (в Хорасане) и между Омейядами и Аббасидами за высшую власть в сердце халифата, стала постепенно вовлекать других народов, принявших ислам, в свою орбиту. Учитывая того исторического факта, что реальная столица халифата Омейядов, пришедших на смену четырем «праведным халифам», была перенесена в Дамаск, то их идейные противники (Аббасиды) стали искать опору вдали от столицы в далеких восточных провинциях. Сюда был отправлен Абумуслим Хурасани,

¹Там же. -С. 226.

мавали (раб), рожденный в ираноязычном Мерве¹. Вскоре в середине VIII века он превратился в фактического главы антиомейядского движения Аббасидов в Хорасане. Важно здесь отметить, что он при этом не только сохранил уважения родному (таджикскому) языку и обычаям и обрядам своего народа, но и приучил арабов этим традициям. Вот как описывает немецкий исследователь о положении дел в Хорасане того времени: «в Хорасане было около 50 тысяч арабских воинов, а так как обязательная военная служба касалась практически половину мужского населения, то всего арабов, по всей вероятности, насчитывалось не более 200 тысяч душ. Арабы привыкли быть хорасанцами, в общей провинции они ощущали себя едиными с местными жителями. Они носили штаны на иранский манер, пили вино, отмечали праздники Навруз и Мехреган (Мехргон- М.А.), а знать их вели себя подобно марзпанам (глава пограничных областей при Сасанидах- М.А.). Общая торговля и деловая активность влекли собой взаимопонимания с иранцами. Даже на рынках в Куфе и Басре (города Ирака- М.А.) можно было, по меньшей мере, так же часто услышать персидскую речь, как и арабскую. Казалось исключением, что Абу Сайда (наместник арабов - М.А.) говорил только по- арабски и потому был неподходящим миссионером для согдийцев, знавших только персидский (точнее таджикский- М.А.). В армии Абумуслима даже арабы говорили в основном на персидском языке»². Как вытекает из этого отрывка в самом западном регионе расселения таджиков, Хорасане распространители новой религии не стали вытеснять язык местного населения и заменить его священным языком «Корана», а, наоборот, сами стали переходить на их поэтический язык. Именно армия Абумуслима, где, как повествовал исследователь, «говорили в основном на персидском», выступила главной движущей силой превращения ислама из сугубо арабской религии в наднациональной (мировой) религии через смены Омейядской

¹Старр Ф. Утраченное Просвещение: Золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана. - Пер. с англ. - М.: Альпина Паблшер, 2017. с. 138.

² Велльхаузен Юлиус. Арабский халифат. Золотой век ислама./ Пер. с англ. Т.М. Шуликовой.- М.: Центрполиграф, 2018. -С. 308.

династии, носителей узко арабских ценностей, Аббасидской династией, лояльным всем народам, принявшим ислам. Ключевая роль Абумуслима и возглавляемой им хорасанцев не только в том, что они наряду с берберами в Магрибе превратили арабскую религию в мировую религию, а в том, что принимая арабский язык как язык религии, они всячески берегли свой родной таджикский язык, широко используя его также в управлении армией халифата.

За два года (747-749 гг.), объединив вокруг себя всех недовольных (как арабов-йеменцев, так и таджиков-хорасанцев) Омейядской власти в Хорасане он выгнал их наместника Насра и фактически провел военный переворот в пользу Аббасидов. Его арабские полководцы нанесли поражения омейядской армии даже в такой отдаленной области как Хуттал¹. Таким образом, Абумуслим выступил в роли первого неарабского полководца, заставив одну из арабских конкурирующей военной партии подчинению своей воли и с применением военной силы сместил наместника халифа (Хорасана) с должности.

Устранение прежнего наместника халифата Насра, с которым многие города подписали соглашение о мирном сосуществовании, потерял свое действия, так как у Абумуслима еще не была легитимная власть, а только преданное войско, состоящее преимущественно из хорасанцев и местных арабских племен. В вакууме центральной власти в Вароруде, вскоре произошли бунты местного населения. Если Кутейба ибн Муслим выступил распространителем новой религии в этом регионе, то Абумуслим выступил в роли борца против ереси и отклонения от истинной веры, жестко пересекая все виды неповиновения и бунтов. Именно при Абумуслиме все еще сохраняющий религиозный плюрализм Вароруд (араб. Мавереннахр) стал ускоренно переходить в один из центров исламских ценностей и устоев в нем.

¹Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинение. Т. I.- М.: Восточная литература, 1963. -С. 252.

Примечательно отметить, что в процессе умиротворения Вароруда армией Абумуслима деятельное участие приняло часть населения Бухары¹.

Аббасидские имамы, воодушевленные военными успехами Абумуслима в Хорасане и Вароруде призвали его «сердце» халифата (в Ирак). Осуществив глубокий западный марш-бросок через Иран, Абумуслим вступил в решающий бой с войском Омейядов на берегу реки Большой Заб (Ираке) в начале 749 года. Победив врага и преследуя его остатки, он стремительно пошел на Дамаск, где сверг последнего из омейядских халифов². Вот как описывает смены правящей династии немецкий ученый: «Но и то же время с правлением арабов, которые опирались на Омейядов и сирийцев, было решительно покончено. Прежняя родина арабов стала настолько варварским местом, что туда уже нельзя было безопасно совершать паломничество. Арабские племена уже не были основой теократии, они полностью утратили свои привилегии. Мавали получили освобождение, различия между арабами и мусульманами - неарабами исчезло. Свергнутые со своего исключительного положения, которое изначально опиралось на закон войны, арабизм перешел в мирную гражданскую сферу и стал международным культом, участие в котором принимали все мусульмане. Основопологающей частью культа была религия, и арабская религия не разрушилась с арабским народом, но продолжала наращивать силу. Арабский язык оставался языком ислама и поглотил языки важнейших христианских народов в Передней Азии и Африке. Вместе с наукой и литературой он, казалось, проник даже к иранцам, но поэзия сохранила родную речь и вернула ее на почетное место»³. Роль полководца-стратега Абумуслима и его верных хорасанцев состоит в том, что в отличие от Магриба ислама, где арабский язык и культура поглотила все древнейшие очаги древнейших цивилизаций Передней Азии и Северной Африки (Сирию,

¹ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинение. Т. I. - М.: Восточная литература, 1963. - С. 253.

² Старр Ф. Утраченное Просвещение: Золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана. - Пер. с англ. - М.: Альпина Паблишер, 2017. с. 139.

³ Велльхаузен Юлиус. Арабский халифат. Золотой век ислама. / Пер. с англ. Т.М. Шуликовой. - М.: Центрполиграф, 2018. - С. 345.

Египет и других), они выступали как твердые хранители древних традиций предков, включая родного (таджикского) языка.

К сожалению, до сих пор традиционно односторонне рассматривается распространение ислама строго с запада (Аравия) на восток (Хорасан и Вароруд). Здесь вне анализа остается тот исторический факт, что хорасанская армия Абумуслима, двигаясь с востока на запад (в Дамаск), в обратном порядке, укрепила его мощь, устранив с власти сугубо арабской этнодинастии (Омейядов) и заменив его общемусульманской династией (Аббасидов). Это дело было доведено до логического конца его духовными преемниками- Бармакидами, создателями новой столицы Багдада (вместо Дамаска).

Умиротворение и ведение порядка в Вароруде привело к главной исторической миссии Абумуслима, ликвидации надвигающей цивилизационной угрозы со стороны Китая. Одновременно в то время, когда Абумуслим начал свою карьеру в Хорасане (747г.), китайцы, захватив Таримский бассейн, стали угрожать Хафтруду. Стоявший у Самарканда Абумуслиму, занятого подавлением местного бунта, приходит сын казненного китайцами правителя Шаша (Ташкентский оазис), прося о помощи против китайцев. Дальновидный наместник-полководец, узнав реальной угрозы доселе неизвестного противника, мобилизовал отборную часть своей многонациональной армии. До этого он упорно сражался в Вароруде с различными тюркскими племенами, некоторые из которых уже смирились с его господством и начали служить ему. Две мощные силы, преимущественно хорасанская армия (Абумуслима), усиленная тюркской кавалерией, под предводительством арабского полководца Зияд б. Салиха и танская (китайская) армия под командованием корейца (по национальности) Гао Сянь -цзи встретились в 751 г. Таласской долине. Китайцы были

разгромлены, в основном, благодаря упорству воинов Абумуслима и решение кочевого племени карлуков, перейти в лагерь мусульман¹.

Эта победа военного гения Абумуслима имеет далеко идущие последствия: после этой победы местные правители уже больше не искали покровительства внешних сил (в лице кочевников или китайцев) в противостояние исламу, а реально оценив сложившуюся ситуацию, признали централизаторскую политику Абумуслима. Кардинальное отличие Таласской битвы от других сражений мусульман состояло в том, это не был джихад (с целью наживы), а защита исламизирующего региона от внешних врагов. Об эволюции взглядов Абумуслима после этой решающей битвы, особо отмечают ведущие исследователи, от верного слуги (мавали) Аббасидов до реального защитника региона². Соответственно под влиянием его авторитета в Вароруде центробежные процессы стали сменяться медленно в сторону центростремительных, которые через сто с лишним лет (при Саманидах) приобрели устойчивый характер.

Исламская культура, начавшая прививаться в местную почву, была спасена от мощного натиска в лице Танского Китая со стороны местных сил. Фактически реальная угроза исламскому миру со стороны Китая существовала до 754 года, когда на его северо-восточной границе началось массовое восстание, под предводительством военачальника китайской армии согдийца Ань Лушаня³.

Свидетельством того, что реальная заслуга в стратегическом разгроме китайской армии принадлежит Абумуслиму, а не его ставленнику Зияд б. Салеху мы обнаруживаем в последующем после битвы историческом событии. Этот арабский полководец из-за наущения багдадских халифов выступил против своего благодетеля, тогда его армия покинула его, оставив его одного и он бежал в защиту местного дехканина (вероятно всего,

¹Большаков О.Г. К истории Таласской битвы (751 г.).// Страны и народы Востока. Вып. XXII. -М.: 1980. с. 132-135; Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинение. Т.I.- М.: Из-во Восточной литературы, 1963. -С. 253-254.

²Старр Ф. Утраченное Просвещение: Золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана. - Пер. с англ. -М.: Альпина Паблишер, 2017. -С. 140.

³Там же. -С. 140.

таджика), который отрубил его голову и отправил Абумуслиму¹. К сожалению, до сих пор стратегическое поражение Китая в долине Таласа рассматривается как победа арабов и мусульман, однако упускается тот исторический факт, что во многом это был триумф таджиков Вароруда, Хорасана и тюрков Хафтруда. Как справедливо указал специалист по региону: «в конце концов, арабские войска к тому времени состояли в основном из жителей Центральной Азии иранского и тюркского происхождения»². Появление новых исследований, скрупулезно исследующие это конкретное историческое событие, при появлении сильной централизаторской фигуры (Абумуслима) население региона, после некоторого сопротивления, в час реальной угрозы стал консолидироваться вокруг него для устранения данного вызова. Как средневековые, так и современные исследователи сообщают о небывалом росте авторитета Абумуслима, трон которого располагался в его дворце в родном ему Мерве «в центре зала с четырьмя куполами. Это символизировало, что он правил всеми сторонами света»³.

Первые аббасидские халифы для укрепления своей персональной власти стали освобождаться от неудобных «опекунов» в лице стратега Абумуслима. Через некоторое время Абумуслима вызывают в столицу для вероломного убийства (755 г.), что привело парадоксально не к ослаблению позиции хорасанцев в халифате, а, наоборот, к упрочению их силы⁴.

Громадное историческое наследие первого сына таджикского народа Абумуслима (несмотря на его некоторые шиитские взгляды) в мусульманском мире состоит в том, что он фактически возглавил мощное движение от избавления новой религии (ислама) от бедуинского ограничителя (джихад для наживы) и приданию ей широкой социальной базы

¹ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинение. Т. I. - М.: Изд-во Восточной литературы, 1963. - С. 254.

² Старр Ф. Утраченное Просвещение: Золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана. - Пер. с англ. - М.: Альпина Пабlishер, 2017. с. 140.

³ Там же. - С. 141.

⁴ Велльхаузен Юлиус. Арабский халифат. Золотой век ислама. / Пер. с англ. Т.М. Шуликовой. - М.: Центрполиграф, 2018. - С. 349.

и солидного авторитета, выходящей из рамки узко арабского национализма и учета традиций и ценностей новообращенных народов. Лишение монополии арабов на привилегированной военной и административной власти на востоке и их постепенной замены местными талантливыми полководцами и чиновниками привело к окончательному обращению к исламу многочисленных племен и народов Турана и Хорасана. Как подчеркивает исследователь: «зависимость Аббасидов от персидской и тюркской Центральной Азии оказалась еще сильнее. В отличие от иранцев жители Центральной Азии при Абумуслиме создали мощное региональное войско и использовали его для устранения двух основных угроз, представляющих опасность для Аббасидов, а именно: войск Омейядов и Китая. Аббасидский режим продолжал зависеть от сил и народов Центральной Азии. Зависимость халифа от Центральной Азии и ее жителей дала возможность этому региону (одному среди всех территорий, завоеванных арабами) поддерживать свою социальную и экономическую систему в нетронутом состоянии. Это гарантировало, что центрально азиатская культура продолжит процветать, что она сохранит большую часть своей былой силы и характера и в конечном итоге окажет значительное влияние на сам халифат. Во многом так же, как греческая культура покорила Рим, центрально азиатская культура была готова покорить Аббасидов и их новую столицу Багдад»¹.

Необходимо также подчеркнуть, что таджикский язык, введенный и широко используемый в многонациональной армии Абумуслима (включая и его арабских воинов) позднее стал играть один из ключевых ролей в этногенезе таджикского народа (в эпоху Саманидов).

Из среды хорасанской армии Абумуслима вышел другой известный представитель таджикского народа- Халид ибн Бармак, самый выдающийся

¹Старр Ф. Утраченное Просвещение: Золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана. - Пер. с англ. -М.: Альпина Паблишер, 2017. с. 142.

представитель первых таджикских министров (визирей) Аббасидского халифата¹.

Если первый яркий представитель таджикского народа Абумуслим играл решающей роли в смене правящей династии арабо-исламского халифата с оружием в руках и тем самым расширив социальную и этническую базу приверженцев ислама, то Халид ибн Бармак выступает продолжателем его миссии как фактический основатель государственного управления в Аббасидской династии через упорядочивания дивана халифа и постройкой новой столицы, а также созданием и налаживанием управления различных наместничеств расширяющей империи.

Если умелый полководец Абумуслим, расширяя просторы Аббасидского халифата, способствовал стабильному функционированию шелковой дипломатии, то его духовные преемники Бармакиды, расширили ареал ее использования в обширной Евразии, охватывая также север Африки.

Халид был сыном Бармака, верховного жреца буддийского храма Навбахор вблизи Балха и одной из дочерей князя Чаганиана (историческая область на совр. границе южного Таджикистана и Узбекистана- М.А.). Как сообщается «он был так близок к халифу (Абу-ль-Аббас, 749-754-М.А.), что дочь Халида была вскормлена супругой халифа, а дочь халифа - женой Халида. С 132/749-750г. он стоял во главе диванахараджа. В некоторых источниках он называется также визирем. Халид был, по-видимому, первым «писцом» (катиб), при котором эта должность приравнивалась по рангу к министру»².

Халиф Аль-Мансур, инициатор создания новой столицы новой династии Аббасидов, еще, не будучи во власти во время борьбы с Омейядами, для переговоров с Абумуслимом посетил Мерв, где в его окружении заметил богатого и перспективного человека Халида ибн

¹ Бартольд В.В. Бармакиды // Бартольд В.В. Сочинения. -М.: Наука, 1966. -Т. VI: Работы по истории ислама и арабского халифата. -с. 669-674. -785 с.

²Бартольд В. В.Бармакиды // Бартольд В. В.Сочинения. -М.: Наука, 1966. - Т. VI: Работы по истории ислама и арабского халифата. -с. 670.

Бармака, которого необходимо было привлечь в свою сторону. Далее он делает головокружительную карьеру, женившись в дочери первого халифа Аббасида и став великим визирем второго халифа.

После разгрома Омейядов в их столице Дамаске хорасанской армией Абуमुслима перед новой династией Аббасидов стал острый выбор новой столицы разрастающейся империи, в основном, на восточном направлении. После выбора города Анбар в качестве временной резиденции Аббасидов новый халиф Аль-Мансур выбрал новое место (летом 762 г.) вблизи от старой парфяно-сасанидской столицы Ктесифон, чтобы основать новую столицу мусульманского мира - Багдад¹. По мнению этого исследователя, выбор новой столицы, названной халифом «Мадинат ас-Салам» («город мира») был поручен группе астрологов во главе ученого из Мерва Наубахт Ахвази аль-Фариси, а сотысячная армия строителей работала под управления высококвалифицированных ремесленников и мастеров, так из этой восточной области халифата².

Исключительная роль в строительстве данного «круглого города» выходцев из Мерва свидетельствует тот факт, что им выделили целый квартал в новой столице и ее главную улицу назвали в честь Мерва, единственного города в империи, которому был оказан такой высокой чести³.

Исследователи допускают, что прототипом круглой планировки новой столицы халифата послужила крепость в городе Мерве или бармакидский (буддийский) монастырь Балха, оба варианта свидетельствует о мощном влиянии Халида ибн Бармака в планировании и строительстве первоначального (круглого) Багдада⁴. Таким образом, Аббасиды, пришедшие к власти на штыке хорасанцев, далее управляли полмиром в великолепном

¹Старр Ф. Утраченное Просвещение: Золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана. - Пер. с англ. - М.: Альпина Паблишер, 2017. С. 144-145.

² Глава «Искусство Аравии, Сирии, Палестины и Ирака». //Всеобщая история искусств. Том II. Искусство Средних веков. Книга II. Авторы: Б.В. Веймарн и др.- М.: «Искусство», 1961. http://totalarch.ru/art_history/middleages/arab/arabia_syria_palestine_iraq дата обращения 12.08.2020.

³Старр Ф. Утраченное Просвещение: Золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана. - Пер. с англ. -М.: Альпина Паблишер, 2017. -С. 145.

⁴Там же. -С. 146-147.

городе, созданным первоначально также по хорасанскому стилю, где незримо стоит образ великих визирей Бармакидов.

Возвышение новой столицы (Багдада) мусульманской империи на перекрестке торговых путей и стекание сюда огромных финансово-материальных ресурсов (в виде налогов, таможенных сборов, добычи от войн и набегов) превратил города наряду с Чанъань и Константинополем, в один ряд мировых процветающих городов того времени. Отсюда уходили торговые караваны до Марокко и Андалусию (через всю Северную Африку на запад), до Чанъань (столицы Танской империи), до городов Северного Кавказа (городов в берегах Волги на севере), до Йемена (на юго-западе), а товары южных караванов в городах Сираф, Басры и других перегружались в корабли и отправлялись в Индию, Цейлон (Тапробана), Явы и Китай (до портов Гуанчжоу). Оттуда они возвращались с бесчисленными грузами, включая товаров для «престижного потребления», где шелк удерживал свою главенствующую роль. Перечень всех мыслимых и немыслимых (экзотических) товаров, перевозимых как сухопутных, так и морских по всему маршруту этой легендарной дороги прекрасно описан в классической книге Э. Шефера «Золотые персики Самарканда»¹.

Согласно арабскому историку Аль-Мас'уди (896-956 гг.), по выдающимся качествам ни один из его потомков Халида ибн Бармака не сравнился с этим фактическим «устроителем» халифской власти в новой столице -Багдаде².

Перенес столицы халифата из лоно арабского мира (Дамаска и Куфы) ближе к иранскому миру к близости к Ктесифону (старой столице Великой Парфии) и строительства новой столицы (Багдада), на наш взгляд, аргументировался прежде всего к готовности новой правящей династии к принятию возвышенной иранской традиции и практики государственного управления обширной империи (халифата). Как пишет специалист: «Багдад

¹ Шефер Э. Золотые персики Самарканда. -М.: «Наука», 1981, -608 с.

² Цит. по Бартольд В. В. Бармакиды. Сочинение Т. VI. Работы по истории ислама и арабского халифата. -М.: «Наука», 1966. -С. 671.

фактически был основан не как столица империи, а как лагерь хорасанцев подальше от Куфы, в котором хотел жить халиф. Но и в этом лагере они поддерживали общение со своей родиной, и то главенствующее положение в партии и армии, которое они получили на службе у Аббасидов, распространилось на их народ и провинцию - Иранский Восток. Под видом международного ислама иранизм одержал победу над арабами»¹.

Если халиф Ал-Мансур выступает как создатель Багдада, то его сын Аль-Махди выступает инициатором внедрения высшей государственной должности - визиря (первого министра), возглавляющий чиновничий аппарат и подотчётный непосредственно халифу (по парфяно-сасанидской традиции).

Согласно мнению специалиста, -«иранцы, вошедшие в ближайшее окружение халифов, принесли с собой многие традиции сасанидской государственности и возродили некоторые ее институты. Так, рядом с халифом появляется фигура вазира - главы административного аппарата - аналога сасанидского вужург фрамандара. Первыми визирями Аббасидов становятся Бармакиды. Потомки Бармака, верховного жреца храма в Балхе. Обособление гражданской администрации повлекло за собой создание специальной канцелярий, диванов, с многочисленным штатом, занятым перепиской с провинциями между собой, регистрацией, составлением отчетов. Складывается влиятельный слой чиновничества, считающего себя главной опорой государства и успешно соперничающего с военной знатью»².

В 758 году аль-Мансур назначает своего молодого сына наместником Хорасана, центром которого стал тогда город Рей (вблизи совр. Тегерана). Его главным советником стал Яхья, сын Халида Бармакида, ставший верным сподвижником аль-Махди на протяжении его жизни. Аль-Махди при возобновлении стратегического противостояния с Византийской империей подготовил большое войско для похода против нее, во главе которого поставил своего сына Харуна ар-Рашида, а фактическим руководителем был

¹ Велльхаузен Юлиус. Арабский халифат. Золотой век ислама. / Пер. с англ. Т.М. Шуликовой. - М.: Центрполиграф, 2018. -С.346.

² Большаков О. Г. Ранний ислам // История Востока. Т.II. -М.: «Восточная литература», 1995. -С. 125.

Яхья ибн Халид. В 780 году арабские войска прошли через Малую Азию, и дошло до стен Константинополя. Византийская императрица Ирина не имела сил для продолжения войны и пошла на заключение вынужденного мира. Здесь мы видим еще одну грань деятельности рода Бармакидов, которые также отличаются в ведении армии в большой поход и ведения переговоров.

А сын Аль-Махди и внук Мансура Харун Ар-Рашид (786- 809 гг.) обеспечивал расцвет Багдада, по некоторым оценкам «золотой век» данного города и халифата¹. На наш взгляд, четверть вековое правление этого халифа можно разделить в две части:

1) 786-803 годы, ознаменовавшее как успешное правление исламским миром (халифатом) с опорой на великих визирей Бармакидов;

2) 803-809 годы, репрессия против «опоры трона» Бармакидов, восстания и признаки распада халифата.

В молодые годы будущий халиф Харун был отдан его отцом образованному и дальновидному сыну выдающего визиря Халида Бармакида Яхье. Процесс обучения включала чтение античных и современных текстов, а также практические занятия. Наряду с классическим образованием Яхья Бармакид мог поделиться своим опытом службы в качестве визиря у предыдущего халифа. Исследователи едины во мнении, что золотой век Багдада, застраивающегося и облагораживающего за первые годы создания, во многом, связывают с именем Харун ар-Рашидом.² Однако этот халиф долгие годы (10 лет) был вынужден пребывать за пределами столицы халифата, сначала жить в сирийском городе Ракка, чтобы вести подготовку войны с Византийской империей и позже вести военные действия на территории этой империи.

Он увлекался военными походами, продолжая традиции (джахада) предыдущих халифов (как омейядских, так и аббасидских) по противостоянию христианской империи. Поэтому фактически столицей

¹ Старр Ф. Утраченное Просвещение: Золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана. - Пер. с англ. - М.: Альпина Паблишер, 2017. С. 148.

² Там же. -С. 148.

огромной мусульманской империи управляли Бармакиды, которые не только помогли привести Харуна к власти (посодействовав отстранению от власти его брата), но и впоследствии, из-за длительных отъездов халифа из Багдада, город оставался в их руках. При трех предыдущих халифах они были визирями и советниками и продолжали эту работу при Харуне, которого воспитали сами. Таким образом, выходцы из Хорасана были фактическими правителями халифата.

Известный русский востоковед В.В. Бартольд в своей статье, специально посвященной истории этой династии «великих визирей», опираясь на арабо- иранские первоисточники, сообщает, что Яхья не уступал по могуществу в Багдаде своему отцу Халиду. Будучи опекуном халифа Харуна ар-Рашида, который звал его (Яхья, сына Халида) своим «отцом», после его воцарения был назначен визирем с неограниченными полномочиями и в течение 17 лет (786-803 гг.) правил державой с помощью своих сыновей Фадлом и Джафаром¹. Первый этап правления этого багдадского халифа с опорой на династию великих визирей Бармакидов ознаменовался расцветом во многих сферах от поэзии и музыки до торговли и экономики.

А главная историческая заслуга этого великого рода визирей была не в обеспечении продолжительного спокойствия в столице мировой империи, а в организации непрерывности (эстафету) научных знаний от античного мира в средневековье (от греко-римского мира к мусульманскому миру)².

Воспитанник Бармакидов Харун ар-Рашид, тяготевший к джихаду, стал благоволить арабским поэтам музыкантам. А сами Бармакиды обратили серьезное внимание к естественным и гуманитарным наукам, где особое место мусульманском мире приобрели выходцы из Хорасана и Вароруда.

¹ Бартольд В. В. Бармакиды // Бартольд В. В. Сочинения. - М.: Наука, 1966. - Т. VI: Работы по истории ислама и арабского халифата. -с. 671.

² Старр Ф. Утраченное Просвещение: Золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана. - Пер. с англ. -М.: Альпина Паблишер, 2017. -С. 148.

По мнению специалистов, самым важным вкладом этой династии великих багдадских визирей в мировую цивилизацию состоит в том, что они инициировали перевод рукописей с древнегреческого языка на арабский язык¹.

Несомненно, продолжительные военные противостояния с Византией с одной стороны, и с другой расширение Багдада и меценатство над людьми науки, культуры и искусства, легли тяжелым налоговым бременем на населения халифата. Долго отсутствовавший в столице халиф Харун ар-Рашид из-за продолжения священной войны с Византией стал тревожиться возрастания могущества своих покровителей Бармакидов, в руках которых была сосредоточена вся реальная власть огромной империи. В желании исправить сложившуюся ситуацию халиф Харун ар-Рашид, согласно традиции Аббасидов, стал обвинять во всех грехах семью Бармакидов, превратившихся в оплот власти халифа в столице. Он после почти две десятилетия процветания халифата, в 803 году обрушил против своих верных приверженцев репрессии².

Российский востоковед В.В. Бартольд подытоживает славное правление Бармакидов со следующими словами: «важным свидетельством в пользу выдающихся качеств этих персов (точнее таджиков- М.А.) является также то, что они прославляются даже таким арабским патриотом старого склада, как автор *Китаб ал-агани*, и смогли установить порядок даже в такой арабской провинции, как Сирия»³. Если учесть, что Сирия со своей древней столицей Дамаском была опорой предыдущей династии (Омейядов), врагов Аббасидов, какова была их первоначальное отношение как Бармакидам, опорой новой власти, какие усилия необходимо было предпринять, чтобы изменить вражеское отношение к ним в итоге изменилось на благосклонное расположение?!

¹ Там же. -С. 148.

² Бартольд В. В. Бармакиды // Бартольд В. В. Сочинения. - М.: Наука, 1966. - Т. VI: Работы по истории ислама и арабского халифата. - с. 673.

³ Там же. - с. 674.

На наш взгляд, главная историческая роль целой плеяды «великих визирей» рода Бармакидов состоит в том, что более 50 лет (749-803 гг.) будучи во власти, они, приносили в новообразованный Аббасидский халифат опыт и традиции восточноиранского государственного управления (великий визирь с диваном). Эти традиции, берущие своего начала от времен бактрийского визира Гуштаспа (Джамаспа), создали в лоно ислама прослойку «людей пера» (ахл ал- калам), основу чиновничества обширного государства. Эта влиятельная прослойка управленцев в новых условиях (завершение этапа обширных завоеваний) стала выступать главной опорой огромного государства, тесня военной знати в управления халифатом¹.

Возможное влияние Бармакидов на переход Харуна ар-Рашида, последнего арабского халифа, непосредственно возглавлявшего военные походы, на шелковую дипломатию дальнего действия мы обнаружим в его дипломатические сношения с Карлом Великим, императором Священной Римской империи. Эти две державы имели тогда общую границу на севере Испании. Немецкий историк, опираясь на анналы современников этого императора (франкский историк Эйнгард, живший 770-840 гг.) подробно описывает процесс установления шелковой дипломатии между могущественными правителями начала IX века. Он пишет в гл. 84. «Обмен посольствами между Карлом Великим и Харун-ар-Рашидом (797-807 гг.)» своей книги: «Карл находился в столь дружественных отношениях с царем персов Аароном [Харуном], правившим почти всем Востоком, за исключением Индии, что тот предпочитал благосклонность Карла дружбе всех царей и властителей Земного круга и считал своим долгом одному ему воздавать высокие почести и подносить дары. Когда посланцы Карла, направленные с дарами к святому гробу Господа нашего и Спасителя и к месту его воскресения, прибыли также к Аарону и доложили ему о желании своего повелителя, то Аарон не только дал согласие на просимое, но и

¹ Большаков О.Г. Арабские завоевания. Халифаты Умайядов и Аббасидов. Распространение ислама. // История Востока. Т.2. Восток в средние века. - М.: «Восточная литература РАН», 1995. - С. 125.

предоставил в полное распоряжение короля указанные святыне и приносящие исцеление места. Когда послы возвращались на родину, Аарон направил вместе с ними своих посланцев и, кроме одежд, благовоний и прочих драгоценностей Востока, послал королю особо богатые подарки; а за несколько лет до этого он, по просьбе короля, отослал ему единственного бывшего тогда в его распоряжении слона»¹.

В этом отрывке четко прослеживается эволюция в мировоззрении арабских халифов, которые при этом халифе, отказываются от непосредственного руководства военными кампаниями («джихад») против неверных, а окончательно переходит к практике шелковой дипломатии.

Император Карл Великий, также практикующий дарственной (шелковой) дипломатии, также, как и его двор, был потрясен обилием не только «шелковых тканей», но и бесчисленных даров, где особняком стояли большой слон и искусно сделанные механические водяные часы. Им казалось, что персы (они ошибочно считали халифов персами, возможно, из-за их преимущественно ираноязычного окружения) этими дарами они «хотели опустошить Восток и наполнить Запад». Император, в свою очередь, отправил халифу «гирканских лошадей и мулов, фризские платки белой, серой, пестрой и голубой расцветки, которые, как он слышал, в тех краях считаются редкостью и очень высоко ценятся, а также необычайно быстрых и свирепых собак, которых тот царь сам изъявил желание иметь для охоты на львов и тигров»².

Практика шелковой дипломатии дальнего действия обоими сторонами позволила не только поддержания дипломатических сношений между двумя мощными государствами того времени, но и решения актуальных межгосударственных вопросов. Один из главных дипломатических вопросов западно христианского мира того времени был получения свободного

¹ Хенниг Р. Неведомые земли. Т. II./ Пер. с немецкого Е.К. Краснокутской.- М.: Издательство иностранной. Литературы, 1961. -С. 115.

² Хенниг Р. Неведомые земли. Т. II./ Пер. с немецкого Е.К. Краснокутской.- М.: Издательство иностранной. Литературы, 1961. -С.115-117.

доступа к гробу господни в городе Иерусалим, находящийся во власти Аббасидского халифата. Посредством шелковой дипломатии Карл Великий решил этот чрезвычайно важный для христианского мира вопрос. Однако смерть халифа Харун ар-Рашида и гражданская война между его сыновьями не позволили расширения шелковой дипломатии между халифатом и священной Римской империями, которая не только позволила Византии протянуть империи в свою сторону в упорной борьбе, возможно, могла бы и предотвратить крестовые походы в будущем.

Шелковая дипломатия между аббасидским халифом и императором священной Римской империи в начале IX века, вероятнее всего, была высшая кульминационная точка между Арабским халифатом и Европой, которая, к сожалению, не нашла своего продолжения.

Через одно столетие, во время правления халифа ал-Муктадира (908-932) мы наблюдаем аналогичный пример шелковой дипломатии дальнего действия, когда завязались дипломатические отношения Халифата с Волжской Булгарией. Посольство из Багдада было направлено в ответ на просьбу правителя Волжской Булгарии Алмуша. Желая освободиться от власти Хазарского каганата, верхушка которой исповедовал иудаизм, тот решил искать помощи у аббасидских халифов, одновременно сообщив ему о своем намерении принять ислам. Это знаменитое халифское посольство вышло из Багдада в июне 921 года, который не двигался через близкой (кавказской дороге), выходящей к враждебному государству, а через территории Саманидской державы и Великой степи. Во главе данного посольства, в распоряжении которого были не только шелковые изделия, но и другие дорогие подарки, стоял некий Сусан ар-Расси, а секретарем был назначен Ибн Фадлан, написавший ценные мемуары по его итогам. Анализ этого «Путешествие Ибн Фадлана» свидетельствует о том, чтобы утвердить в далеком северном государстве (на границе Европы и Азии) ислама аббасидский прибегает к инструментам шелковой дипломатии, который способствует к утверждению новой религии среди одного из

многочисленных кочевых племен (волжских булгар). Шелковая дипломатия, столетия практиковавшая по маршрутам международных торговых путей, на этот раз выходит далеко за его пределами (на север), где также способствует беспрепятственному прохождению дипломатической миссии между многочисленных кочевых племен, исповедующих различные верования и образа жизни, включая разбои и набеги¹.

Стремительное завоевание мира арабами проходило не только через пустыни, т.е. сухопутным путем, но и с использованием морских средств передвижения. Если доарабской эпохи к нам доходили отголоски редких морских путешествий по Индийскому океану с выходом в Тихий океан до берегов Китая, то в исламский период морское (торговое) сообщение становится не только регулярным, но и масштабным. Если в предыдущей эпохе морские сообщения, начиная от Тонкинского залива (совр. Ханой) через Индокитай попадали в бассейн р. Ганг, а через него сухопутным путем связывался с портами в устье р. Инд, то теперь морские суда, двигаясь муссонными ветрами через Тапробана (Шри-Ланки), как переволочная (и опорная) база и, огибая Индустанский полуостров целиком, переходя Индокитай, попадали в южные порты Танского Китая.

Несомненно, что арабы начали освоения морей с первых годов создания халифата, что подтверждается словами одного из исследователей морской тематики, который сообщает как о морских военных экспедициях арабов, так и торговых экспедициях с опорой на порты Персидского залива в другие порты Индийского океана².

Безусловно, арабы не могли не заботиться о навигации по Красному морю, находящееся в непосредственной близости к “сердцу” Аравии, куда среди прочего доставлялись, в первую очередь, продовольственные товары для первого политического центра халифата. Согласно сообщению российского исследователя: “житница древнего Средиземноморья и

¹Ахмед ибн Фадлан. Книга о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. / <https://www.vostlit.info/Texts/rus16/Fadlan/text.phtml?id=6123> дата обращения 11.04.2023.

²Шумовский Т. А. Арабское мореплавание в пору ислама// Страны и народы Востока. Вып. 1959. -С. 147.

Передной Азии- Египет- был важным приобретением для пустынной Аравии. После недорода в Хиджасе (оазис в западной Аравии-М.А.) вызвавшего в 641 г. голод по приказу Омара (второго халифа арабов- М.А.) был восстановлен древний канал Нилом и Красным морем, и 29 кораблей сразу же доставили в столичный порт Джар 60 тыс. ардабов (= 118 620 гектолитров) зерна. Египетский хлеб продолжали вывозить по этому каналу-кратчайшему и дешевому пути- в Аравию до 718 г. После этого он пришел в запустение, а при аббасидском халифе ал-Мансуре (754-775) был закрыт из-за опасения перед возможностью проникновения византийского флота в Красное море. Это же опасение заставило Омара еще в 40-х годах VII в. отвергнуть проект Амра ибн ал-Аса (командующий западной армией халифата- М.А.), который первым в истории человечества предложил идею прорытия Суэцкого канала от Фарама на Средиземном море до Занаб ат-Тимсаха на озере, тяготеющем к Красному морю”¹.

Этому грандиозному проекту по соединению Средиземноморья с Красным морем не суждено было реализоваться вовремя, так как Византия, проигрывая сухопутные сражения, нередко брала верх в морских баталиях. Поэтому первые халифы позаботились о безопасности священных городов (Мекку и Медины) всего арабского Халифата, так как столичная гавань Джар, куда бесперерывно поступали продовольствие и предметы роскоши для правящего дома, могла быть уязвимым перед византийским военным флотом. Поэтому в скором времени столичная гавань Джар в Красном море уступила свое место портам халифата в Персидском заливе, где арабы наряду с иранцами, выступили преемниками сасанидского мореплавания в далекий Китай.

Вот как описывает переход первенства в морской торговли от Красного моря к Персидскому заливу американский специалист Э. Шефер: «с VII- IX в. Индийский океан был богатым и безопасным бассейном, заполненным парусниками самых разных народов. Аравийское море находилось под

¹ Там же. -С.149.

контролем мусульман, и когда при Аббасидах столица Халифата была перенесена из Дамаска в Багдад, связанный с Персидским заливом рекой Шатт-эль-араб, торговля с Востоком стала весьма процветающей. Арабский город Басра был ближайшим к Багдаду портом, но большие корабли не могли подниматься до него по реке. Ниже Басры, уже на берегу залива, находился старый порт Убуллах, служивший еще царям Ирана. Но самым богатым городом Персидского залива был Сираф (на восточном побережье, ниже Шираза)... Из этих портов отчаливали суда разных народов, но укомплектовывались они персоязычными командами: персидский язык служил *lingua franca* (языком международного общения- М.А.) на Южных морях, точно так же как согдийский – на караванных дорогах Центральной Азии»¹.

Таким образом, как мы наблюдаем, что центр торгового флота Халифата было концентрировано, в основном, на Персидском заливе и Индийском океане. Бассейн Средиземноморье стал местом концентрации, в основном, военного флота халифата, а также местом многочисленных морских сражений между ними и различных военных конгломераций и конфигураций, когда прибрежные арабские государства воевали между собой, призывая византийский флот на подмогу. А уникальное местонахождение Константинополя в узком (Босфорском) проливе не допускало арабский флот к Черному морю, которое играло роль “внутреннего водоема” Византийской империи.

Согласно мнению специалиста морской тематики: ”арабская средиземноморская навигация последующих веков в значительной степени пыталась накопленной инерцией, однако обслуживание экономических потребностей мелких государств Средиземноморья и постоянные перевозки паломников позволили ей, уже в несколько иных формах, дожить до прихода

¹Шефер Э. Золотые персики Самарканда. -М.: « Наука», 1981. -С. 26-27.

турок, которые в сравнительно короткий срок перехватили инициативу в свои руки”¹.

Многие специалисты отмечают, что в танском периоде в морской торговле преобладали персидские и индийские суда, а собственно китайские суда не плавали в дальние расстояния»². Такой точки зрения придерживается и другой исследователь: «анализ материалов и источников привел нас к выводу, что ранее X в. сами китайцы не плавали на своих судах ни в Индию, ни в Персидский залив и что вообще ранее X в. они не плавали дальше Суматры и Явы»³.

Обширный исламский халифат, разработав собственный подход к обмену дарами и шелковой дипломатии, расширил ее горизонты, активно включая и морского маршрута интенсивной навигации через Индийский и Тихого океана до китайских портов.

Основная заслуга Аббасидского халифата в широком распространении шелковой дипломатии в том, что создав обширной державы с унифицированным законодательством, стимулировал мировой торговли и дипломатии. Огромная территория с границ Китая до юга Франции через северной Африки на западе и до границ Китая на востоке, позволил выходу шелковой дипломатии на новый уровень. Были поддержаны регулярные дипломатические не только традиционные международными партнерами, но и охватили шелковой дипломатией многочисленные племена, расположенные на севере от международных сухопутных торговых путей (Волжская Булгария). А морские порты Индийского океана также получили поддержку стороны халифата и его наместников на местах для совершения морских перевозках в Индию, страны Юго-Восточной Азии (Ява и др.).

А налаживание и поддержание шелковой дипломатии между Аббасидским халифатом и Священной Римской империей привели к снижению интенсивности религиозных войн между ними и способствовали

¹Шумовский Т. А. Арабское мореплавание в пору ислама// Страны и народы Востока. Вып. 1959. -С. 163.

²Шефер Э. Золотые персики Самарканда. -М.: «Наука», 1981. -С. 27.

³Вельгус В.А. Средневековый Китай. -М.: «Наука», 1987. -С.34.

межрелигиозным обменам. Свободное посещение гроба господни в Иерусалим, разрешенный со стороны аббасидского халифа на несколько лет отсрочили крестовые походы.

По мере разрастания Аббасидского халифата в пределах трех континентов в его составе появились первые полу самостоятельные и самостоятельные государства, которые переняли от него, среди прочего, и практику шелковой дипломатии.

3.2. Роль государственных образований Центральной Азии в поддержании шелковой дипломатии (IX- XVI вв.).

К моменту завоевания Вароруда со стороны арабов в Центральной Азии Тюркский каганат уже распадался на части и в регионе существовали многочисленные княжества, среди которых выделялась небольшая, но богатая Согдиана.

Общеизвестно, что предки таджикского народа, особенно, согдийцы внесли весомый вклад в становлении и расширения шелковой дипломатии и тесно связанной с ней трансконтинентального торгового пути. Поэтому их язык превратился в язык межнационального общения (*lingua franca*) вдоль маршрутов этого международного торгового пути. Упорное сопротивление Согдианы, одного из древнейших таджикских культурно-исторических областей, арабскому нашествию, было также, во многом, связано желанием сохранения своего торгово-экономического доминирования в восточных маршрутах этого международного торгового пути.

Согдийская торговая предприимчивость с опорой на мощное местное ремесленническое производство была широко известно всем народам древности и раннего средневековья, одну из примеров мы наблюдали выше в отправке торгового посольства тюркских каганов во главе с согдийским купцом Маниахом в столицу Византийской империи. Следующим примером может послужить характеристика согдийцев одним из знаменитых китайских (буддийских) монахов Сюань- цзань «и отцы и дети помышляют о выгоде,

богатство – в большом почете. Между знатными и простолюдинами с виду нет разницы- несмотря на большие богатства, они одеваются и питаются очень просто. Земледельцев и торговцев здесь поровну».¹ Другими словами, когда этот буддийский паломник странствовал в начале VII века из Китая в Индию через Центральной Азии и Хорасан, торговцы Согдианы были многочисленными и составляли большое сословие в государстве, составляя почти половину населения.

Здесь можно провести некоторой параллели в действиях правителей Мекки и Согда. Если фактический правитель Мекки Абу-Суфьян долго противился созданию исламского общества и государства, видя в нем угрозы транзитному потенциалу своего священного города, то его сыновья и внуки, получили большую выгоду, став мусульманами и создав первую династийную империю-Омейядский халифат в Дамаске. Так и согдийские цари, видя угрозы себе и своим многочисленным торговым колониям вдоль шелкового пути со стороны арабского вторжения с флагом чужой религии, упорно сопротивлялись им, призывая на помощь всех своих союзников. Позже, после создания своих этнодинастийных государств, они вернули свое доминирующее положение в шелковой дипломатии дальнего действия.

Согдийцы на востоке, соседствовали с уйгурами², которые создали на севере Китая свое централизованное государство на руинах Тюркского каганата. Они оказав поддержку императорскому правительству в подавлении мятежа военачальника Ан-Лушана получили в итоге громадные материальные выгоды. Добыча, дань и пограничная торговля обеспечили на некоторое время мир в каганате и авторитет династии³. Ранее они входя в разносторонние контакты с китайцами, среди прочего, также хорошо усвоили навыки и умения шелковой дипломатии.

¹ Сюань-цзан. Записки о Западных странах [эпохи] Великого Тан (Да Тан си юй цзи). –М. “Восточная литература”. 2012. -С. 40.

² Шефер Э. Золотые персики Самарканда. -М.: « Наука», 1981. -С. 37, 40.

³ Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Государства и народы Евразийских степей. – СПб, 2004. -С. 114.

Повсеместное увлечение религиозными учениями, которое охватило весь ареал функционирования шелкового пути, затронуло и уйгуров. Уйгурский каган после освобождения восточной столицы (Лоян) Танской империи от мятежников ознакомился с новой религией - манихейство согдийцев –миссионеров и принял его доктрину. Он вернулся в свою столицу в Ордубалык (в Орхоне) не только с несметной добычей, но и новым религиозным учением- манихейством. От согдийцев они приняли не только новую религию, миссионеры которых были грамотными людьми, но и письменность. Эта письменность пережила уйгурскую государственность, и она через уйгурской и монгольской передачи дошла и до маньчжуров.

Однако манихейское учение правителей не пришлось по душе всему населению каганата, когда брожение умов привело к противостоянию¹.

Несомненно, смена политики каганата, когда вместе покровительства транзитной торговле преобладало ограбление согдийских и тюркских общин, не могла продолжаться долго. В итоге торговые города Притяньшанье восстали и активизировались карлуки и тибетцы, которые нанесли уйгурам ряд чувствительных ударов. Вскоре была восстановлена религия. А участок шелкового пути, углубленный на север от Джунгарии в стороны Орхона и получивший название “уйгурская дорога”, был восстановлен.

Однако во время междоусобицы и общественных катаклизмов активизировались енисейские кыргызы, которые постепенно наращивая натиск, в 840 г. взяли столицу каганата Ордубалык.

Предки кыргызов, первоначально обитавших в верховьях реки Енисей, были известны древним китайцам. Впервые древние кыргызы были зафиксированы в письменных источниках древности, а именно в главе 110 “Повествование о сюнну” Исторических записок Сыма Цяня: «После [описанных событий сюнну] на севере подчинили племена хуньюй, цюйшэ, динлин, *гэкунь* (подчеркнуто- М. А.) и синьли². Именно племена *гэкунов*,

¹ Там же. -С. 115.

² Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. VIII. – М.: «Восточная литература», 2002. -С. 331.

проживавших в лесистых местностях Хакасско-Минусинской котловины, многие исследователи (Таскин и др.) считают предками современных кыргызов. Российский (советский) исследователь С. В. Киселев, опираясь на китайские монеты из известного Минусинского (Южносибирского) музея, реконструировал историю кыргыз и их взаимоотношения с Китаем¹.

Однако данный подъем кыргызского господства продолжился чуть более полвека и в начале следующего (X) столетия они под натиском новых хозяев восточной части Великой степи –киданьев стали отходить на запад, постепенно доходя до западных частей Тян-Шаня, Памира, Хафтруда и сопредельных районов высокогорья.

А уйгуры, отступая в сторону Таримского бассейна, распадая, создали ряд небольших княжеств в Турфане, Ганьчжоу и Куче. Уйгуры, до сих пор жившие северо-востоке от оживленных маршрутов шелкового пути, в абсолютно большинстве кочевым образом жизни, со второй половины IX в. были вынуждены наряду с традиционным образом жизни, адаптироваться к новому непривычному (городскому и коммерческому) образу жизни. Переходя к оседлой жизни и постепенно сливаясь с местным населением, уйгуры наравне с древним населением, говорившим на индоевропейских языках, согдийцами и также многочисленными тюркскими племенами, становились равноправными участниками процесса формирования нового народа, населяющего Таримского бассейна. Они, приобщаясь к торговле, играли в ней второстепенную роль. Крупные операции внутри страны, а также международная торговля еще долго оставались в руках согдийцев².

А Саманиды, преемники согдийцев в престоле Согдианы и шелковой дипломатии в межгосударственных отношениях того времени, получили максимум выгоды от транзитного расположения своей державы. Они, расширив ее на север (Исфиджаб) и на юг (Систан), установили полный

¹ Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. - М.: Изд-во АН СССР, 1951. -С. 591-592.

² Малявкин А.Г. Уйгурские государства в IX-XII вв. – Новосибирск, «Наука», 1983. -С. 251.

контроль над всеми (тремя) маршрутами и узловыми пунктами сухопутного торгового пути.

В начале IX в. по всему огромному исламскому миру наблюдалось образование этнодинастийных и этнонациональных государств, которые, признавая духовную власть багдадских халифов (и получая от них инвеституры для правления), в подвластных территориях стали править самостоятельно. Одними из первых таких централизованных государств на востоке халифата было государство Саманидов, созданное представителями древнего благородного рода бактрийских таджиков. Это государство выделялось своим меценатством в науке, культуре, искусстве, поэзии и других сфер человеческого творчества не только в восточной части халифата, но и по всему исламскому миру. Солидной экономической базой этого таджикского государства выступили торгово- ремесленнические города древней Согдианы, Бактрии, Мерва, Ферганы, Хафтруда.

С 840 г. саманидский эмир Нух ибн Асад, совершив поход против хафтрудских тюрок и завоевав оазис Исфиджаб (через которого проходил северный маршрут шелкового пути), положил началу жесткого противостояния между Саманидами и Караханидами за доминирования в хафтрудских и варорудских торговых городах и маршрутах, которое продолжалось более полутора столетия.

К началу X в. ислам, доминирующий в Вароруде уже почти 200 лет, постепенно охватил все сферы жизнедеятельности людей. Эта религия, впитавшая в себе в начальном этапе своего развития все достижения науки, техники и культуру исламского мира, стала оказывать также мощное воздействие в окружающий Вароруд с севера кочевой мир.

Теперь в новых условиях, обширная Саманидская держава, пришедшая на смену небольшого Согдийского царства, установившего контроль над узловыми центрами шелкового пути, по сути, выступила правопреемником его исторической миссии, поднимая ее до глобального масштаба.

Необходимо подчеркнуть, что основную статью пополнения казны государства Саманидов за более сто лет своего славного правления составляла не грабительские набеги и вторжения в соседние государства или чрезмерный налоговый гнет своих подданных, а планомерное установление и удержание контроля над сухопутными маршрутами Великого шелкового пути на территории Турана, Хорасана и Бактрии (Тохаристана) с максимизацией таможенных пошлин. По сообщению известного американского ираниста Ричарда Фрая одной из важных источников пополнения казны Саманидов была работорговля из тюркских рабов, которые к этому времени высоко ценились в Багдаде.¹ Общеизвестно, что халиф Муътасим (833-842 гг.), чтобы противопоставит власти хорасанской гвардии, стал рекрутировать из пленных тюркских рабов (Турана) собственной гвардии. Данная практика впоследствии получила широкое применение не только в столице халифата, но и его перифериях от Саманидов на востоке до Фатимидов и последующих государств на западе. Поэтому огромный спрос на тюркских гулямов из-за их высокой выносливости и воинских качеств соответственно привел к оживленной работорговле ими и так как основным источником их поступлений из Великой степи, граничащей с Саманидской державой, приносили ее казне баснословные поступления.

Несомненно, основными источниками поступления Саманидов была и оставалась международная караванная торговля с Китаем. К времени возвышения Саманидской державы Танская империя Китая находилась на зените своей славы. В столице которой «иранское население были многочисленным» и «Танское правительство даже имело Ведомство сартхаваков (буквально, «погонщиков караванов»), чтобы блюсти их интересы»².

¹ Frye R.N. The Samanids.// The Cambridge History of Iran. V.4. –Cambridge University press, 2008, p. 150.

² Шефер Э. Золотые персики Самарканда. - М. «Вост. лит.», 1981.с. 37

Создание и функционирование специального ответственного правительственного ведомства, которое регулировало деятельность караванной торговли, где доминировали согдийцы, свидетельствует не только о важности данного вида международной торговли для Танской империи, а также ее размахе в годы возвышения Саманидской державы.

Здесь необходимо подчеркнуть, что В. В. Бартольд предполагает, что именно из этого санскритского термина “сартхавак” (“sarthavaha” или “sarthabaha”), означающий “погонщик караванов” берет начало название “сарт”, который впоследствии, выходя из узкого понятия “торговец”, стал нарицательным именем всего оседлого городского населения Вароруда. Согласно его мнению: «в турецкой литературе XI века встречается слово “сарт”, но не в качестве народного названия, но как нарицательное имя, в смысле “купец”. Монголы в XIII в. употребляли образованного от этого корня слова «сартак» и «сартаул» в смысле «таджик» и «мусульманин», причем называли “сартаками” не только иранцев, но и турок-мусульман. Отуреченные потомки монголов в Туркестане (Вароруде- М. А.) в конце XV века употребляли слово «сарт» в смысле «таджик», противопоставляя язык и литературу сартов языку и литературе тюрок».¹

На наш взгляд, название «сарт», появлявшийся примерно одновременно с этнонимом “точик” («таджик»), выходя из узкопрофессионального назначения, распространяясь на представителей таджикского оседлого и городского населения Вароруда, пережило эпоху шелковой дипломатии и дожило до начала XX века. Оно, положительно дополняя этнонима «точик», одновременно подчеркивало его традиционный образ жизни, а также его торгово-дипломатические навыки и культуртрегерскую функцию.

А распространение среди кочевых тюркских племен и народов новой религии- ислама была заслугой государства Саманидов, первого централизованного государства таджиков в Центральной Азии.

¹Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. -Л. Изд. АН СССР. 1927, с 18-19.

Идейно-политическую ситуацию кочевого мира Хафтруда того времени описывает современный исследователь, который подчеркивает о мощном воздействии оседлой (мусульманской) культуры на обитателей степи и как основной путь вхождения в хозяйственно-культурные регионы Средней и Передней Азии ¹.

Во времена государства Саманидов его политическим центром стала Бухара, которая не только перехватила статус центра всей Согдианы и всего Вароруда от Самарканда, но и после распада Танской империи, превратилась в самого известного города от Чанъани на востоке до Багдада на западе.

Эта династия аккумулировала в себе не только многолетние традиции громадной дипломатической и торгово-ремесленнической практики древней Согдианы, но и древнейшего и древнего периода героического (доисламского) всего культурного Ирана, но и создала благоприятнейшее условие для глубокого переработки всего культурно- исторического багажа таджикского народа, результатом которого, безусловно, стало творение «Шахнамэ» Абулкасима Фирдоуси и творчество великого Рудаки.

Лучшую характеристику дал известный ученый: «на Востоке...было таджикское государство Саманидов, известное благодаря активной внешней торговле и блестящей культуре.... Именно таджиков возглавляла местная династия Саманидов и созданная им культура блистала- как алмаз, по сравнению с которой все прочие –оправа»².

Во время правления Саманидской династии согдийские и хорасанские торговцы- дипломаты доминировали не только на восточной окраине великого шелкового пути, но они доходили очень далеко до его западных окраин-мусульманской Испании. О чем информирует нас известная в исторической науке явления как «еврейско-хазарская переписка». Эта переписка состоялась между еврейским сановником испанских (андалузских) халифов Хасдая ибн- Шафрута и хазарским царем Иосифа (Хазарский

¹Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Государства и народы Евразийских степей. – СПб, 2004. -С.119.

²Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. -М., «Мысль», 1992. -С.208.

каганат, расположенного в X в. европейском побережья низовья реки Волги). Она сообщает нам о ценнейшей информации о том, что многочисленные караванные торговцы (сартхаваки) из Хорасана и соседних стран достигали далекой Испании со своими различными товарами, распространяя идей и ценностей шелковой дипломатии до государств, расположенных у берегов Атлантического океана¹.

Как вытекает из этого письма испанского сановника таджикские (хорасанские) торговцы в годы расцвета Саманидской державы охватили такую дальнюю страну, как Андалусия в Пиренейском полуострове. Самое интересное то, что сообщение о существовании процедуру «подносить приношения» и «искать расположения посредством даров», как ключевые инструменты шелковой дипломатии свидетельствует о том, что они уже практиковались в самой западной окраине обитаемого мира. Эти процедуры, благодаря их поддержания таджикскими торговцами, они стали универсальными торгово-дипломатическими процедурами во всем мире, так как их также придерживались торговцы из Западной и Восточной Европы, а также из Византии, посещающих далекую Испанию. Косвенным свидетельством данной мысли является сообщение о далеком Хазарском государстве этот андалусский (еврейский) чиновник получил от торговцев-дипломатов Хорасана².

Как стало известно, что во время Саманидской державы торговцы из Вароруда и Хорасана, успешно продолжая торговую практику Согдианы, постепенно стали расширять ее не только в традиционном восточном направлении шелкового пути. Они, умело воспользовавшийся обширностью исламского халифата, охвативший и северной Африки и Пиренейского полуострова, стали осваивать и его западные окраины шелкового пути, доходя до берегов Атлантического океана. Таким образом, в годы правления Саманидской державы таджикские торговцы установили свой

¹Коковцев П. К. Еврейско-хазарская переписка в X веке – Л., Изд. АН СССР, 1932, -134 с.

²Коковцев П. К. Еврейско-хазарская переписка в X веке – Л., Изд. АН СССР, 1932. -С. 63.

контроль по всему сухопутному маршруту Великого шелкового пути, от берегов восточного (Тихого) океана до западного (Атлантического) океана, тем самым создав единую систему мировой торговли средневековья.

Вскоре бывшие соседи Саманидской державы государства Караханидов и Газневидов, испытавшие на себя мощное культурное влияние первых, выступили преемниками их великолепного наследия.

Выступление Караханидов из степи в культурные города Саманидов в Вароруде привели в движение и другие кочевые племена- сельджуков и кипчаков. Сельджуки, степные союзники Саманидов, принявших от них новую религию- ислам, не смогли оказать содействие своим оседлым союзникам (в их войне с Караханидами) и отошли в Хорасан. Отсюда началось их грандиозное шествие на Запад, имевшие колоссальные последствия.

Градостроительство Караханидов было их вкладом в шелковой дипломатии, так как они не только контролировали маршруты торговых путей, но отличились строительством множества каравансаров по пути следования торгово-дипломатических караванов.

Отличительная черта Сельджукидской империи от других мировых (восточных) держав состоит в том, что это единственное мощное государство, которое в кульминационном этапе своего развития (при правлении султана Маликшаха (1072-1092 гг.) смог установить контроль над сухопутной частью шелкового пути от Палестины (портов восточного Средиземноморья) до Ферганы (современных границ Китая, производителя шелка).

Выход Сельджукидов в восточное побережье Средиземноморья (порты Палестины и Сирии), находящихся под властью Византийской империи, после сокрушительного поражения самого императора Романа IV Диогена (при битве под Манцикертом), сделал их хозяевами обширных пространств от Ферганы до Палестины. За меньше чем в одно столетие (999-1092) сельджуки, ранее контролировавшие короткий маршрут северного

караванного пути в низовьях Сырдарьи, теперь стали господствовать над всеми сухопутными маршрутами Великого шелкового пути от западных ворот Китая до конечного пункта (порты восточного Средиземноморья)¹.

Их выход к Средиземноморью всколыхнул весь Запад, который организовал серии военно-экспедиционных походов, известные в истории как «крестовые походы». Здесь мы не будем рассматривать военные и военно-политические процессы во время крестовых походов, когда основное бремя борьбы с крестоносцами также ложилось на плечи туркмен-сельджуков (в союзе с курдами и другими мусульманскими народами Леванта), а акцентируем внимание на влиянии восточных традиций на последующую общественную жизнь народов Запада, как в материальном, так и духовном плане.

Тесные контакты с восточной цивилизацией, воедино соединенной арабо-иранским и тюркским компонентами, расширили горизонты «латинян», приобщившихся на Востоке к более высокой культуре. Данное приобщение оказало колоссальное воздействие на эстетические вкусы, нравы, быт и обычаи ведущего европейского сословия – рыцарства. Впоследствии крестовые походы, приведших к появлению малых христианских (рыцарских) государств в Малой Азии и установивших регулярные связи большинства европейских государств с ними, торговый обмен с Востоком приобрел регулярный характер (минуя византийского и венецианского посредничества). Если в первоначальном этапе данного товарного обмена преобладали экзотические товары из стран Леванта как пряности, красители, дорогие товары как атлас и парча, ювелирные изделия, оружие и т. д., то постепенно в нем видное место заняло сукно из Западной Европы (из Англии, Фландрии, Франции, Италии и т.д.), которое, в свою очередь, стимулировало материальное производство в этих странах.

Регулярный товарообмен Запада с Востоком коснулся и научной сферы. Мусульманский мир данной эпохи превосходил европейцев по

¹Мамадазимов А. Политическая история таджикского народа.- Душанбе, «Дониш», 2000. -С. 150-151.

уровню философских и естественнонаучных знаний, который сохранил в переводах часть греческого философского наследия, утраченного в Западной Европе. В XII-XIII западные монахи стали активно переводить с арабского языка трактаты по философии, математике, медицине, астрономии. В европейских университетах началось широкое увлечение аристотелизмом. Некоторые ученые утверждают, что существует большая вероятность ознакомление европейцев с ветряными мельницами в Сирии, которые широко распространялись в северной части континента, превратившись в неизменную часть местного пейзажа.

А сами туркмены, выступившие катализатором данных глобальных трансформаций, не остановились в восточных берегах Средиземноморья и попали в поле зрения исследователей и на западных берегах этого моря, отделяющий Европу от Африки, тесно связанной с процессами в азиатском континенте¹.

Туркмены-огузы, воодушевленные своими успешными походами в западные края, не останавливались на восточном берегу Средиземноморья (в Малой Азии), а осуществляли далекие сухопутные торговые операции из Центральной Азии, достигая и Пиренейский полуостров через всю северную Африку.

Если вернемся в Вароруд и Хорасан, то нашествие центральноазиатских киданей, предпочитающих насильственных действий и набегов, вместо шелковой дипломатии, без того осложнили этнополитическую ситуацию и культурное состояние в регионе.

На развалинах империи Сельджукидов со второй половины XII в. было образовано государство Хорезмшахов, которое охватило не только Вароруд, но и Хорасан и Иран. Во время последнего хорезмшаха Алаадина Мухаммада (1200-1220 гг.) государство достигло наибольшего расцвета².

¹Гойтейн С. Изменения на Ближнем Востоке (950-1150) в свете документов каирской генизы // Мусульманский мир (950-1150).- М.: «Наука», 1981, с 40-41.

²Артемов И.В. Средняя Азия в III-XIII вв.// История Востока. Т.П.-М., «Восточная литература», 1995. -С. 268.

В период правления государства Хорезмшахов, наряду с другими достижениями, шелковая дипломатия и великий шелковый путь достиг последних успехов, в основном, на западе, поддерживая устойчивую караванную торговлю с далекой Испанией. На востоке местные (хорезмийские) торговцы освоили новые маршруты через северные степи, доходя до «взволнованной» Монголии. Именно освоение внутренних районов монгольских степей со стороны мусульманских купцов вкупе с восточным расширением власти Хорезмшахов послужили причиной обращения своего внимания на Запад нового могущественного хана Монголии Чингисхана.

Однако одностороннее доминирование военной тюркской знати (обладателей икты) в государственном управлении (без учета интересов духовенства и других культурных слоев), предрасположенные более к центробежным тенденциям (в ущерб центростремительным силам купечества), во многом, определило дальнейшее (трагическое) стечение обстоятельств крушения этого могущества.

Известная Отрарская катастрофа (1218 г.), когда была перебиты монгольские торговцы, среди которых были немало мусульман, среди прочего, вскрыла кризиса традиционной «шелковой дипломатии». Наместник Отрара, близкий родственник хорезмшаха, не довольствуясь с традиционным подношением иностранных купцов-дипломатов, стал экспроприировать все их товары, абсурдно обвиняя их в «шпионаже». Эта катастрофа еще раз демонстрировала народам и правителям обширной Евразии о востребованности шелковой дипломатии, когда межгосударственными споры должны решаться, в первую очередь, через дипломатические усилия с традиционным подношением другу к другу шелка и шелковых материй в качестве фактора и символа уважения друг к другу.

Вскоре монголы со своей стороны также демонстрировали предпочтения к насильственным действиям, когда попытка поддержания шелковой дипломатии с западной державой не дала первичного результата.

Интересный исторический факт: монголы, практикующие грабительские набеги и экспроприации богатств оседлых народов, при воздействия богатых купцов, перебежавших к ним от Хорезмшахов и других недальновидных правителей, первоначально склонились к шелковой дипломатии на западе. Но и здесь (Центральной Азии), где была первоначально в мировой истории апробирована шелковая дипломатия, впервые обнаружился кризис данной дипломатии.

Монголы, верные традициям степной вендетты, всю ярость от Отрарской катастрофы бросили на жителей мирных городов Вароруда и Хорасана. За это они, хозяева региона, впоследствии заработали наименование «джетэ» - «разбойники»¹.

Вскоре между монголами, разделенные на «джетэ» и «караунасы» («метисы» или «перешедшие в ислам») началась упорная борьба, где победили вторые².

Вскоре к власти (на монгольском курултае) пришел правитель Шахрисабза эмир Тимур, который быстро централизовал власть не только в Вароруде, но присоединил к нему крупные сопредельные регионы³.

Хотя Эмир Тимур был представителем отуреченного монгольского племени барлас, то он не мог не учитывать национальный подъем местного оседлого населения (таджиков), проявленного в движении сарбедаров, поэтому он всей своей последующей политике соблюдал устоявшийся таджикско-тюркский дуализм. По мнению российского исследователя: «Для расширения базы своей власти он привлекал на свою сторону всякого рода пожалованиями и льготами местных крупных землевладельцев, мусульманское духовенство, богатых купцов»⁴.

Анализ более 20-летних завоевательных походов этого грозного завоевателя, где были, в том числе массовые убийства, показывает, что он

¹Мамадазимов А. Политическая история таджикского народа.- Душанбе, «Дониш», 2000. -С. 177.

²Там же. -С. 180

³Ашрафян К.З. Тимур и Тимуриды в Средней Азии.// История Востока. Т. II.-М., «Восточная литература», 1995. -С. 443- 451.

⁴Ашрафян К.З. Тимур и Тимуриды в Средней Азии.// История Востока. Т. II.-М., «Восточная литература», 1995. -С. 444.

стремился превратить торговый город Самарканд в столицу всего населенного мира, куда тянутся многочисленные караваны, нагруженные различного рода товарами. Цель, как у императоров Тан была благородна, однако методы были не только мирными (производство шелка, фарфора и других востребованных товаров), но и насильственными. Среди прочих целей его многочисленных военных походов была, несомненно, одна – с уничтожением конкурентных торговых узлов, перенаправлять торгово-дипломатических караванов в Самарканд. Так было с Золотой Ордой (1395 г.), разгром которой привел к переориентации караванных дорог от северного маршрута к центральному в Вароруд, а захват Багдада (1393 г.), стала ликвидация конкурирующего торгового центра и т.д.¹.

Его военный поход в Ближний Восток, в начале XV в., как поход Великих Сельджуков трехсотлетней давности (последняя четверть X в.), вызвал большой интерес к нему и его государству во дворцах правителей Европы, куда эмир отправил посольства с «подарками»².

Совпадение интересов эмира Тимура и европейских венценосцев свидетельствует о том, что османы, выходя на проливы, стали не поддерживать, а, наоборот, разрушать многовековую торговлю в Средиземноморье и Малой Азии, что не могло устраивать две стороны (Европу и всю Азию), кровно заинтересованных в этой торговле. Разгромив османов, эмир Тимур хотел восстановить традиционные сухопутные маршруты шелкового пути, функционированию которых угрожали их завоевательная политика. После устранения османской угрозы над торговыми караванами на Самарканд на западе он запланировал завоевания Китая, что, среди прочего, подразумевал восстановления восточных маршрутов шелкового пути. Однако эта цель осталась не реализованной, так как во время начала китайского похода, когда его огромное войско, переходив на правый берег Сырдарьи, входил в Хафтруд Эмир Тимур

¹ Ашрафян К.З. Тимур и Тимуриды в Средней Азии.// История Востока. Т. II.-М., «Восточная литература», 1995. -С. 447.

² Там же. -С. 448.

скончался (1404/05 г.). После его смерти, только его сыну (Шахрух) и внукам (Байсункар и Улугбек) удалось на время сохранить ценности шелковой дипломатии, когда мирная жизнь и дипломатические переговоры преобладали над феодальной междоусобицей.

По мнению специалиста: «в стремление укрепить свою власть Шахрух опирался преимущественно на таджико-персидскую землевладельческую знать, в частности на гражданскую бюрократию. Тесные узы связывали его с мусульманским духовенством. Например, шейхами суфийского ордена накшбендие. Это снискало ему славу идеального мусульманского государя»¹.

Однако после смерти Шахруха (1447 г.) активизировались военачальники, привыкшие к набегам и военным трофеям и фанатично настроенные духовенства, которым не по душе были научные изыскания правителя, которые объединились против эмира Улугбека, олицетворяющего собой последнего крупного ученого мужа и мецената ученых в Вароруде. Его убийство по дороге в Мекку (в хадж), отправленного по решению новых властей и разгром его обсерватории олицетворяло собой завершение прославленной эпохи шелковой дипломатии в Вароруде и начало бесконечных междоусобиц, набегов кочевников и дворцовых переворотов.

Создание и успешное функционирование крупных централизованных государственных образований в Центральной Азии (от Саманидов до Тимуридов), обладающей уже столетиями традиций и практики шелковой дипломатии, в новых условиях, когда обширные территории государств обеспечивали долгосрочной относительно мирной жизни и высокой покупательской способности местного населения, выступили крепким фундаментом для расширения практики применения шелковой дипломатии. Несмотря на создания местного шелкоткацкого производства в западных странах, увеличения населения, выделения большого количества обеспеченных слоев и многочисленной имперской бюрократии, основных

¹Ашрафян К.З. Тимур и Тимуриды в Средней Азии.// История Востока. Т. II.-М., «Восточная литература», 1995. -С. 449.

потребителей шелка и шелковых материалов, актуализировала дипломатическо-торговых миссий с востока на запад и в обратном направлении с другими предметами роскоши.

3.3. Усовершенствование шелковой дипломатии со стороны Танской империи Китая (VII- X вв.).

Образование централизованного государства Тан в Китае во времени опередил создания Арабского халифата. Согласно мнения современного российского исследователя: «бывшему наместнику суйского двора в г. Тайюань, Ли Юаню, провозгласившему себя в 618 г. основателем династии Тан, и его сыну Ли Шиминю удалось стабилизировать положение и к 628 г. полностью подавить восстания и мятежи. Именно при этой династии (618-907) складываются тот тип имперского управления, который вплоть до нового времени оказывал большое влияние на всю политическую систему Китая»¹.

Централизация власти, реформа во всех сферах жизнедеятельности людей, включая государственное управление, введение государственных экзаменов для госслужащих, земельная и военная реформа и способствовала тому, что страна быстро стала на ноги и превратилась в одну из центров мировой экономики и торговли.

Империя Тан возродила практику империи Хань по созданию наместничества и военно-поселенческих центров в Западном крае (в Таримском бассейне). Эта политика способствовала обеспечению бесперебойных торгово-дипломатических сношений танского Китая с его западными соседями по сухопутному маршруту.

Тан также возродила ханьской традиции шелковой дипломатии дальнего действия, отправляя дипломатические миссии не только в соседние,

¹Бокщанин А. А. Китай в конце VI- начале X в. // История Востока. Т.II. -М.: «Восточная литература», 1995. -С. 158.

но и в дальние страны, также принимая посольства или торгово-дипломатические миссии со всего населенного мира.

Широкому распространению дипломатических связей не оказала отрицательное влияние также традиционная древнекитайская концепция «Поднебесная - центр мира, окруженного варварами четырех сторон», которая ставила китайского императора выше всех в международной властной иерархии, а подарки иностранных дипломатических миссий воспринимались как завуалированная форма дани. Вероятно всего, большинство иноземных посольств, особенно, из дальних стран, не вникая в глубинную сущность данной внешнеполитической доктрины, размышляющих, в первую очередь, о чрезвычайно выгодной торговой сделки внешне (формально) принимали данный китайский церемониал.

Емкую и точную характеристику периодов господства централизованной империи Тан в Китае дает известный исследователь Эдвард Шефер: «седьмой век для Китая был столетием завоеваний и колонизации... Китайские гарнизоны, размещенные на завоеванных землях, обеспечивали постоянный приток оттуда в Китай людей и товаров... И, наконец, это был век, когда вкус к всякому рода иноземной роскоши и диковинам и мода на них из придворных кругов начали проникнуть в широкие слои городского населения»¹. Другими словами, если зарубежные страны остро нуждались в шелке и шелковых товарах, то сам густонаселенный Китай также был заинтересован во ввозе иноземных товаров большего количества.

Близкое ознакомление с известным трудом (“Записки Западных стран...”) знаменитого монаха Сюань-цзана дает нам богатую пищу о том, что если на западной части шелкового пути наблюдался стремительное распространение ислама арабами, то в его восточной части обнаруживаем массивированного, в то же времени мирного “вторжения” буддизма с его философией и научными достижениями из Индии в Китай через Бактрию и

¹Шефер Э. Золотые персики Самарканда. -М.: «Наука», 1981. -С. 20- 21.

Таримского бассейна. Внедрение государственных экзаменов для кандидатов в госслужащих в империи Тан вступило толчком к повсеместному расширению системы образования в стране. Данное обстоятельство актуализировало вопрос обладания новыми достижениями в различных областях науки как в стране, так и за ее пределами. В этом деле выдающую роль играл вышеупомянутый монах Сюань-цзан, который несмотря на императорский указ Тайцзуна (основателя династии) о запрете на пересечения границ империи, совершил паломничество в Индию и возвратился оттуда большой буддийской литературой, охватившей также достижениями индийской мысли в математике, астрономии, медицине и т.д.¹.

По возвращению в Чанъань знаменитый монах обращается к императору о помиловании (за самовольный отъезд из страны) и император, впечатленный широким кругозором, образованности и уникальности его путешествия, оказывает ему покровительство, приглашая его на многочасовые беседы. Данное обстоятельство вдохновляет и других буддистов совершить путешествие-паломничество в Индию (по суше и по море)².

Еще одной особенностью данного периода является усиление роли Тибета и его активное вовлечение в борьбу за контроль над восточными маршрутами международного торгового пути, тесно связанного с функционированием шелковой дипломатии³.

Отказ танского двора выдать китайской принцессы, видимо, послужил не только поводом начала войны с Тибетом, но и ложился тяжелым бременем в их двусторонние отношения, так как отмечает исследователь: «...145 лет из примерно 200 лет контактов китайской династии Тан и вышедшего на арену мировой политики Тибета было состояние войны»⁴.

¹Сюань-цзан. Записки о Западных странах [эпохи] Великого Тан (Да Тан си юй цзи). –М.: «Восточная литература». 2012. –С.13.

²Бокщанин А. А. Китай в конце VI- начале X в. // История Востока. Т.II. -М.: «Восточная литература», 1995. -С. 172.

³Кычанов Е. И., Мельниченко Б. История Тибета с древнейших времен до наших дней. –М.: «Восточная литература», 2005. -С.38-39.

⁴Там же. -С.65.

В середине VII века, после покорения Шаншуна и Вахана, тибетская армия, поворачивая на северо-восток, вторгается в города оазисы Западного края. Таким образом, к началу и середине следующего (VIII) века в Западном крае (включая, Хафтруда и Ферганы) сложилась тяжелая военно-политическая ситуация, так как к тюрко-китайскому противостоянию в этом крае, активно включаются арабский Халифат и Тибет.

Таким образом к началу VIII века все ведущие державы того времени максимально включились к шелковой дипломатии, особенно той части, которая была тесно связана с жесткой борьбой за маршруты и узловые пункты трансконтинентального сухопутного торгового пути. Сложившуюся ситуацию ярко описывает американский исследователь Ч. Беквит, который сравнивает ее с «достижением верстового столба евразийской истории»¹.

Однако последующее поражение империи Тан в Таласской битве и восстания Ань-Лушаня (согдийского генерала в китайской службе) в Китае привели к ослаблению самой империи и упадка ее влияния в Западном крае. Здесь соперничество возгорается между Тибетом и новым Уйгурским каганатом².

Состояние шелковой дипломатии в внешнеполитической и внешнеэкономической связях Таньской империи с Уйгурским государством после подавления восстания Ань-Лушаня имеет для нас особый интерес³.

Российский автор приводит сообщение суньского посла Ван Яньдэ, посетившего Турфанского княжество в 981-983 гг., где хорошая лошадь оценивалась в этих местах в 1 кусок шелка⁴. Другими словами, данная торговля между уйгурами и Китаем была по существу завуалированной формой контрибуции за помощь первым в подавлении мощного мятежа в Танской империи.

¹Цит. по Кычанов Е. И., Мельниченко Б. История Тибета с древнейших времен до наших дней. –М.: «Восточная литература», 2005. -С.51.

²Богословский В. А. Очерк истории тибетского народа. – М.: «Наука», 1962. -С. 57.

³Цит. по Малявкин А.Г. Уйгурские государства в IX-XII вв. – Новосибирск, «Наука», 1983. -С. 232.

⁴Малявкин А.Г. Уйгурские государства в IX-XII вв. – Новосибирск, «Наука», 1983. -С. 232.

Безусловно, многолетнее противостояние народов в Западном крае, особенно, в узкой “горной горловине” (Вахане и Алае) не могло не выступить мощным толчком в развитии морского сообщения по шелковому пути. В Китае появляется поговорка “лошади на севере, а лодки на юге” (или “корабли на юге , а кони на севере”), которая год за годом усиливается¹. Другими словами, в годы существования Танской империи на востоке и Саманидской державы в Вароруде создается тот уникальный баланс мировой торговли между ее сухопутными и морскими частями. Баланс разделился, по большоой вероятности, по ровну, когда грузы, перевозящиеся в торговых караванов из Китая в Европу через Центральной Азии и Средний Восток, были эквивалентны к грузам вывозимых из китайских портов (Гуанчжоу и др.) через Малаккский пролив до Персидского залива или Красное море,а оттуда по сухопутным маршрутам, доходили к восточным или южным портам Средиземноморья.

Из ряда портовых городов танской эпохи, к которым после долгого плавания причаливались торгово-дипломатические суда, исследователи выделяют город Гуанчжоу на юге Китая. Многие специалисты отмечают, что в танском периоде в морской торговле преобладали персидские и индийские суда, а собственно китайские суда не плавали в дальние расстояния². Как сообщает Э. Шефер: «Морские торговые суда, заполнявшие в танскую эпоху порты Китая, назывались среди китайцев, пораженных их величиной, по разному: «корабли Южных морей», «корабли западных стран», «корабли варваров- маней», «малайские корабли», «сингалезские корабли», «корабли брахманов» и особо, «персидские корабли». Что же касается китайских судов, то они, вне всяких сомнений, не совершали в это время долгих и опасных путешествий в Сираф. Большие парусники, предназначенные для океанских плаваний, появились в Китае только несколько столетий позже,

¹Шефер Э. Золотые персики Самарканда. -М.: « Наука», 1981. -С. 27.

²Вельгус В. А. Средневековый Китай. -М. «Наука», 1987. -С.34.

при династиях Сун, Юань и в начале Мин». В танскую эпоху китайские путешественники отправлялись на запад на чужеземных кораблях»¹.

Такого точки зрения придерживается и другой исследователь: «анализ материалов и источников привел нас к выводу, что ранее X в. сами китайцы не плавали на своих судах ни в Индию, ни в Персидский залив и что вообще ранее X в. они не плавали дальше Суматры и Явы»².

Из ряда портовых городов танской эпохи, к которым после долгого плавания причаливались торговые суда, исследователи выделяют город Гуанчжоу на юге Китая. Согласно Шеферу: «Среди всех городов Юга, в которые стекались иноземные торговцы, не было города более процветающего, чем Гуанчжоу- крупный порт, называвшийся у арабов Ханфу, а у индийцев- Чина». Гуанчжоу был тогда пограничным городом, на краю необжитых тропиков, населенных дикарями и страшными животными, опасными болезнями. Приятная сторона такого расположения порта состояла в изобилии апельсинов, бананов, баньяна, и орехов личжи. За время правления танских императоров он превратился в чисто китайский город, несмотря на то, что большую часть его двухсоттысячного населения составляли «варвары... Многие из приезжих селились в иностранном квартале Гуанчжоу, расположенном по повелению императора в стороне, к югу от реки, для удобства многочисленных представителей разных стран и народов, которым приходилось оставаться в городе для ведения дел или в ожидании благоприятного ветра. Они управлялись специально назначавшимся старейшиной и пользовались некоторым правом экстерриториальности»³.

Первые признаки экстерриториальности в зарубежных странах среди путешественников и купцов стали очерчиваться в их расселение в религиозных учреждениях той религии, к которой они относились. Поэтому в танской эпохе наблюдается построения в столице на севере Китая и на юге

¹Шефер Э. Золотые персики Самарканда. -М.: « Наука», 1981. -С. 27.

²Вельгус В. А. Средневековый Китай. -М. «Наука», 1987. -С.34.

³Шефер Э. Золотые персики Самарканда. -М.: « Наука», 1981. -С. 30.

в портовых городов наряду с буддийскими храмами, “дом огня” зороастрийцев, церкви манихеев, несторианцев, мечети мусульман и т.д.

О многочисленности приезжих купцов и моряков из западных стран в Гунчжоу свидетельствует даже такой негативный случай, как пиратский набег, состоявший из арабов и персов, в город в 758 году из острова Хайнань¹.

Возможно, после этого случая императорский двор стал назначить в этот город “ревизора торговых судов”, который стал еще одной серьезной проблемой, так как огромные прибыли, коррупция и злоупотребления давали этим чиновникам такую власть, что некоторые из них бросали вызов даже трону². Идентичный случай мы наблюдали ранее в случае с правителями Пальмиры в составе Римской империи, которые разбогатев, бросали вызов самой империи.

Однако процветанию города был нанесен тяжелый удар из-за одного из многочисленных мятежей в последние годы империи Тан: «В 879 г. предводитель мятежников Хуан Чао ограбил город, перебил купцов-иностранцев и уничтожил тутовые рощи, кормившие червей-шелкопрядов-источник сырья для главной отрасли китайского экспорта. Все это вызвало глубокий упадок благосостояния и престижа города, от которого, несмотря на кратковременное оживление в конце IX в., Гуанчжоу никогда не смог оправиться полностью»³.

От этого портового города до столицы города Чанъань (находящийся в Северном Китае) были несколько путей, как речной, так и сухопутный через горные перевалы, по которым строились добротные дороги. Среди многочисленных городов Центрального и Южного Китая выделялся город Янчжоу⁴.

¹Там же. -С. 31.

²Там же. -С. 31.

³Шефер Э. Золотые персики Самарканда. -М.: « Наука», 1981. -С. 32.

⁴Там же. -С. 34-35.

Несколько мятежей, охватившие различные области империи во времени начала ее упадка, многократно разграбивший этот город, в конечном итоге привели к его распаду.

Среди городов Северного Китая, несомненно, выделялись две- Лоян и Чанъань, долгие времена, выполняющие роль политических и торгово-экономических центров различных династий Китая. Они были: «Средоточие политической власти, местопребывание знати, где истинный знаток книг или великий воин ценились гораздо больше, чем удачливый купец. Из двух великих столиц Лоян стоял рангом ниже, по количеству населения он тоже был вторым городом империи: в нем жило более миллиона человек. Лоян берег свои священные тысячелетние традиции, не уступая почета и славы даже Чанъани, а духовная атмосфера, пропитавшая его, была более умеренной и утонченной, чем его западной соперницы... Огромная торговая площадь- Южный рынок- занимала два квартала (фан), где были сосредоточены 120 базаров-рядов, специализировавшихся на продаже какого-то одного вида изделий, и тысячи отдельных лавков и складов. Для иноземцев, ведших здесь дела, имелись постоянные храмы для иноземных богов, в том числе три храма Священного Огня (зороастрийцев- М.А.), что свидетельствует о существовании в Лояне персидской колонии»¹.

Каждого купца, дипломата или паломника-путешественника, который прибыл в (западную) столицу, прибывшего морем и через сеть каналов и рек попавшего в него или караванным путем через гор, пустынь и оазисных городов, прибывшего сюда, сильно впечатления оставлял размеры самого крупного города того времени. Как отмечает американский исследователь: «Со своими без малого двумя миллионами податного населения Чанъань была десять раз более многолюдным городом чем Гуанчжоу, расположенный на другом конце этой длинной сети рек и каналов. Пропорционально этому было больше и число иноземцев, живших в столице. Но здесь международная прослойка по своему составу была совсем иной, чем в южном порту. В

¹Шефер Э. Золотые персики Самарканда. -М.: « Наука», 1981. -С. 36.

столице жили главным образом выходцы с севера и с запада- тюрки, уйгуры, тохаристанцы, согдийцы, тогда как Гуанчжоу наполняли жители Тяма (район совр. Вьетнама- М.А.), кхмеры (камбоджийцы- М.А.), яванцы (жители острова Явы совр. Индонезии- М.А.) и сингалезцы (один из народностей совр. Шри-Ланки). Но, правда, и в Гуанчжоу и в Чанъани жили много арабов, персов и индийцев. В целом иранское население были многочисленным. Танское правительство даже имело Ведомство сартхаваков (буквально, «погонщиков караванов»), чтобы блюсти их интересы»¹.

Наличие специального ответственного правительственного ведомства (Ведомство сартхаваков), которое регулировало деятельность караванной торговли, где доминировали согдийцы, свидетельствует о важности данного вида международной торговли для Танской империи.

Как было рассмотрено выше (параграф 3.2.), что академик В. В. Бартольд предполагает, что именно из этого санскритного термина “сартхавак” (“sarthavaha” или “sarthabaha”), означающий “погонщик караванов” берет начало название “сарт”, который впоследствии, выходя из узкого понятия “купец”, стал нарицательным именем всего оседлого городского населения².

Несомненно, что Чанъань в VII – IX вв. была мировой столицей, так как ни одна столица того времени не могла конкурировать с ней. Город Константинополь – столица Византии (как и Рим) продолжал испытывать в себе издержки все еще продолжающегося великого переселения народов, когда многочисленные европейские и азиатские племена (германские, аланские, аварские, славянские, болгарские, арабские и много других народов) не только продолжали опустошать различные провинции империи, но и в союзе с арабами многократно осаждали саму столицу. Данное обстоятельство не могло стимулировать мирный рост города и увеличение популяции городского населения столицы (как восточной, так и западной империи).

¹Там же. -С. 37.

²Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. -Л. Изд. АН СССР, 1927. -С.18-19.

А арабский халифат после многочисленных смен своего политического центра (Медина, Куфа, Дамаск) только в середине VIII в. стал обустривать свою новую столицу город Багдад на новом месте, поэтому потребовался еще три или четыре столетия чтобы он приобрел лоск, утонченность и великолепия.

Столица упорного противника Китая Тибета Лхаса («Обитель Богов») из-за удаленности и труднодоступности от других очагов цивилизации не мог составить конкуренции не только Чанъани, но и другим столицам империй того времени.

А Самарканд-столица Согдианы, направляющая до сих пор свою излишнюю энергию в свои многочисленные колонии в Хафтруде, Таримском бассейне и другие земли, в это время мучительно перестраивала свои отношения с новыми сюзеренными- арабами, которые жестко пересекали религиозный плюрализм согдийцев, которым терпимо относились бывшие союзники тюрки. Данное обстоятельство не стимулировало, а сковывало энергию роста этой легендарной столицы. Только с образованием Саманидской державы город стал приобретать не только региональный облик, но и евразийский размах.

Чанъань не имел других серьезных конкурентов, поэтому если какой-то город раннего средневековья хотел бы бросить ему вызов, то он был бы только китайским (Лоян и т.д.).

Чанъань в VII-VIII вв. превратилась в мировую столицу, которую так подробно описывает Э. Шефер: «Тут были в изобилии буддисты из Индии; но немало и священнослужителей разных религий из Ирана - маги, для которых в 831 г. заново отстроили маздеистский храм в Чанъани; несториане, которых в 628 г. почтили возведением церкви; манихеи, представившие в 694 г. двору свое необычное учение... И каждый такой путешественник привозил с собой в Китай экзотические вещи - или как посольские подарки, или как товары на продажу, или, как, наконец, просто как свое личное имущество. А

в ответ некоторые, вроде согдийского купца, назначенного наместником Аннама (провинция в юго-востоке Китая- М.А.), находили здесь почет»¹.

Купцы-чужестранцы могли заселиться и в другие китайские города, куда их привели кони или корабли, но они кроме столиц и южных портовых городов предпочитали: «Селиться в районах караванного «коридора», ведущего на запад, в Туркестан. Здесь, по краю пустыни Гоби, существовали расположенные через правильные интервалы китайские города, в которых были устроены караван-сарай. Политическое положение всех этих городов, в которых можно было всегда найти иранских огнепоклонников и музыкантов, оставалось довольно неопределенным... Определенную часть горожан составляли китайцы, многие были по происхождению индийцами и назывались- по этническому имени- на китайский манер «синьду»; немало было здесь и выходцев из стран между Оксом и Яксартом»².

Наличие крупных согдийских поселений в Ганьсуйском коридоре и Таримском бассейне подтверждаются многочисленными источниками, где особое место занимают «Китайские документы из Дуньхуаня», найденные в начале XX в. в замурованном комнате буддийской пещеры Могао, внесшие большой толчок в исследовании Западного края, Китая и его окружающего мира в раннем средневековья. Эти документы сообщают, среди прочего, что в этих краях были многочисленные населенные пункты согдийцев, в частности «в VII-VIII вв. в непосредственной близости от Дуньхуаня существовало обособленное поселение согдийцев».

Однако дворцовые хроники и исследования современных ученых свидетельствуют о том, что несмотря на многочисленность купцов-чужестранцев в танскую эпоху, отношение к ним не было однозначным. Согласно автору «Золотые персики Самарканда»: «Даже в разгар моды на экзотику самая правильная линия поведения для чужеземцев состояла в том, чтобы воспринять китайские обычаи и образ мыслей, как это многие и

¹Шефер Э. Золотые персики Самарканда. -М.: «Наука», 1981. -С. 24-25.

²Там же. -С. 39.

делали... Восьмой век был столетием необычной популярности в китайских городах арфистов и танцоров из Средней Азии, но это было также и столетие, известное избиением тысяч безобидных (но богатых) персидских и арабских торговцев в Янчжоу. В IX в., когда экзотические вещи оказались намного более труднодоступными и дорогими, получила широкое распространение экзотическая литература, изобилующая романтическими воспоминаниями о прошлом. Любопытно, что, то же самое время, когда по всему Китаю ходили рассказы о щедрых миллионерах с далекого Запада, стало вместе с тем и эпохой неприязни и гонений на иностранцев»¹.

Далее этот знаток проблемы раскрывает саму суть шелковой дипломатии, тесно переплетенной с международной торговлей и политической конъюнктурой танской эпохи: «Торговля никогда не была свободна от политических осложнений. Прообразом и идеалом для новой должности “ревизора торговых судов”, созданной в Гуанчжоу в VIII в., послужили существовавшая с давних времен должность “ревизора по соли и железу”. Ему вменялось в обязанность скупать те привозные товары, над которыми государство стремилось установить контроль, (в первую очередь, товары, на которые существовал спрос в дворе и кругов, приближенных ко двору), пересекать контрабанду и действовать по примеру внутренних монополий старого образца. Такая политика приводила к тесному сплетению коммерции с дипломатией, а подношения иноземных народов императорскому двору, часто состоявшие из большого количества дорогих вещей и считавшиеся выражением покорности вседержавной власти Сына Неба, оказывались на деле существенной частью международной торговли Китая. Но нельзя смотреть на эти отношения только с одной стороны и считать, что “покорившиеся народы” были вынуждены предподносить эту дань. Иноземные владения- и те, кто-действительно трепетали в непосредственной близости от Китая, и те, удаленность которых позволяла им чувствовать себя совершенно независимыми,- вывозя свои товары в

¹Шефер Э. Золотые персики Самарканда. -М.: « Наука», 1981. -С. 40-41.

Китай, явно преследовали выгоду для себя, получая за свои хлопоты от китайцев возжеланные ответные “дары”. Для иностранного купца в существовавшей системе были уготованы известные ограничения. Он не мог вести свои дела совершенно свободно: предполагалось, что такой купец обязан представить определенную часть изделий в императорскую столицу или передать ее на государственные склады в порту прибытия”¹.

Исследователь раскрывал и другие виды трудностей для иностранных купцов в танской эпохе: «когда иностранец- купец имел несчастье умереть в Китае, его товары опечатывали и государство конфисковало их, если сразу не являлись жена или наследник. Розыски наследников не должны были находить слишком далеко. Сверх того, если иноземец брал в жену или в наложницы китайянку, ему предписывалось оставаться в Китае. Ни в коем случае он не мог забрать китайскую женщину к себе на родину»². Здесь мы обнаруживаем один из самых уязвимых частей шелковой дипломатии-отсутствие неприкосновенности частной собственности купца-дипломата, когда при его смерти его собственность, в большинстве случаев конфисковалась чиновниками танской империи. Также ему при определенных случаях (при создании семьи с китайцами) он лишался свободу перемещения.

Э. Шефер описывает обмен дарами следующим образом: «когда рядовой купец получал официальное разрешение торговать на китайских рынках, он устраивался на постой среди соотечественников и отправлялся по своим делам. Но посол, представляющий иностранное правительство, даже если его в первую очередь интересовали коммерция или по крайней мере выгодный обмен пышных даров, должен был столкнуться с показным великолепием, предназначенным для ослепления представителей народов-данников. Если страна была, конечно, готова выказать даннические чувства, но сам посол в тесном кругу своих собутыльников мог позволить себе хитро

¹Шефер Э. Золотые персики Самарканда. -М.: « Наука», 1981. -С. 42.

²Там же. -С. 44.

подмигивать по этому поводу. Только в редких случаях допускалось отступление от этой церемонии... Обычный же посол – был ли он рядовым дипломатом или близким родичем своего царя, выдающимся священнослужителем или богатым купцом,- как правило, не испытывал особых трудностей, когда дело доходило до выражения покорности. Очень отдаленные страны, заинтересованные в поддержании торговых отношений с Китаем, иногда просили посольства дружественных им соседних владений представлять их интересы вместо того, чтобы посылать собственного посла»¹.

Кульминацией деятельности посла в танском дворе, несомненно, была получение аудиенции у императора, церемония которого подробно описывает исследователь, где можно наблюдать контуры почетного караула в современных официальных приемах: «по прибытии в столицу посольство помещали на время в одной из гостиниц, расположенных у четырех главных ворот города, в ожидании указаний свыше. С этого момента все действия посла направлялись чиновниками из ведомства Хунлу, отвечавшими и за встречу и прием чужеземных гостей, и за погребение членов императорского рода... Самым ответственным днем за все время пребывания посла в стране был день, когда его принимал император. В таких случаях все было рассчитано на то, чтобы поразить иностранца величием и устрашающей мощностью танского властителя. Если посол был достаточно высокого ранга, чтобы присутствовать на большом приеме для князей-данников, устраивавшемся в день зимнего солнцестояния, он оказывался перед двенадцатью рядами стражей, выстроенных перед залом для приемов: меченосцы, алебардщики, копейщики и лучники, каждый отряд в сверкающих шапках определенного цвета и с присвоенной ему эмблемой-пучком перьев попугая или павлина –или со знаменем с вышитым изображением дикого осла, леопарда или иных символов доблести. Даже менее важный посол видел перед собой дворцовую стражу, несшую службу

¹Шефер Э. Золотые персики Самарканда. -М.: « Наука», 1981. -С. 45.

на всех приемах. Она подразделялась на пять отрядов, на которых четыре были одеты в алые рубашки и шапки, украшенные хвостовыми перьями маньчжурских снежных фазанов, а пятый отряд носил плащи из алой тафты, расшитые изображениями диких лошадей. Вся дворцовая стража имела дубинки и мечи у пояса. Ослепленная этим зрелищем чужеземная миссия приближалась и после подобающего преклонения раскладывала свои подношения вдоль зала для приемов. Глава посольства после этого приближался к трону и, следуя наставлениям, которые шепотом подавал ему сопровождавший его китайский чиновник, кланялся императору и говорил: “Ваш покорный слуга такой-то и такой-то, из такой-то страны, осмеливается преподнести вам эти подношения из его земли”. Император продолжал после этого сидеть в державном молчании, а чиновник протокола принимал от его имени эти дары, а также прочие подарки для раздачи придворным. В ответ приславшему дань царю и его послу присваивались звучные (хотя и чисто номинальные) титулы танской административной системы и знак признания их подданными Сына Неба, а в качестве “жалования” им вручались богатые подарки»¹.

Поверхностное отношение к этой формальной “даннической” форме шелковой дипломатии мы наблюдаем и у других исследователей (Кычанов и др.).

Как было подчеркнуто выше, мятеж Ань Лушаня с последующей гражданской войной, когда особо выделяются генерал-губернаторы (цзедуши), а также другие мятежи, серьезно ослабляли государство изнутри. Эти факторы в конечном итоге (в 907 г.) привели к падению могущественной империи Тан. И после падения единого государства распад продолжился до 960 г. и в стране создавались пять династий –государств.

Таким образом, создание централизованной Танской империи Китая и специализированного государственного ведомства (“Ведомство сартхаваков”- по приему многочисленных зарубежных дипломатических

¹Шефер Э. Золотые персики Самарканда. -М.: « Наука», 1981. -С. 46-47.

миссий) довела шелковой дипломатии до совершенствования путем окончательного оформления дипломатического церемониала иностранных дипломатических миссий и караванов. Империя постоянно совершенствовала этот разветвленный и сложный, но одновременно пышный церемониал приема иностранных посольств, чтобы демонстрировать величия своей империи. Однако, несмотря на предоставления многих элементов экстерриториальности (проживание среди соотечественников в религиозно-культовых помещениях) и относительно свободного перемещения, она не гарантировала иммунитет частной собственности купцов-дипломатов.

Вертикальный характер китайской разновидности шелковой дипломатии, когда дары иностранных дипломатических миссий воспринимались как «подношение даны», во многом нивелировался отдаленности большинства зарубежных государств, а также передачей функции обратного посольства в Китай не собственным посланникам, а согдийским торговцам. Они понимали всю щепетильность своего положения представителя как внешне формального государства- «данника» Танского Китая, поэтому только формально соблюдая его дипломатического церемониала, прежде всего, думали о получения прибыли от своей дальней торгово-дипломатической миссии.

Глава IV. Объективные причины кризиса шелковой дипломатии в позднем средневековье (X-XV вв.).

Главной отличительной чертой реализации шелковой дипломатии в позднем средневековье заключалась в том, что в северной стороне маршрутов международных торговых путей Евразии, связанных с шелковой дипломатией, наблюдалось повсеместное чрезмерное усиление степных империй. Они не только разгромили основные центры поддержки шелковой дипломатии и международной торговли (Китай, Вароруд, Иран, Ирак, Кавказ, Византию и т.д.), расположенных на южной стороне этой мировой торговой дороги, но и разрушившие основной принцип функционирования этого трансконтинентального торгового пути (триединство: торговля-дипломатия- культура). В лоно шелковой дипломатии и связанной с ней международного торгового пути, находящееся под тисками степных государственных образований, стали зарождаться контуры новой системы торговли и дипломатии, двигателем которых были европейские морские республики (венецианцы, генуэзцы и т.д.).

За более три столетия расширения и расцвета шелковой дипломатии и тесно связанной с ней трансконтинентального торгового пути в предыдущих периодах, когда в его начальном этапе религиозный порыв различных племен и народов привел к созданию обширных государственных образований. Неизмеримое культурно-идеологическое взаимопроникновение друг к другу их колоссальная энергия стала медленно остывать под ударами кочевых племен на рассматриваемом этапе истории шелковой дипломатии.

Китай, родина шелка, уже к началу этапа последнего периода испытывал жесткий прессинг со стороны различных кочевых империй (в первую очередь, киданского Ляо и тангутского Си Ся).

Как стало известно, с первых дней функционирования шелковой дипломатии она поддерживалась непререкаемым авторитетом централизованных (особенно, оседлых) государств Евразии. Все государства, в первую очередь, ведущие торгово–дипломатические отношения с Китаем,

число которых все более увеличивалось, формально, реально или посредством «огромных подарков» признавали ее доминирующий статус.

Все периферийные (кочевые и/или полукочевые) государства, появляющиеся после распада централизованных китайских империй, находящихся под мощным китайским политико-культурным влиянием, также признавали ее доминирующее положение. Они всячески старались с ними иметь или сохранить отношения «мира и родства». А сами сугубо китайские государственные образования, тактически отступая в междуречье (между Хуанхэ и Янцзы), переждали смутное время, перестраиваясь, снова взялись за объединение страны.

Но на этот раз китайские государственные образования (Сун, Мин), отступая на юг, не смогли поддержать регулярные торговые сношения со своими западными соседями по суше. А согдийцы, выступающие также одним из двух главных акторов шелковой дипломатии, не смогли, как прежде (времена Тюркского и Уйгурского каганатов), привлечь новых степных племен к ее идеям и ценностям. А новые степные империи предпочли набеги и прямые грабежи в ущерб многовековой мирной дипломатии.

4.1. Игнорирование ценностей шелковой дипломатии со стороны новых степных империй (X-XV вв.).

Шелковая дипломатия, успешно реализованная более тысячи лет, дала трещину во время противостояния китайской империи Сун с двумя империями - кочевой империи Ляо и полукочевой империи Си Ся. Эти две империи выступили с притязанием на высокий (и единственный) титул-император Поднебесной, порой, отвергая «огромные подарки», сердцевины «шелковой дипломатии», за отказ от него. Другими словами новые степные империи, созданные в стороне от основных маршрутов трансконтинентального торгового пути не стали, как их предшественники, придерживаться идей и ценностей шелковой дипломатии, т.е. уступки

китайской стороне после получения большого количества шелка, шелковых материалов или «предметов роскоши» для своей аристократии.

В анализе договора Сун и Ляо (в 1004 г.) в Шаньюани мы видим, что в нем закреплено «равенство («братские отношения») сторон, старшинство же отдавалось старшему по возрасту правителю, т. е. могло переходить от одной стороны к другой»¹. Переход старшинства от китайского правителя к степному правителю было «принципиально новое явление в дипломатии Восточноазиатского региона»².

Если последующий договор с киданьями империи Ляо (в 1042 г.) вернулся к традиционной практики, так как киданьский император согласился на титул «младший брат» китайского (сунского) императора, удовлетворяющий сторонников традиционной китайской дипломатии, то капитуляция перед новой кочевой амбициозной империей Цзинь (1125-1234 гг.) и подписания тяжелого соглашения (в 1141 г.), когда «сунский император признал себя вассалом (службой) цзиньского властелина», несомненно, привел к пересмотру всей доктрины универсальности императорской власти³.

На наш взгляд, с договора 1004 года между Сун и Ляо в Шаньюани начинается новый период-период кризиса шелковой дипломатии, когда был юридически оформлен кризис традиционной концепции об универсальности китайской монархии, выступающей, в основном, инициатором, покровителем и двигателем мировой торговли шелком.

Анализ внутривластной жизни двух кочевых империй Восточной Азии (Ляо и Си Ся) показывает, что времена безоговорочного заимствования от Китая культурных, административно- политических и дипломатических и иных традиций прошли. Если в империи Ляо мы впервые наблюдаем параллельное налогообложение для кочевого и оседлого населения, отдельного для каждого вида хозяйствования, то десять известных реформ

¹Бокшанин А. А. Китай в X-XIII вв. (империя Сун. Государства Ляо и Цзинь) // История Востока. Т.II. -М.: «Восточная литература», 1995. -С.303.

²Гончаров С.Н. Китайская средневековая дипломатия: отношения между империями Цзинь и Сун (1127-1142). – М.: «Наука», 1986. -С.21.

³Бокшанин А. А. Китай в X-XIII вв. (империя Сун. Государства Ляо и Цзинь) // История Востока. Т.II. -М.: «Восточная литература», 1995. -С.304.

императора Юньхао создали на основе китайской, уникальной самобытной (тангутской) культуры.

Более того империя Сун, потерявшаяся 16 стратегических округов (между Великой китайской стеной и р. Хуанхэ) и выбравшая своей столицей сначала Кайфэн (восточнее от Лояна), а позднее Ханчжоу (город на южном отрезке Великого канала) в приморской части страны, под напором кочевых империй теряла многих наследий прошлого, в том числе контроля над маршрутами и узловыми пунктами международного сухопутного торгового пути.

За это наследие стали бороться кочевые и полукочевые империи, создающиеся внутри или на окраинах Китая свою государственность. Временным преемником торгового наследия Тан выступила тангутская империя Си Ся, расположенного на востоке от города Дуньхуан через Ганьсуйский коридор до среднего течения Хуанхэ. Она стала препятствовать свободному следованию китайского посольства и, соответственно, ответного посольств через этот стратегический проход, что привело к его окончательному закрытию¹.

Очевидно исследователь имел виду, на наш взгляд, прекращение дипломатических и культурных связей между ними, а сугубо торговые связи продолжали действовать. Исследования большинства ученых показывает, что несмотря, в основном, на безуспешные пограничные сражения с кочевыми государствами, империя Сун показывала устойчивый рост и ощутимые успехи во многих областях, включая, и международной торговле². Как вытекает из данного текста, в новых условиях, когда степные империи создают перепоны над регулярными торгово-дипломатическими усилиями империи Сун, теперь не дипломатические караваны, а сугубо торговые караваны сдерживались со стороны самых купцов без участия власти, которая

¹Кычанов Е.И. История Тангутского государства. –СПб.: СПбГУ, 2008, с. 378.

²Бокщанин А. А. Китай в X-XIII вв. (империя Сун. Государства Ляо и Цзинь) // История Востока. Т.II. -М.: «Восточная литература», 1995. -С.304.

стремилась усилить контроль над этим новым видом международной торговли.

Тангутское государство Си Ся, выступивший северо-западным осколком централизованной Танской империи, находившийся под мощным культурным влиянием Китая, однако не перенял опыт этой империи по покровительству международной торговли. Ни одна из перечня 10 известных вышеупомянутых реформ императора Юньхао ни затрагивала проблематики организации и ведения международной торговли. Небезинтересно заметить, что деятельность государственных складов этой империи была урегулирована до мельчайших тонкостей, что свидетельствует об абсолютного доминирования натурально-хозяйственной формы в ней. Возможно, удовлетворения потребления роскоши со стороны элиты за счет набегов и завуалированной “дани” от Сунской империи в совокупности делали международной торговли неактуальной для этой полукочевой империи.

К сожалению, в доступных нам источниках мы встречаем лишь туманные намеки на эти отношения. Для нас в настоящее время вся история международных отношений Си Ся повернута на Восток (территории, удаленные от маршрутов шелкового пути- М. А.). Интереснейшие связи тангутов с Западом, несомненно, простиравшиеся до владений Хорезмшахов, остаются тайной, которая сможет быть раскрыта только при условии привлечения новых источников”¹.

Как было рассмотрено выше, со времен взаимоотношений Хань с кочевой империей гуннов в первые годы формирования шелковой дипломатии китайской стороной была широко использована концепция “мира, основанного на родстве” (*хэ цинь*). Согласно этой «брачной дипломатии» китайский император, выдавая замуж свою дочь за правителя варварской племени или государства, вовлекал его в свою «семью», тем самым утверждая свою главенствующую роль в нем. Здесь начали действовать “внутрисемейные” отношения в иерархической структуре “отец-

¹Кычанов Е.И. История Тангутского государства. –СПб.: СПбГУ, 2008, с.154.

зять”, а по отношению рождаемых в этих браках венценосных детей “дед-внук”. Вспомним, что говорил своим приближенным гуннский шаньюй Цети-хоу в начале своего правления, опасаясь неожиданного нападения Хань, заявлял: «Я- только ребенок, смею ли смотреть на ханьского Сына Неба как на равного? Ханьский Сын Неба мне как старейшина»¹.

Однако, с XI в. мы не наблюдаем эти отношения между Сун с северными степными империями².

Степные империи, отвергая ценности китайской версии шелковой дипломатии (верховенство императора над монархами остального мира), сохранили ее второй (вспомогательной) части (хэ цинь), касающейся брачной дипломатии, традиционно закрепляющей первой (основной) части.

Таким образом, в течение одного столетия в Восточной Азии сложилось относительно устойчивое положение, когда три «империи» Поднебесной, после серий «пробы сил» (войн), смирились с ним. Но вскоре этот относительный баланс сил был нарушен со стремительным вторжением чжурчжэней (племени тунгусского происхождения). Новая военно-политическая сила, пренебрегая традиционными культурными и дипломатическими порядками китайских империй, стала опираться только на грубую силу.

Ко времени вторжения чжурчжэнских племен китайская концепция «универсальности» находилась в кризисе, когда сразу три империи претендовали на статус «центр Поднебесной», а чжурчжэни, выходцы из ее самой отдаленной северо-восточной окраины северной Евразии, будучи вассалами киданев, были сторонниками степной (силовой) традиции.

Чжурчжэни под предводительством своего вождя Агуды из ведущей племени Ванъянь в 1113 г. начали войну с ослабевшей в упорных войнах империей Ляо и через два года (в 1115 г.) объявили своего вождя

¹Сыма Цянь Исторические записки («Ши цзи») Т.VIII, 2010. -С. 352

²Гончаров С.Н. Китайская средневековая дипломатия: отношения между империями Цзинь и Сун (1127-1142). – М.: «Наука», 1986. -С.22.

императором нового государства Цзинь. Они нанесли ряд сокрушительных ударов по империи Ляо.

К этому времени в Сунской империи существовала две соперничающие придворные партии с собственным подходом к окружающему миру, в первую очередь, к Великой степи.

Правящая (придворная) партия ратовала за возвращение утраченной территории (16 округов) оставшиеся у «варваров», поэтому считали целесообразным заключения союза с новым союзником (с Цзинь против Ляо).

Другая партия была, прежде всего, за сохранения мира и спокойствия внутри страны. Они отрицают: «даже существование причинной связи между установлением «гармонии» в Китае и прибытием «варваров» с «данью»»¹.

Поэтому ни одна придворная группа не смогла цивилизовано договориться с ними, которые ужесточали условия на переговорах. «В XI в. сунские политики вышли из затруднительного положения, назвав «дань» киданям «компенсацией» за расходы на [ляоскую] армию». К. Шварц – Шиллинг совершенно верно отмечал, что Рим и Византия аналогичным образом определяли свои выплаты пограничным «варварам», стремясь примирить идеологию своих «универсальных монархий» с политической реальностью. В случае с Цзинь эту дань называли «подарками в знак признания заслуг победоносной армии»².

Однако, данное соглашение, имеющий «дружеский» характер, не смог приблизить позицию договаривающихся сторон, так как чжурчжэни, несмотря на победы, оставались в глазах у китайцев «варварами». А чжурчжэни, признающие только грубую (военную) силу, относились к Китаю из-за слабости сунской армии пренебрежением и свысока. Эти отношения не могли обеспечить мирные добрососедские отношения и соответственно

¹Гончаров С.Н. Китайская средневековая дипломатия: отношения между империями Цзинь и Сун (1127-1142). – М.: «Наука», 1986. -С.24.

²Там же. -С.25.

вскоре Цзинь объявила войну Сун под незначительным предлогом (укрытия беглого генерала).

Тем временем, по сообщению историка, «китайцы терпели одно поражение за другим... Лишь в 1142г. чжурчжэни приостановили походы на Сун. Южный сунский двор обязался платить Цзинь ежегодно 250 тыс. лан серебра и 250 тыс. кусков шелка. Границей между двумя государствами была признана река Хуанхэ. Весь Северный Китай остался под властью чжурчжэней»¹.

Самое тяжелое, империя Цзинь, опираясь на превосходную армию, стала предъявлять ряд условий, которые могли полностью дискредитировать китайскую «мироустроительную» концепцию, «о признании сунским императором цзиньского «дядей по отцу», о возвращении Цзинь всех перебежчиков из района Яньцина, передаче ей трех важнейших областей к северу от Хуанхэ – Тайюани, Чжуншани и Хэцзяни – и наконец, об отправке заложниками в чжурчжэньскую армию принца крови и первого министра Сун. Все эти условия были оскорбительны и неприемлемы для китайцев в рамках их традиционных представлений»².

Таким образом, полутора столетняя война в Китае привели к упадку традиционных ценностей в Поднебесной, когда претензии кочевых империй в ее первоначальной стадии на «братский» статус с Сунской империей сменилась грубой интервенцией новой воинственно настроенной империи Цзинь, жестко требовавшей по отношению к себе – отношение к «сюзерену» со стороны вассалов, включая и Сунскую империю, преемника империи Тан. Этот триумвират (Сун, Цзинь и Си Ся) просуществовал до монгольского нашествия.

В таком положении дел, когда варварские кочевые империи, вместо мирной торговли культивировали набеги и вооруженной экспансии,

¹Кычанов Е.И. История Тангутского государства. –СПб.: СПбГУ, 2008, с.140.

²Гончаров С.Н. Китайская средневековая дипломатия: отношения между империями Цзинь и Сун (1127-1142). – М.: «Наука», 1986. -С.27.

дальнейшее развитие шелковой дипломатии и тесно связанной с ней международного торгового пути стал под вопросом.

Империя Сун, вынужденная отступать под натиском степной экспансии за Янцзы, оторвалась от северных сухопутных маршрутов трансконтинентального пути. Императорский двор, оказавшись во вражеском окружении на северном направлении, не смог выступить покровителем сухопутной караванной торговли.

Эти кочевые империи, не имея шелковой дипломатии дальнего действия, утрачивая вековые традиции дипломатии китайских императоров, постепенно превратились в периферийные государства¹.

За две столетия доминирования в северном Китае и востоке Центральной Азии кочевых империй их торговые и иные контакты с Варорудом и западными от него землями существенно уменьшились. Только на закате империи Цзинь, открыть восточноазиатским народам и самым китайцам довелось вновь вторично открыть далекого Запада- оседлые страны Таримского бассейна, Хафтруда и Вароруда.

Двое их представители, при жестких жизненных обстоятельствах, предприняли дальний поход вслед за Чингисханом в Вароруд. Первый из них –цзиньский посол Угусунь Чжун Дуан пересек всю Центральную Азию от столицы империи Цзинь до Герата (в 1219-1222 гг.)².

Примерно в это время (1221-1224), по вызову самого Чингисхана, совершил западный поход и известный даоский монах, китаец Чан Чунь. Его «Записки о западных землях» (Си ю цзи) также изобилуют интересными рассказами. По сообщению исследователя: «Проникнув в Мавереннахр (Вароруд- М. А.) Чан Чунь был потрясен видом Самарканда, к описанию которого возвращается неоднократно, одновременно высказывая ценные замечания о пригородных полях»³.

¹Воробьев М. В. Чжурчжэньское государство Цзинь и Центральная Азия// Страны и народы Востока. Вып. XI. –М.: «Наука», 1971. -С.41.

²Воробьев М. В. Чжурчжэньское государство Цзинь и Центральная Азия// Страны и народы Востока. Вып. XI. –М.: «Наука», 1971. -С. 38-39.

³Там же. -С.38-39.

На наш взгляд, огромный торговый город Самарканд, центр торговой империи на шелковом пути, даже после первичного монгольского удара сохранил свой блеск, ввергнув в неописуемое восхищение самого просвещенного интеллектуала того времени, каковым был Чан Чунь.

Блокирование со стороны империей Цзинь и частично Си Ся культурного воздействия Китая и согдийцев на Великий степь, а также практика регулярных карательных походов чжурчженей против кочевников степи способствовало к небывалому росту идеологии «степной вендетты», которая, в свою очередь, спровоцировала милитаризации всех сфер жизнедеятельности степняков. Все эти процессы способствовали к появлению личности Чингисхана, который ценности «степной вендетты» поднял до уровня государственной идеологии. Характеристика этой идеологии приводится в изложении известного специалиста: «Высшим наслаждением воина почиталось «подавить возмущившегося и победить врага», заставить его женщин «рыдать и обливаться слезами». Немалую роль играло возведение в ранг политики чувство мести»¹.

Две из трех столпов шелковой дипломатии (дипломатия «дальнего действия» и высокая культура) не могли выполнить свою функцию в восточной части трансконтинентального торгового пути. Остались одни согдийцы со своими сугубо торговыми делами без покровительства со стороны восточных империй и культурного влияния со стороны других цивилизованных центров (Индия, Иран и т.д.).

Не вдаваясь на перипетии военного карательного похода Чингисхана в Вароруд, после ряда военных походов в Китай, ограничимся оценкой его последствий со стороны специалиста: «Чингисхан оставил Среднюю Азию и Иран опустошенными. 600 лет, по подсчетам ученых, потребовалось восстановить то, что было разрушено за три-четыре года. Можно лишь сказать с уверенностью, что экономика обеих этих стран позднее, до начала

¹Кычанов Е. И., Завоевательные войны Чингиз-хана. // История Востока. Т. II. –М.: «Восточная литература», 1995. с. 375.

ХІХ в., никогда не достигала того уровня, на каком она находилась в начале ХІІІ века»¹.

Государство Чингисхана, образованного, в начальном этапе, в результате непрерывных десятилетних междоусобиц в монгольских степях и в последующих военных набегах и вторжениях в крупные оседлые страны (Китай, Вароруд, Хафтруд, Бактрия, Хорасан и др.), олицетворяло собой максимально милитаризованное государственное образование².

Если в начале функционирования шелковой дипломатии Китаю и другим оседлым государствам удалось разгромить кочевой империи гуннов, не способных полностью переходить к ее ценностным ориентирам, то к этому времени Китай и другие оседлые государства пали жертвой многочисленных ударов воинственных степняков.

Традиционно создание или наличие обширных государственных образований, несомненно, положительно влияло на реализации шелковой дипломатии и тесно связанной с ней трансконтинентального торгового пути, когда в больших расстояниях обеспечивалась безопасность и одинаковые управленческие порядки и т.д. Однако не в случае с Монгольским государством, которое более тяготело к прямой экспроприации, чем к эквивалентному торговому обмену с партнером.

Безусловно, обширное государство, созданное «ударами меча» и «сидя на коне», не мог просуществовать долго и очередной хан, выбранный в курултае Хубилай-хан с переносом столицы из Каракорума в Ханбалык (совр. Пекин), спровоцировал распад единой империи на четыре части, несколько в ином формате, которого представлял сам ее основатель³.

Эти части некогда обширной империи, как и прежние кочевые империи, не смогли избежать колоссального культурного воздействия этих оседлых народов. Самая восточная часть- империя Юань постепенно

¹Петрушевский И. П. Землевладение и аграрные отношения в Иране ХІІІ-ХІV веков. –М. -Л.: Издательство АН СССР, 1960. -С.125.

²Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Государства и народы Евразийских степей. – СПб, 2004. -С.186.

³Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Государства и народы Евразийских степей. – СПб, 2004. -С.186-187.

китаизировалась, а остальные три, в основном, исламизировались. Однако черта традиционного степного образа жизни как степная вендетта и милитаризация всех сфер жизни кочевника, доведенных Чингисханом до максимального уровня, не прошла бесследно, а впоследствии оформилась в его Ясе¹.

Если в предыдущих периодах функционирования шелковой дипломатии и, связанного с ней международного торгового пути, обладание богатства и социального авторитета были достигнуты посредством участия в торговых операциях в зарубежных странах или в ремесленничестве, путем внедрения нового вида ремесла, станка, ткани (как «занденачи» Бухары) или иным творческим способом, или ученостью, то в монгольские времена, в первый план вышла военная аристократия (тарханы), выделяемая среди прочих военными заслугами и широкими привилегиями².

Уже в поздних монголах, когда, в основном, были завершены создания различных монгольских государств (особенно в Юань), наблюдается налаживания и расширения торговых связей с окружающими странами и регионами³.

Несомненно, страны, имевшие древнюю цивилизацию, смирившиеся с временным доминированием монгольского правления, постепенно стали мобилизовать внутренние силы к сопротивлению. Эта тенденция стала усиливаться к середине XIV в., когда во многих странах с монгольским игом, усиливалась народная борьба на независимость и соответственно налаживания международной торговли после завоевания независимости. Однако в этом процессе уже была окончательно потеряна универсальные идеи и ценности шелковой дипломатии.

¹Там же. -С.188.

²Цит. по Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Государства и народы Евразийских степей. – СПб, 2004. -С.189.

³Успенский Ф. И. Морское и сухопутное движение народов из Центральной Азии в Европу и обратно в XIII-XIV вв.// Византийский временник. Т. II (XXVII). – М. Изд. АН СССР, 1949. -С. 271.

4.2. Внедрение новых типов торговой дипломатии со стороны европейских морских держав.

По мере снижения активности византийской морской навигации и торговли в западной части Средиземноморья, там наряду с арабским торговым флотом постепенно усилились североитальянские морские республики со своими мощными торговыми и военными флотами. Среди них возвысились Венеция, Генуя, Флоренция, где особо выделялась мощная морская держава Венеция.

Венеция была в числе западных земель Византийской империи, которая благодаря торговым привилегиям в имперских портах постепенно усилилась и в начале IX в. стала играть значительную роль в ее западной политике¹.

Наличие мощного торгового флота у Венеции возвысило ее роль в военных экспедициях западной (римской) империи, которые могли десантировать, в основном, ее сухопутную армию в ее морских пределах. Данное обстоятельство позволило Венеции вести самостоятельную политику по отношению двум Западным империям.

Как утверждают специалисты, постепенному возвышению Венеции между Византийской империей и Священной Римской империей способствовала сочетания меркантилизма и государственной целесообразности, которое актуализировало четкое функционирование государственного аппарата, которое обеспечивало не только внутренней устойчивости этой морской республики, но и внешнеполитической и внешнеэкономической экспансии. В этом процессе особое место занимало искусная венецианская дипломатия². Венецианская дипломатия, среди прочих инструментов, также практиковала шелковой дипломатии, когда обменивалась обмена дарами с правителями страны пребывания. Как подчеркивает специалист: «а исполнение должным образом

¹Успенский Ф. И. История Византийской империи. VI- IX вв. – М.: 1999. -С.708.

²Фурцев Р.В. Дипломатическая служба в государственной власти Венецианской республики в эпоху позднего средневековья./ Вестник МГПУ. Серия Гуманитарные и социальные науки. -М.: 2012, №5. -С. 34-40.

дипломатических поручений нередко открывало путь к чиновникам карьеру на благо республики и кроме того позволило повысить собственный статус, ведь короли и князья имели обыкновение щедро одаривать венецианских послов и награждать почетными титулами. И самое главное- удачное завершение посольской миссии в строгом соответствии с данными инструкциями и соблюдением установленной процедуры приносило вернувшимся домой дипломатам честь и славу»¹. Из данного отрывка сообщения специалиста вытекает, что венецианская дипломатия не только практикует шелковой дипломатии путем обмена дарами, которая восходит до римской дипломатии, но и обладает практикой подготовки профессиональных дипломатов, не прибегая услугам торговцев. Формированию специального сословия политиков-дипломатов в городах северной Италии, игравшей ключевой роли не только в Средиземноморья, но и всей экономической жизни Европы, так как они были главными посредниками в очень выгодной торговле с Востоком. Однако раздробленность самой Италии послужила причиной различных междоусобиц и войн между ними и могучими соседями, поэтому торговые республики предпринимали дипломатические усилия по созданию политическим комбинациям и баланса сил между собой. Как пишут авторы «Истории дипломатии»: «Посольства, переговоры, соглашения стали здесь необходимым дополнением к военной силе. В конце концов, они привели к той системе равновесия, которая стала впоследствии образцом для крупных европейских монархий. В Италии находилась резиденция папского двора, этого церковного центра католической Европы, с его бесчисленными международными связями и сношениями»².

Таким образом, Венеция во главе с другими северо итальянскими торговыми республиками (Генуя, Флоренция и т.д.) и наряду с византийскими купцами выступила не только восстановителем римской

¹ Там же. -С. 37.

² История дипломатии. Т.І./ под редакцией В.П. Потемкина.-М.: ОГИЗ, 1941. -С. 157.

морской торговли, но и активным участником морской части шелкового пути. Эти торговые республики, наращивая свой торговый флот, стали постепенно доходить и берегов Крыма, тем самым сделали бассейн Черного моря самым оживленным местом мировой морской торговли.

К последнему периоду истории шелковой дипломатии и тесно связанной с ней трансконтинентального торгового пути мы наблюдаем активность итальянских морских республик во всем бассейне Средиземноморья и Черного морей, особенно в побережье последнего. Эти морские державы, получая торговые и дипломатические привилегии от Византии, других приморских государств бассейна этих морей целенаправленно усиливали свое присутствие в них. Чрезмерному усилению Венецианской морской державы также способствовали крестовые войны, когда взамен морской перевозки огромных войск европейских монархов, они требовали решить в пользу Венеции насущные военно-политические цели и задачи.

Вероятнее всего, высшей кульминационной точкой венецианской дипломатии стала искусное использование участников четвертого крестового похода со стороны 90-летнего руководителя (дожа) венецианской республики Энрико Дандоло. Он потребовал от них, собранных по религиозному порыву освободить Гроба господни в Иерусалиме, за уплату их перевозки по морю отвоевать город Зару в Далмации от католического короля Венгрии. Таким образом, искусная венецианская дипломатия в лице своего лидера дожа Дандоло, превратила этот военно- религиозный поход в «торговую операцию»¹.

Крестовые походы привели не только к жесткому противостоянию между Западом и Востоком, но и интенсивному взаимообмену между ними в сфере науки, техники, технологий и инноваций. Все эти изменения стимулировали усилению морской торговли не только в бассейне

¹ История дипломатии. Т. I./ под редакцией В.П. Потемкина.-М.: ОГИЗ, 1941. -С. 159.

Средиземноморья, но и бассейна Черного моря, которые вместе составляли обширный бассейн морской навигации.

Известный византист Успенский Ф.И. анализировал усиления международного торгового значения одного из главных портов южного Причерноморья – города Трапезунд после падения Багдадского халифата¹.

Эту конъюнктурную изменению мировой морской торговли заметил и другой исследователь: «район Понта (южное Причерноморье- М.А.) , к которому мы обращаемся, был одним из центров международной посреднической торговли Запада и Востока. Его города, прежде всего Трапезунд (совр. Трабзон в Турции –М.А.) играли важную роль и в системе товарообмена внутри Азово- Черноморского бассейна. На территории Трапезундской империи (1204-1461) существовали крупные фактории генуэзцев и венецианцев»².

Монгольское нашествие далеко на запад и создания ими единой централизованной империи, кроме бесчисленных бедствий и лишений для оседлых народов, имело также одно отличие - на западе (в Западной Европе) появился огромный интерес к этим грозным завоевателям, которые подошли близко к его границам. Оживление контактов между итальянскими морскими державами и монгольскими ханами отмечает современный исследователь. Он пишет: «так как Центральная Азия сделалась доступной для Западной Европы вследствие многочисленных посольств, снаряжаемых монгольскими ханами, с одной стороны, и папами, императорами и европейскими государями- с другой, то для эксплуатации (использование- М.А.) новых торговых путей образовалось большое движение между восточными и западными купцами. И Трапезунт составил складочный пункт в этом торговом движении, открыв путь в Азию. Отсюда одни направлялись в Тавриз и далее- по назначению, в области Центральной Азии; другие в

¹ Успенский Ф. И. Морское и сухопутное движение народов из Центральной Азии в Европу и обратно в XIII-XIV вв.// Византийский временник. Т. II (XXVII). – М. Изд. АН СССР, 1949. -С. 271.

²Карпов С.П. Итальянские морские республики и южное Причерноморье в XIII-XV вв.: проблемы торговли.- М.: МГУ, 1990. -С.23.

Трапезунте нагружались товарами, привезенные из Китая и Туркестана (Вароруда и Таримского бассейна- М.А.) караванном способом. Запад предоставлен был в Трапезунте с итальянскими купцами из Генуи, Венеции и Флоренции, нагружавшими свои корабли индийскими товарами и доставлявшими их как в черноморские, так и средиземноморские порты»¹.

Как и в прошлые времена изменения политической конъюнктуры (перенос политического центра из Багдада в Табриз), в свою очередь, вынудило изменению торгового баланса, так как в мировой торговле стало возвышаться роль Черного моря, до данного времени игравшей вторые роли после Средиземноморья. Данное изменение маршрута привело к колонизации территорий со стороны итальянских морских держав².

Однако на этот раз дело не ограничилось только изменением торговых (морских и сухопутных) маршрутов, а было предпринято дальнейшее усовершенствование мирового торгового законодательства. Это новшество отмечают большинство современных исследователей: «главным для них было признание автономности и статуса экстерриториальности для их поселений в сочетании с благоприятными условиями коммерции и умеренностью налогообложения товаров»³.

Предприимчивые итальянские республики, основное связывающее звено между христианской Европой и ближневосточными небольшими государствами, созданные крестоносцами, хорошо осознавали свою посредническую роль. Они, посредством которых эти новые государственные образования регулярно пополняли свои человеческие и материальные ресурсы, не только довольствовались традиционных больших выгод от этой морской торговли, а также требовали создания специальных органов для защиты своих сограждан. Как пишут авторы «История дипломатии»: «крестоносцы получали немалую помощь от Венеции, Генуи,

¹Успенский Ф. И. Морское и сухопутное движение народов из Центральной Азии в Европу и обратно в XIII-XIV вв.// Византийский временник. Т. II (XXVII). – М. Изд. АН СССР, 1949. -С. 271.

²Карпов С. П. Итальянская торговля в Трапезунде и ее воздействие на экономику поздневизантийского города //Византийский Временник, Т. 44. -М.: «Наука», 1983. -С. 81.

³Карпов С.П. Итальянские морские республики и южное Причерноморье в XIII-XV вв.: проблемы торговли. -М.: МГУ, 1990. -С.23.

Пизы. Силами этих городов было завоевано побережье Леванта с его гаванями, которые играли огромную роль в восточной торговле. За это итальянским городам была представлена крупная доля в добыче. Пизанцам достались главные выгоды в княжестве Антиохийском и в графстве Триполи, венецианцам и генуэзцам – в Иерусалимском королевстве. Они получили по кварталу почти в каждом городе и образовали целый ряд итальянских колоний, которые пользовались особым управлением и были изъяты из общей системы администрации и суда. Во главе итальянских колоний стояли особые должностные лица из итальянцев же, носившие сначала титул «виконтов» (*vicesomites*), со своими трибуналами или куриями»¹. Северо-итальянские республики, издавна практиковавшие шелковую дипломатию, первыми из других носителей этого вида мировой дипломатии, стали практиковать новую идею экстерриториальной юрисдикции. Если мы ранее наблюдали элементы экстерриториальности только в использовании дипломатами-купцами культовые сооружения своих религиозно-конфессиональных принадлежностей (зороастрийцы в «храмах огня», христиане в церквях, буддисты в ступах или буддийских храмах, мусульмане в мечетях, евреи в синагогах и т.д.), но находились в юрисдикции государств пребывания. Теперь в новых условиях, когда их единоверцы создали новые государственные образования, северо-итальянские республики добились не только доступа к своим религиозным культовым сооружениям, но и перенесли туда свой свод юридических норм. Эти руководители итальянских колоний («байюло» для венецианцев и «консулов» для генуэзцев, пизанцев и др.) назначались в метрополиях этих колоний или выбирались на местах.

Несомненно, первоначально это новшество привело к столкновениям интересов между местной властью и итальянскими местными сообществами. В этих случаях они опирались на авторитет римского папства, которые пригрозили нарушителям статуса –кво в лице местных властей отлучением

¹ История дипломатии. Т. I./ под редакцией В.П. Потемкина.-М.: ОГИЗ, 1941. -С. 157.

от церкви. Поэтому последующие разграничения прав между местными властями и консулами итальянских колоний определялись договорами. По сообщению специалистов, уголовная юрисдикция, в основном, оставалась в компетенции местных властей, а в полномочия итальянских консулов переходили гражданская и торговая юрисдикция по делам их соотечественников. Постепенно примеру итальянцев последовали колонизаторы из других государств Европы (Испании, Франции) в Ближнем Востоке¹.

Данное стремление достижения благоприятных условий ведения торговли впервые было зафиксировано в хрисовуле (межгосударственном договоре- М.А.) 1319 года (сохранившимся в латинском переводе), где была пожалована венецианцам следующие права:

1. Свободный въезд на территории и выезд из нее;
2. охрана личности и собственности купцов во всей территории государства, включая города;
3. совершение любых торговых сделок при условии уплаты коммеркиев (торговых пошлин- М.А.);
4. употребление собственных мер и весов и использования своих торговых маклеров - метассариев (торговых агентов- М. А.);
5. владение определенной территорией с правом устройства на ней церквей и иных строений;
6. назначение собственного главы фактории, байло или консула, а также других чиновников;
7. совместная стоянка греческих (местных- М. А.) и итальянских судов в трапезундском порту»².

Анализ этих семи пунктов межгосударственного соглашения (хрисовул) свидетельствует о внедрения нового типа международной торговой дипломатии, со свободой продвижения и охраны собственности

¹ История дипломатии. Т. I./ под редакцией В.П. Потемкина. -М.: ОГИЗ, 1941. -С. 158.

² Цит. по Карпов, Итальянские морские республики и южное Причерноморье в XIII-XV вв.: проблемы торговли.-М.: МГУ, 1990. -С. 24.

торговцев за рубежом, а также свободная торговля (без оглядки на власть страны пребывания).

Также особого внимания заслуживают последние пункты договора о владения определенной территории с правом устройства церквей и иных сооружений и назначения консула. Если раньше только религиозные помещения (мечеть, церковь, синагога, «дом огня» или (буддийский или индуистский храм)) выступали местом сосредоточия зарубежных торговцев, благополучия которых, в основном, зависели от благожелательного отношения властей или местного населения, то теперь они были строго зафиксированы в договорах. А наличия консула выступал гарантом защиты их прав и свобод торговцев в стране и в городе пребывания.

Вместе с тем в хрисовуле ясно сказано, что венецианцы полностью признают суверенитет империи, обязуясь быть «слугами» василевса, - а байло (венецианский резидент- М. А.) должен был высказывать всякое почтение императору»¹.

В последующих договорах между Трапезундской империи и итальянскими морскими республиками и указах императора закрепляются права и обязательства иностранных купцов на территории государства. Как подчеркивает специалист: «по хрисовулу 1367 г. венецианцы впервые получили право на строительство укреплений фактории. С этого момента заканчивается история каравансарая и начинается история венецианской крепости в Трапезунде... Таким образом, венецианская фактория обладала экстерриториальностью, широкими административными и судебными иммунитетами при условии признания верховного сюзеренитета трапезундского василевса... Как и венецианцы генуэзцы имели административный и судебный иммунитеты. Собственную администрацию во главе с консулом. Императору запрещалось договором вмешиваться в дела генуэзцев, проживавших в фактории. Даже в случае их задолженности

¹Карпов С.П. Итальянские морские республики и южное Причерноморье в XIII-XV вв.: проблемы торговли. - М.: МГУ, 1990. -С.24.

соответствующее представление император должен был направлять консулу (равным образом, и генуэзцы в случае споров с греками должны были апеллировать к суду василевса)»¹.

Предприимчивые купцы морских республик, добываясь, каждый раз новых и новых торговых льгот от властей трапезундского государства, которые, в свою очередь, под натиском долговой кабалы от них шли на уступки. Они постарались распространить эти льготы и на сопредельные территории, с которыми не могли соглашаться местные власти. Об этих попытках рассказывает специалист, - «венецианцы настаивали на том, чтобы трапезундский император обеспечивал максимальные благоприятные условия пребывания в Трапезунде не только их собственных купцов, но и их контрагентов из Персии, пресекая вымогательства трапезундских официалов и предоставит иммунитеты и фискальные преимущества восточным коммерсантам. Такая «забота» была продиктована исключительно желанием обеспечить проезд караванов из Тавриза и Нарана в Трапезунд. Почти одновременно с этим письмом венецианцы просили того же императора Мануила III взыскать с персидских купцов убытки, которые понесли на территории государства Джалаиридов еще в 1371 г. Само собой разумеется, что трапезундский император обязывался производить компенсации в случае краж и ограблений купцов на земле его государства»².

Как и в других узловых торговых узлах продажа шелка-сырца и изделий из него составляли основную часть этих торговых операциях в этом портовом городе, подтверждения которого мы найдем в анализе современного специалиста. С. П. Карпов пишет: «транзитная торговля, осуществляемая в Трапезунде, заключалась в обмене специй, хлопка, шелка-сырца и шелковых тканей, драгоценных камней и других редких товаров на западноевропейские сукна, бархат, холстину, металлические изделия и

¹Карпов С.П. Итальянские морские республики и южное Причерноморье в XIII-XV вв.: проблемы торговли.- М.: МГУ, 1990. -С.25.

² Карпов С.П. Итальянские морские республики и южное Причерноморье в XIII-XV вв.: проблемы торговли.-М.: МГУ, 1990. -С.26-27.

звонкую монету. Небольшая часть из общего потока товаров, безусловно, оседала в Трапезунде, идя как на создание резервов торговли для местного купечества, так и на внутреннее потребление»¹.

Безусловно, интенсивная международная транзитная торговля не могла не вовлекать в нее и местного греческого купечества, которая также имела свой опыт и традиции, которая вскоре была востребована ей. О целях широкой кооперации местного и иностранного торгового капитала и ресурсов подчеркивает специалист Карпов: «итальянская торговля, сначала замыкавшаяся в среде соотечественников и иногда даже ограничивавшая участие понтийских греков в совместных предприятиях, очень быстро пришла к самой широкой кооперации с местным населением. Такая кооперация преследовала несколько целей: во-первых, расширить социальную базу всего немногочисленного на Востоке венецианцев и генуэзцев; во-вторых, привлечь дополнительные капиталы в международную и внутри черноморскую торговлю. Ведь именно пассивность платежного баланса не раз побуждала Венецию, в частности, ограничивать объем операций своих граждан на Леванте (Ближний Восток- М. А.) и вывоз товаров оттуда. В-третьих, кооперация способствовала лучшему освоению тех рынков, которые были издавна знакомы понтийским жителям (Тавриз, Султания, Закавказье, Алания и т.д.). Наконец, греки и армяне Понта располагали необходимыми добавочными средствами обеспечения торговли-кораблями, вьючными животными, складами и т.д. Следствием было широкое вовлечение понтийских жителей в общую с венецианцами и генуэзцами торговлю, но, оговоримся сразу же, лишь в пределах Черного моря и караванных путей на Восток и в Закавказье. Прямые связи с Венецией были монополизированы республикой св. Марка (республика Венеция- М.

¹Карпов С. П. Италиянская торговля в Трапезунде и ее воздействие на экономику поздневизантийского города //Византийский Временник, Т. 44. -М.: «Наука», 1983. -С. 82.

А.), посылавшей ежегодно конвой вооруженных галер (кораблей- М.А.) в Черное море»¹.

Несомненно, наблюдалось также различие в морскую торговлю между венецианцами и генуэзцами, когда, первые, в основном, были заняты поиском и транспортировкой в Венецию и дальше в города Западной Европы товаров роскоши, то генуэзцы организовали разветвленную сеть внутри черноморской морской торговли.

В данной (монгольской) части доминирования Великой степи, когда во всех сухопутных торговых дорогах в условиях обширной центральной власти наблюдался безопасность передвижения дорог, то в перевалочных пунктах (от сухопутных к морским или, обратном направлении, новые участники (итальянские морские республики) требовали больше торгово-дипломатических преференций, зафиксированных в торговых контрактах, которая сковывала местных правителей, которые зачастую прибегали к насильственным мерам².

Постепенное утверждение экстерриториальных торговых факторий европейских стран на территории новообразованных христианских государств в Ближнем Востоке, Египте, Кипре, Константинополе и других сопредельных регионах было конце концов признано не только местными христианскими правителями, но и позднее сменившими их мусульманскими властителями. Эти торговые колонии, приносящие большие доходы для местной казны, и при новых (нерелигиозных) властях сохранили свою экстерриториальность. Как пишут авторы «История дипломатии»: «после взятия Константинополя турками венецианская колония сохранила свое самоуправление и своего байоло с его административными и судебными функциями. Он стал одновременно и постоянным дипломатическим представителем Венеции при дворе султана»³.

¹ Карпов С. П. Итальянская торговля в Трапезунде и ее воздействие на экономику поздневизантийского города // Византийский Временник, Т. 44. - М.: «Наука», 1983. - С. 84-85.

² Карпов С.П. Итальянские морские республики и южное Причерноморье в XIII-XV вв.: проблемы торговли. - М.: МГУ, 1990. - С. 31.

³ История дипломатии. Т. I./ под редакцией В.П. Потемкина. - М.: ОГИЗ, 1941. - С. 158.

Это восприятие новых тенденций в мировой дипломатии и торговле, введенные со стороны северо-итальянских дипломатов, со стороны мусульманских правителей стало начальной точкой отсчета завершения шелковой дипломатии и начала этапа дипломатии колонизации по всему миру.

Известный теоретик дипломатии Жюль Камбон приводит подробные сведения о капитуляции, пришедших на смену шелковой (дарственной) дипломатии: «начиная с XVI века, европейские консулы на Ближнем Востоке играли роль не только в торговых делах. На основании договоров, получивших название капитуляций, они были наделены особыми правами. Этот режим распространили затем и на все дальневосточные страны, такие, как Сиам, Китай и Япония. На основании этих договоров консулы пользовались правом юрисдикции в отношении своих соотечественников по уголовным, гражданским и торговым делам; они пользовались также почти всеми дипломатическими привилегиями. Судопроизводство в этих странах было столь несовершенно, правительство творило такой произвол, а нравы настолько отличались от наших, что без капитуляций европейцы не могли бы чувствовать себя в безопасности и спокойно вести торговые дела»¹. Как вытекает с этого отрывка теперь в новых условиях особую ценность приобретает не стоимость привозимого товара, а личность, права и свободы поставщика товаров, которые теперь охраняются не традициями, но и законодательством стран пребывания.

Как пишет Жюль Камбон: «установлением этого режима благоприятствования цивилизованные державы обязаны Франции. Эта заслуга принадлежит Франциску I, который решился уничтожить узкие рамки, куда была заключена до него международная политика. Он поручил г-ну де Лафоре, направленному в Константинополь, договориться с турецким султаном Сулейманом, и в феврале 1535 г. посол подписал с Портой первый договор, освобождавший французов от юрисдикции турецких кади*. Другие христи-

¹Камбон Ж. Дипломат. / Пер. с франц.; - М.: Научная книга, 2006, с 79.

анские державы выразили негодование по поводу того, что Франция ведет переговоры с неверными, а затем поспешили последовать ее примеру»¹.

А сообщение теоретика дипломатии Гарольда Никольсона: «В 1496 г. Венеция назначила двух купцов, живущих в Лондоне, помощниками посла на том основании, что «путь в Лондон очень длинен и опасен»»² свидетельствует о том, что время доминирования купцов-посланников в международных делах, включая в шелковой дипломатии, стал постепенно уходить в прошлое.

Таким образом, полутора тысячетенное доминирование шелковой дипломатии к концу XV в. стало сталкиваться на западе с формированием новшеств в дипломатических практик как: превращение торговых факторий, расположенных за рубежом, в экстерриториальные территории собственным правом и администрацией, появление должности консула (или байло), стоящий на защиту прав и свобод своих соотечественников и их собственности.

В падении Византии (29 мая 1453 г.) обнаружились контуры жесткой торговой конкуренции между византийцами с одной стороны и венецианцев и генуэзцев с другой в морской части шелкового пути, так как последние думали, что с выходом «из игры» Византии они могут установить свою мировую морскую конкуренцию. Поэтому они, обитавшие в предместьях великого города, в Галате (рядом с Золотым Рогом) стали помогать осаждавшим туркам-османам³. Однако их расчеты были неверными, так как султан Мехмед II Фатих (1451-1481), не стал довольствоваться завоеваниями новых территорий в Азии и Европе, оставив своим европейским союзникам морские просторы. Вскоре он свои взоры направил в сторону Трапезундской империи, которую захватил (1461 г.), и его европейские союзники поняли свою стратегическую ошибку.

¹Там же. -С. 79.

² Камбон Ж. Дипломат. / Пер. с франц.; - М.: Научная книга, 2006. -С.79.

³Мейер М.С. Османская империя в XIV-XV вв. // История Востока. Т.II.-М., Вост. лит., 1995. -С. 503.

По сообщению исследователя: «Параллельно со сражениями на Балканах и в Малой Азии Мехмед II развернул военные действия против Венеции и Генуи, пытавшихся отстоять свое господствующее положение в бассейне Черного моря и в восточной части Средиземноморья. После упорной борьбы на суше и на море в 60 и 70 годах Венецианская республика все же не смогла удержать острова Архипелага в Эгейском море, сохранив за собой лишь остров Крит и Ионические острова. Генуя также потерпела ряд поражений, потеряла острова Хиос и Лесбос. Однако наиболее чувствительным ударом для Генуи было завоевание османскими войсками ее колоний в Крыму (1475 г.), главной из которых был г. Кафа (Феодосия). Стремясь окончательно подорвать могущество итальянских республик, Мехмед II даже попытался перенести военные действия на Апенинский полуостров, где туркам удалось захватить небольшой городок Отранто. Однако со смертью султана эта операция была приостановлена»¹.

Чрезмерную активность Османской империи и всего исламского мира этого времени также отмечает известный российский историк: «на рубеже нового времени ведущей военной державой ислама, по сути дела всего Востока, была Османская империя. Она активно поддерживала мусульманских правителей Средней Азии, Индии и Восточной Африки, выступая (с 1516 г.-официально) в качестве протектора всех мусульман. Не без ее содействия (нередко оружием, деньгами, инструкторами) в XV- XVI вв. происходило быстрое территориальное расширение мусульманского мира»².

Таким образом, к концу XV века Османская империя, уничтожив Византию, сделав ее столицу своей и переименовав ее в Стамбул, не сохранила многовековой принцип шелковой дипломатии и, связанной с ней шелкового пути «паритета суши и моря». Она, будучи кочевой империей,

¹Мейер М.С. Османская империя в XIV-XV вв. // История Востока. Т.II.-М., Вост. лит., 1995. -С. 504.

²Иванов И.А. Упадок Востока и установление мировой гегемонии Западной Европы// Восток 1994 № 4. -С. 7.

пересела в «корабли» и перешла в тотальное наступление в сторону морских держав Западной Европы, самых активных государств того времени.

В таком сложном судьбоносном положении в Европе инициативу захватили другие приморские державы как Испания и Португалия, которые ответили мощному османскому натиску морскими походами. Эстафету морских экспедиций от Апеннинского полуострова приняли морские державы Пиренейского полуострова. Генуэзец Христофор Колумб, зять местного мореплавателя, после отказа поддержки его идеи плавания в Индию со стороны итальянских купцов и мореплавателей, покинул Италию и отправился в столицы других морских держав в надежде на всемерную поддержку с их стороны. В 1492 г. Испания в поисках морского пути в Индию через Атлантический океан отправила морскую экспедицию во главе с Христофором Колумбом. Вот как подчеркивает стремительное достижение морского доминирования российский исследователь: «Более успешными оказались морские походы, имевшие целью достичь Индии и нанести удар в самое сплетение мировых коммуникаций мусульман. В 1492 г. в поисках морского пути в Индию Колумб открыл Америку. В 1509-1533 гг. испанцы и португальцы предприняли завоевание Нового Света и стали хозяевами Атлантики. В 1519-1521 гг. Магеллан впервые пересек Тихий океан и вышел с востока к островам Юго-Восточной Азии. Несколько ранее, в 1498 г., португальцы обогнули мыс Доброй Надежды и появились у главной цели, у берегов Индии. В 1509 г. в сражении у Диу они уничтожили египетский флот и установили контроль над всей акваторией Индийского океана, в 1514 г. достигли Китая, в 1542 г.-Японии»¹.

Европейцы в новых землях стали постепенно использовать практику открытия факторий по образцу северо-итальянских морских республик. А сами северо-итальянские морские республики, скованные с востока мощным противником, рассуждая и переосмысливая о достижениях своей

¹ Иванов И.А. Упадок Востока и установление мировой гегемонии Западной Европы. // Восток, 1994 № 4. - С.8.

разновидности шелковой дипломатии, впоследствии дали миру- Ренессанс (Возрождение).

Период знаменитых каравансараев сухопутных торговых путей стал сменяться периодом экстерриториальных торговых факторий, с назначаемыми с метрополий консулами, в портовых городах мира, откуда началась позднее колониальная дипломатия.

Так закончилась протяженная эпоха шелковой дипломатии и тесно связанной с ней трансконтинентального торгового пути, внесший неоценимый вклад в мировую цивилизацию, а началась не менее славная эпоха Великих географических открытий, неузнаваемо преобразив всю Вселенную. Море, точнее мировые океаны стали продолжением Европы, а Азия постепенно погрузилась в глубокий кризис.

4.3. Сокращение дальних торгово- дипломатических связей согдийцев в сухопутных маршрутах (X-XV вв.).

Как было рассмотрено выше (4.1.) усиление кочевых империй, созданных вдали от международных торговых путей со стороны степных народов, привело не только к распаду централизованной Танской империи, но и окончательному разрыву тысячелетнего бесперебойного функционирования трансконтинентального сухопутного торгового пути. Они, среди которых выделялись воинственные чжурчжэни из Маньчжурии, вместо мирного вхождения к ареалу функционирования шелковой дипломатии, насильственно навязывали политику экспроприации и дипломатию силового давления своим оседлым соседям.

К времени падения Танской империи на его северо-восточных окраинах усилились племена киданей, которые под предводительством вождя Амбагына (Абаоцзи) в 916 г. создает свое государство- империю Ляо. Новое кочевое государство, активно вмешиваясь в междоусобиц китайских династий, в течении 20 лет захватывают 16 округов внутреннего Китая (территории в совр. провинциях Шэньси и Хубэй).

В внутреннем Китае уже к середине X в. наблюдается централизаторская тенденция и в 960 г. образовывается единая империя Сун со столицей в Кайфене (восточнее г. Лоян на Хуанхэ). Однако 16 округов остаются в руках киданей империи Ляо.

Империя Сун, отрезанная, в основном, от земель на левом (северном) берегу от Хуанхэ, вела упорные войны для возвращения этих земель на северо-востоке с кочевой империей Ляо, а на северо-западе с новообразованной тангутской империей Си Ся. Однако их итоги были мало результативными.

К этому времени в маршрутах сухопутных торговых путей к середине IX в. Уйгурский каганат, побежденный со стороны киргизов, распался. Многие уйгурские племена покинули Северную Монголию и двинулись в Таримский бассейн и другие сопредельные земли, где постепенно приняли оседлый образ жизни.

Они, отступая в сторону Таримского бассейна, распадая, создали ряд небольших княжеств в Турфане, Ганьчжоу и Куче. Уйгуры, до сих пор жившие северо-востоке от оживленных маршрутов шелкового пути, в абсолютно большинстве кочевым образом жизни, со второй половины IX в. были вынуждены наряду с традиционным образом жизни, адаптироваться к новому непривычному (городскому и коммерческому) образу жизни. «в условиях Уйгурского каганата в качестве посредников выступили согдийцы, в руках которых и сосредоточивалась вся крупная торговля. После переселения племен, входивших в Уйгурский каганат, в район Турфана-Кучи-Хами и в Принаньшань основная масса их продолжала сохранить кочевой образ жизни, хотя отдельные небольшие группы и переходили к оседлости, овладевали новыми профессиями и ассимилировались местным населением. Среди новых профессий, осваивавшихся перешедшими к оседлому образу жизни кочевников, могла быть и торговля. Переходя к оседлой жизни и постепенно сливаясь с местным населением, токуз - огузы наравне с древним населением, говорившим на индоевропейских языках,

согдийцами и также многочисленными тюркскими племенами становились равноправными участниками процесса формирования нового народа, населяющего в настоящее время Восточный Туркестан (Таримский бассейн-М.А.). Приобщаясь к торговле, они, очевидно, играли в ней второстепенную роль. Крупные операции внутри страны, а также международная торговля еще долго оставались в руках согдийцев»¹.

Из ряда различных новообразованных по маршруту шелкового пути уйгурских (или токуз-огузских) княжеств постепенно стали выделяться уйгурские княжества Ганьчжоу, Турфан и Эдзин –гол, которые, опираясь на многолетние торговые традиции согдийцев, продолжали торговые связи между разобренным Китаем, новыми тюркско-кидано-тангутскими государствам и странами Вароруда и дальше на запад.

В последующем уйгуры Эдзин-гола и Ганьчжоу попали под власть тангутов. А западная часть Таримского бассейна попала под власть карлукского государства Караханидов, восточная столица (ставка) которого находилась в городе Кашгар. Таким образом, восточная часть шелкового пути распалась на многочисленные крупные и мелкие государственные образования, междоусобица между которыми привели к кризису шелковой дипломатии.

Успех внешнеполитической деятельности небольшого Уйгурского ганьчжоуского княжества (в Принаншанье к западу от Дуньхуани), просуществовавшего вопреки всему 125 лет, по мнению многих исследователей, была, во многом, заслуга согдийцев. По подсчетам Малявкина из 53 послов-купцов этого княжества, отправленные в государства “Пять династий” (период между Тан и Сун) 14 носили согдийскую фамилию (16 тюрки и остальные смешанные фамилии)².

К середину IX в. Принаньшанье освободилось от тибетской власти. В Дуньхуане (Шачжоу) власть попала в руки влиятельного ханьского клана

¹Малявкин А.Г. Уйгурские государства в IX-XII вв. – Новосибирск, «Наука», 1983. -С.251.

²Малявкин А.Г. Уйгурские государства в IX-XII вв. – Новосибирск, «Наука», 1983. -С.247.

Чжан. Здесь фактически образовалось независимое княжество, где согдийские колонисты оказали содействия правителям в укреплении власти и поддержания международных торговых сношениях с западными странами. Позднее в 1036 г. это небольшое княжество было завоевано тангутской империей Си Ся.

Согласно Малявкину,- «После объединения страны (Китая- М.А.) под властью Сунского государства Уйгурское ганьжоуское княжество продолжало вести значительную торговлю с новыми властями. Историографы Срединного государства сохранили некоторые традиции историографов периода «Пять династий» и по- прежнему фиксировали имена послов (купцов) прибывавших из Принаньшанья. В сообщениях, касающихся Уйгурского ганьжоуского княжества за время создания Сунского государства и до гибели Уйгурского ганьжоуского княжества в 1025 г., т.е. за 64 года, зарегистрированы имена (фамилия) 31 посла (купца) – значительно меньше, чем за предыдущие 54 года (период «Пять династий»). Среди них было десять согдийских фамилий, что составляет 30 %- несколько больше чем прежде. На первом месте, как и раньше, стоят выходцы из Бухары, носившие фамилию Ань (шесть чел.), кроме того прибавились фамилия Цао (Кабудан, два чел.) и Кан (Самарканд, один чел.). Таким образом, и в этот период согдийцы продолжали играть видную роль в торговле»¹. Однако в условиях разобщенности и постоянной междоусобицы между многочисленными кочевыми империями шелковая дипломатия согдийских купцов не имел такого эффекта как посольства Маниаха к Византии. Теперь Дальний Восток и степи Центральной Азии постепенно из-за непрекращающихся войн постепенно отделялись от Среднего Востока и сопредельных регионов Евразии.

Если в восточных землях бывшего Карлукского каганата усилились киргизы, которые создали свое государство (каганат), то в его западных владениях- в Хафтруде возвысился карлукский союз племен. Они, опираясь

¹Малявкин А.Г. Уйгурские государства в IX-XII вв. – Новосибирск, «Наука», 1983. -С.250-251.

на богатства согдийских торговых колоний, стали претендовать при отсутствии явных претендентов на высокий титул доблестных (тюркских) каганов. Поэтому правители карлуков, создав свое централизованное государство, постепенно стали менять свой традиционный титул “ябгу” на “каганов”. А их государство называлось государством Караханидов.

К этому времени, Индия уже не отправляла своих паломников-послов в Китай или, наоборот, из Китая никто не отправлялся сухопутным путем через Западный край в паломничества в Индию. Культурный взаимообмен по шелковому пути резко сокращался. В Сунской империи буддизм пришел в упадок. Империя Сун, вынужденная отступать под натиском степной экспансии на юг, оторвалась от северных сухопутных маршрутов шелкового пути. Поэтому китайский двор, оказавшись во вражеском окружении на северных сухопутных маршрутах, не смог выступить покровителем традиционной караванной торговли.

А новые кочевые империи, не имея опыта мирной дипломатии дальнего действия, утрачивая вековые традиции дипломатии китайских императоров и согдийских купцов, постепенно превратились в периферийные государства. По мнению российского исследователя: «интерес династий Хань и Тан к западным странам диктовался прежде всего военными и торговыми соображениями: китайцы отбивали набеги пограничных народов, искали союзников в тылу этих племен, старались обеспечивать прямую и транзитную торговлю по Великому шелковому пути. Чжурчжэни не вели активной торговли с далекими странами на западе, при заключении отдельных сделок пользовались услугами уйгуров, а военная опасность угрожала им лишь со стороны монголов. Поэтому познания чжурчжэней об окружающем мире уменьшались довольно равномерно по мере удаленности соответствующих народов от государства Цзинь»¹.

¹Воробьев М.В. Чжурчжэньское государство Цзинь и Центральная Азия// Страны и народы Востока. Вып. XI. –М.: «Наука», 1971. -С. 41.

За две столетия доминирования в северном Китае и востоке Центральной Азии кочевых империй их торговые и иные контакты с Варорудом и западными от него землями существенно уменьшились. За это время часть киданев (кара-китай), отколовшись от гибнущего государства Ляо и создавшие свое государство в Хафтруде (Западное Ляо), приняв ислам, потеряли связь со своей прародиной. Только на закате империи Цзинь, открыть восточноазиатским народам и самым китайцам довелось вновь открыть чудеса далекого Запада- оседлые страны Таримского бассейна, Хафтруда и Вароруда.

Исследователи сообщают о единичных дальних поездках послов, в новых условиях, из Дальнего Востока к Хорасану. Чжурчженский (цзиньский) посол Угусунь Чжун Дуан пересек всю Центральную Азию от столицы империи Цзинь до Герата (в 1219-1222 гг.). «Угусунь Чжун Дуан,- пишет российский исследователь,- принадлежал к правящему дому. После победы монголов в Северном Китае он был послан цзиньским двором к Чингизхану с просьбой о мире. Его дипломатическая миссия не увенчалась успехом, так как цзиньский император надеялся сохранить свое государство и ограничиться признанием завоевателя старшим братом, а Чингизхан, покоривший к тому времени значительную часть Северного Китая и многие центрально азиатские земли, соглашался оставить за Цзинь лишь территорию к югу от Хуанхэ, да еще требовал передачи ему западных стратегических проходов в страну. Догоняя Чингизхана Угусунь Чжун Дуан добрался до Герата. Его маршрут не ясен, но сведения по этнографию мусульманских стран в его «Записках» интересны»¹.

В годы упорной борьбы за сохранение своей независимости Уйгурского Ганьчжоуского княжества с тангутами повысилась на востоке Таримского бассейна роль Турфанского княжества, находящегося в

¹Воробьев М.В. Чжурчжэньское государство Цзинь и Центральная Азия// Страны и народы Востока. Вып. XI. –М.: «Наука», 1971. -С. 41.

некоторой удаленности от борющихся между собой китайских империй. Сюда в 981-983 годов прибыл посол сунского императора Ван Яньдэ.

На наш взгляд, основной причиной отправки данного посольства сунским двором состояла в том, чтобы найти на западе достойных союзников (как во времена ханьского императора У-ди) для борьбы с северными «варварами» - киданями и тангутами. Из-за того, что Уйгурские Ганьчжоуское княжество вело затяжные войны с тангутами за сохранения независимости, то Турфанское княжество могло выступить союзником с Сунской империей. Согласно мнению исследователя: «история Турфанского княжества до посещения Ван Яньдэ, а также и после его визита (до вторжения киданьцев во главе с Елюй Даши) чрезвычайно слабо освещена в западных и восточных источниках. Поэтому дорожник Ван Яньдэ – явление уникальное и его трудно переоценить. Вместе с тем сочинение Ван Яньдэ страдает и существует недостатками, снижающими его значение при рассмотрении вопросов, связанных с политической историей этого региона»¹.

Одними из недостатков считается перечень племень, находящихся под властью идикута (правителя) Турфанского княжества, сообщаемом в этом дорожнике: «Под управлением государства Гаочан (китайское название Турфан – М. А.) находились многочисленные племена: южные и северные туцзюя (тюрки – М.А.), большие и малые чигили, ягма, карлуки, кыргызы, барман, геты, урунгу»².

Это сообщение не отвечает действительностью, что отмечает и другие исследователи. Описание этой якобы огромной территории описывает один из специалистов: «если попытаться представить территорию Турфанского княжества, основываясь на списке племен, якобы подчиненных ему, то увидим громадное государство, включающую современную Хакасию (кыргызы), западной части МНР (Монголия- М.А.) (северные т.е. западные туцзюе), Джунгарию (карлуки), Семиречье (карлуки, ягма, барман/марман), часть

¹Малявкин А.Г. Уйгурские государства в IX-XII вв. – Новосибирск, «Наука», 1983. -С.176.

²Малявкин А.Г. Уйгурские государства в IX-XII вв. – Новосибирск, «Наука», 1983. -С.177.

бассейна Амударьи и Сырьдарьи (геты), картина получилась абсолютно неправдоподобная, не соответствующая реальному положению в этих районах во время визита Ван Яньдэ”¹.

Как было подчеркнуто выше, к времени северного похода саманидского эмира Нуха ибн Асада в 840 году, совпадающего во времени с разгромом Уйгурского каганата со стороны кыргызов, карлукский ябгу принял новый титул кагана и стал именоваться Бильге Кюль Кадыр- каган. Данное карлукское государство Караханидов, имевшего северную ставку в Суябе (Хафтруде) и южную в Кашгаре, относительно успешно сдерживающегося саманидского натиска, никак не мог быть вассалом далекого оазисного княжества.

Однако большой перечень тюркских племен, на на взгляд, свидетельствует о новом процессе на востоке Евразии- процесс тюркизации Турфанского оазиса и Таримского бассейна в целом. Регион некогда преимущественно заселенный восточноиранскими племенами (саки-кушаны, саки, за Согдом, саки- хаомаварга и др.) и индоевропейскими племенами (тохары), поэтапно усиливающие крупными миграционными потоками предков таджиков (согдийцев, бактрийцев, бадахшанцев и т.д.), к второй половине X в. оказался под мощным миграционным потоком различных тюркских племен, уходящих на запад от «взволнованной» Монголии и Маньчжурии.

Сообщение в дорожнике (путеводителе) Ван Яньдэ о южных и юго-западных соседях Турфанского княжества также содержат погрешности: «его территория на юге достигает Хотана, на юго-западе- арабского государства и Персии, на западе - Пурушапура (совр. Пешавар- М.А.) в Индии»².

Исследователи предполагают, что сунский посол имел виду не непосредственные соседи Турфанского княжества, а направления его торговых отношений с этими государствами.

¹ Там же. -С.177.

² Цит. по Малявкин А.Г. Уйгурские государства в IX-XII вв. – Новосибирск, «Наука», 1983. -С.181.

Во время разгрома империи киданьев Ляо от чжурчжэней (в 1125 г.), часть киданьской армии во главе одного из родственников императора Елуй Даши отошел на запад и создал в Хафтруде свое государство (Западное Ляо). О проходе этой армии через территории Турфанского княжества сообщается в хронике “Ляо шу”, составленной во время монголов, где говорится: «сейчас я отправляюсь на запад к арабам и хочу пройти через ваше государство. Пусть это не вызывает у вас недоверия. Бильгэ (правитель Турфана- М.А.), получив письмо, сразу же выехал на встречу. Прибыв в ставку [Даши], три дня пировал. Перед выступлением в поход [Бильгэ] подарил [Даши] 600 лошадей, 100 верблюдов и 3000 баранов, охотно оставил в качестве заложников детей и внуков и стал его вассалом. Проводил [Даши] за пределы страны. Там, где [Даши] проходил, он побеждал врагов и успокаивал покорившихся»¹.

Как вытекает из этого сообщения, каракитай, установив номинальный сюзеренитет над Турфанским княжеством и не вмешиваясь в его внутренние дела, а только уточнив размеры “дани” ушли на запад. Эти отношения между ними сохранились, видимо, до возвышения монголов. Как сообщает исследователь: «Исторические хроники почти ничего не сообщают об этом этапе жизни Турфанского княжества. Срединное государство (Китай-М.А.) было отрезано от Центральной Азии и не имело регулярных связей, мусульманские же географы не удостоивали своим вниманием “неверных”»².

Несомненно, страны, имевшие древнюю цивилизацию, смирившиеся с временным доминированием кочевого мира, где позднее доминировали монголы монгольского меча, постепенно стали мобилизовать внутренние силы к сопротивлению. Эта тенденция стала усиливаться к середине XIV в., когда во многих странах с монгольским игом, усиливалась народная борьба на независимость.

¹ Цит. по Малявкин А.Г. Уйгурские государства в IX-XII вв. – Новосибирск, «Наука», 1983. -С.183.

²Малявкин А.Г. Уйгурские государства в IX-XII вв. – Новосибирск, «Наука», 1983. -С.193.

Как сообщает исследователь: «23 января 1368 г. руководитель боровшейся с монгольским владычеством в низовье р. Янцзы повстанческой группировки Чжу Юаньчжан был объявлен в Интяне (Нанкине) императором новой империи- Мин. В сентябре того же года его войска овладели столицей страны при монголах- г. Дадун (Пекином). Монгольский двор бежал на север, империя Юань пала. В течение последующих трех лет минские войска очистили от юаньских властей почти всю территорию Китая и завершили объединение страны присоединением Юньнани (1382 г.) и Ляодуна (1387 г.)»¹.

Эта сугубо китайская империя Мин, образовавшаяся в острой борьбе с монгольскими захватчиками, мобилизовала все свои возможности и силы, чтобы не повторилось монгольское вторжение в страну, оно стало главным лейтмотивом ее внешней политики².

Это сугубо китайское государство старалось копировать управленческие традиции прежних династий, однако долгая борьба за власть иноземцами и другими претендентами оставили свой отпечаток³.

Последующие 100 лет, до 1488 г., происходили неоднократные набеги и ответные военные рейды с различными результатами, когда был заключен мир, который вскоре был нарушен монгольским набегом. Поэтому империя Мин не смогла восстановить китайский контроль в начальном участке сухопутного шелкового пути и отправлять на западные государства своих послов, т.е. восстановить традиции шелковой дипломатии. В начале нового (XV) века появилась новая угроза со стороны государства Тимура, который тщательно начал готовить свой поход в Китай. Со смертью основателя мощной империи в Отраре поход не состоялся⁴.

В этих условиях империя Мин свои взоры обратила на морской маршрут шелкового пути: «начиная с 1405 и по 1433 г. в страны Южных

¹Бокщанин А. А. Китай во второй половине XIV-XV в. // История Востока. Т.П. -М.: «Восточная литература», 1995. -С.528.

² Там же. -С.528.

³ Там же. -С. 528.

⁴ Бокщанин А. А. Китай во второй половине XIV-XV в. // История Востока. Т.П. -М.: «Восточная литература», 1995. -С.532.

морей и далее в Индию, Аравию и Африку направляется 7 грандиозных экспедиций китайского флота под руководством мусульманского (согдийского) адмирала Чжэн Хэ. В разных походах он вел от 48 до 62 больших кораблей (не считая мелких судов). На борту эскадры находилось от 27 до 30 тыс. солдат и матросов, мастеров-ремесленников, купцов, писмоводителей и т.д. Основной целью этих грандиозных плаваний было установление дипломатических, а заодно и торговых связей с заморскими странами в форме регулярного обмена посольскими миссиями»¹.

Империя Мин полностью восприняла традиционную китайскую концепцию об универсальности власти императора и предоставленном вассалитете всех зарубежных стран. Прибытие иноземных посольств, интерпретировавшийся в Китае как проявление подобного вассалитета, всячески стимулировалось первыми правителями империи Мин, родившейся в борьбе с иноплеменными владычеством и нуждавшейся в укреплении своего авторитета. Пик активности стимулирования посольств падает на начало XV в. Но уже с 40-х годов XV в. императорский двор, после борьбы различных мнений о рациональности подобной практики, отказывается от активных усилий в данном направлении. Посольский обмен начинает неуклонно уменьшаться².

Таким образом, неучастие империи Мин в сухопутном шелковом пути привел не к его восстановлению, а к его ускоренному распаду.

В это время и в западной окраине монгольского мира в Малой Азии до возвышения государство Османов наблюдалась также разобщенность. Малая Азия также не смогла избежать монгольских нашествий, которые также оставили неизгладимый отпечаток, так как они отделили сельджукский от последующего османского периода в ее истории. «Существенное значение сельджукского вопроса выражается ближайшее в том, что не дальше как в 1081 г. вся Малая Азия до Никеи оказались в руках турок, что Сулейман, сын

¹ Там же. -С.532.

² Там же. -С. 532.

Кутулмыша, имел смелость основать свою резиденцию у самых почти ворот столицы империи, в знаменитой по церковным воспоминаниям Никее»¹.

А промежуточный период между ними получил в исследовательской литературе название «эпоха бейликов». Как сообщает российский исследователь: ««эпоха бейликов» включает в себе важные политические и этнические перемены, которые были вызваны монгольским нашествием и связанной с ним второй волной тюркской миграции в Анатолию (азиатская часть Турции- М.А.). Поражение, нанесенное монголами малоазийским Сельджукидам в 1243 г., привело в конечном счете к расчленению основанного ими государства на две части. Территория Анатолии к востоку от р. Кызыл- Ырмак была включена во владения Хулагуидов (Ильханов). Здесь утвердилось порядки, привнесенные монгольскими завоевателями. После распада державы Ильханов эти земли еще более века оставались под контролем различных туркменских предводителей, боровшихся за власть в Иране. Малоазийские Сельджукиды, признав свою вассальную зависимость от монгольских ханов, формально сохранили за собой власть над большей частью Западной и Центральной Анатолии. Однако на деле их владения быстро распалась на целый ряд небольших эмиратов (бейликов), фактически независимых и от монголов, и от правителей Коньи. Этот процесс складывания новых политических объединений прежде всего обозначился в пограничных областях (удж), где сосредоточились основная масса кочевых и полукочевых племен, недавно переселившихся в Малую Азию»².

Эти бейлики, число которых доходило до двух десятков, блокированные с востока грозными монголами, свою активность направили против друг друга и европейцев, курсирующих вдоль Эгейского моря. Их соседство с ослабевающей Византией привлекало сюда различных искателей удачи, которые вооружившийся мнимым лозунгом «борьбы за неверными»

¹Успенский Ф. И. Движение народов из Центральной Азии в Европу// Византийский временник. Т. 1 (XXVI). – М.: Изд. АН СССР, 1947. -С. 17.

²Мейер М. С. Османская империя в XIV-XV вв. // История Востока. Т. II. -М.: «Восточная литература», 1995. -С. 493.

(или газаватом), в основном, занимались пиратством и работоторговлей. Эти их «ремесла», несомненно, создавали определенные препятствия для стабильной морской торговле в этих оживленных морских коммуникациях, поэтому против них европейские государства, где, доминировали северо-итальянские морские республики, проводили карательные рейды¹.

В этих сложных обстоятельствах в северо-западе Анатолии из числа «бейликов» стал усиливаться Османский бейлик, находящийся в соседстве с Византией. Военные действия, которые направили вожди бейлика против последних владений слабеющей империи в Малой Азии, позволили им существенно расширить его границы и вместе с тем обеспечили постоянный приток новых сил из других тюркских княжеств Анатолии, прибывавших для участия в священной войне против «неверных». В результате ряда походов, осуществленных еще при жизни Османа (основателя династии –М.А.), была захвачена территория вокруг хорошо укрепленной крепости Бруса (Бурса), взять которую удалось сыну Османа- Орхану (1324-1362). Она стала столицей княжества. Затем пали и другие крупные византийские города- Никея (Изник) и Никомедия (Измит). К началу 50-х годов XIV в. турки – османы оказались перед черноморскими проливами. Преодолеть их и захватить столицу Византии они не смогли. В этих условиях основным объектом новых захватнических планов стали земли, лежавшие за Босфором и Дарданеллами»².

По мере роста этого удельного княжества в централизованное государство не могло обходиться традиционно без использованного иранского делопроизводства и языка, а также параллельных процессов по ассимиляции местного греческого и армянского населения и роста самосознания самих тюрков. Была произведена реорганизация армии с учетом предстоявших задач. Сложение устойчивой власти в государстве завершили исламские ученые-богословы. Среди них особое место занимает

¹ Мейер М. С. Османская империя в XIV-XV вв. // История Востока. Т. II. -М.: «Восточная литература», 1995. -С.494.

² Там же. -С.495.

знаменитый таджикский религиозный мыслитель Джалолиддин Руми из старинного города Балх (северный Афганистан), создавший тарикат «мавлави» суннитского ислама, занимающий господствующее положение в идеологии государства.

Потомки Джалалиддина Руми, руководители суфийского ордена достигли того уровня в суннитском исламе, как римские папы в католическом мире, короновавших европейских королей, которым доверялся церемониал фактического восшествия на престол османских султанов¹.

Создав полноценное государство турки-османы снова перешли к наступлению, на этот раз в Балканах, чему способствовали внутренние распри в византийском императорском дворе, претенденты которых нередко обращались за содействием османам. Оставив, неприступный центр Византии-г. Константинополь в тылу, они захватили Сербию, Болгарию и сопредельные земли. Хотя вторжения армии Эмира Тимура на примерно 50 столетие ослабило натиск турок-османов на Византию и Центральную Европу, в последующем они, оправившие от нанесенного удара с востока, возобновили свой натиск.

Упадок и ожесточенная борьба различных группировок в центре некогда мощной Византийской империи также облегчили его окончательное падение.

В падении Византии (29 мая 1453 г.) обнаружились контуры жесткой торговой конкуренции между византийцами, с одной стороны, и венецианцев и генуэзцев, с другой, в морской части шелкового пути, так как последние думали, что с выходом «из игры» Византии они могут установить свою мировую морскую конкуренцию. Поэтому они, обитавшие в предместьях великого города, в Галате (рядом с Золотым Рогом) стали помогать осаждавшим туркам-османам².

¹Бред Гуч. Секрет Руми. Жизнь суфийского поэта любви./Пер. с англ. П. Джемшедова.-Душанбе, ЭР-граф, 2021. -С.311.

²Мейер М. С. Османская империя в XIV-XV вв. // История Востока. Т. II. -М.: «Восточная литература», 1995. -С. 503.

Однако их расчеты были неверными, так как султан Мехмед II Фатих (1451-1481), не стал довольствоваться завоеваниями новых территорий в Азии и Европе, оставив своим европейским союзникам на время морские просторы. Вскоре он свои взоры направил в сторону Трапезундской империи, которую захватил (1461 г.), и его европейские союзники поняли свою стратегическую ошибку. По сообщению исследователя: «параллельно со сражениями на Балканах и в Малой Азии Мехмед II развернул военные действия против Венеции и Генуи, пытавшихся отстоять свое господствующее положение в бассейне Черного моря и в восточной части Средиземноморья. После упорной борьбы на суше и на море в 60 и 70 годах Венецианская республика все же не смогла удержать острова Архипелага в Эгейском море, сохранив за собой лишь остров Крит и Ионические острова. Генуя также потерпела ряд поражений, потеряла острова Хиос и Лесбос. Однако наиболее чувствительным ударом для Генуи было завоевание османскими войсками ее колоний в Крыму (1475 г.), главной из которых был г. Кафа (Феодосия). Стремясь окончательно подорвать могущество итальянских республик, Мехмед II даже попытался перенести военные действия на Апеннинский полуостров, где туркам удалось захватить небольшой городок Отранто. Однако со смертью султана эта операция была приостановлена»¹.

Чрезмерную активность Османского султаната и всего исламского мира этого времени также отмечает известный российский историк: «На рубеже нового времени ведущей военной державой ислама, по сути дела всего Востока, была Османская империя. Она активно поддерживала мусульманских правителей Средней Азии, Индии и Восточной Африки, выступая (с 1516 г.-официально) в качестве протектора всех мусульман. Не без ее содействия (нередко оружием, деньгами, инструкторами) в XV- XVI

¹ Мейер М. С. Османская империя в XIV-XV вв. // История Востока. Т. II. -М.: «Восточная литература», 1995. -С. 504

вв. происходило быстрое территориальное расширение мусульманского мира»¹.

Таким образом, к концу XV века Османская империя, уничтожив Византию, сделав ее столицу своей и переименовав ее в Стамбул, не сохранила многовековой традиции шелковой дипломатии и принцип шелкового пути «паритет суши и моря» («Кони на севере, корабли на юге»). Она, будучи кочевой империей, пересела в «корабли» и перешла в тотальное наступление в сторону морских держав Западной Европы, самых активных государств того времени.

В таком сложном судьбоносном положении в Европе, когда традиционный бассейн их навигации в Средиземноморья и Черного морей, попал в руки грозных турок, инициативу захватили другие приморские державы как Испания и Португалия, имеющие выход в Атлантический океан. Они, завершающие освобождения Пиренейского полуострова от многовекового арабского владычества, ответили мощному османскому натиску морскими походами. Теперь эстафету морских экспедиций от государств Апеннинского полуострова приняли морские державы Пиренейского полуострова.

Выход на сухопутных торговых путях новых кочевых империй из Дальнего Востока, не принявших идей и ценностей шелковой дипломатии Китая, со своими постоянными междоусобицами, войнами и набегами, заставили переносу китайской столицы на юг, далеко от сухопутной караванной дороги. В новых условиях сунский и минский Китай не смогли продолжить своих предшественников по поддержанию шелковой дипломатии. В Великой степи Евразии также шли бесконечные войны, набеги и междоусобицы, не стимулирующие дальнюю караванную торговлю и дипломатию.

¹Иванов И.А. Упадок Востока и установление мировой гегемонии Западной Европы// Восток, 1994, № 4. -С. 7.

А вытеснение от берегов Черного и Средиземноморья венецианских и генуэзских купцов-мореходов привело к открытию мировой навигации по Атлантическим и, соответственно, мировым морям.

Распад дальней караванной торговли, поддержанной шелковой дипломатией, вкупе с образованием экстерриториальных торговых факторий в портах страны пребывания привело к кризису шелковой дипломатии и ее замены с колониальной дипломатией.

В этих новых геополитических и геоэкономических условиях не Азия, а море, точнее мировые океаны, стали продолжением Европы, в берегах которых европейцы создавали торговые фактории с экстерриториальной юрисдикцией, с опорой на которых они начали мировую экспансию во многие континенты и новые земли.

Заключение.

Проведённое диссертационное исследование, посвящённое истории возникновения шелковой дипломатии и проблемам её периодизации, позволило на новом концептуальном уровне раскрыть закономерности формирования, функционирования и трансформации данного уникального исторического феномена, оказавшего существенное влияние на развитие международных отношений обширной Евразии. В ходе исследования удалось доказать, что шелковая дипломатия представляет собой самостоятельный тип дипломатической практики, возникший в результате эволюции дарообмена архаичных обществ и достигший высокой степени институционализации в рамках взаимодействия крупнейших империй древности и средневековья.

Сложившаяся на протяжении полутора тысячелетий шелковая дипломатия отражает глубинные процессы развития цивилизаций Евразии, а её центральным элементом стал шелк как уникальный ресурс, не имеющий аналогов в других регионах древнего мира. Первоначально формируясь на основе ритуала обмена дарами, она превратилась в устойчивый механизм межгосударственных отношений, обеспечивающий поддержание мира, регулирование конфликтов и расширение культурно-цивилизационных контактов между государствами и народами вдоль трансконтинентальных маршрутов. Дар, как показали теории М. Мосса и М. Годелье, являлся не только экономическим, но и социально-регулятивным инструментом, обеспечивавшим установление доверия и выстраивание коммуникативных связей между коллективами. Его сакральный и обязательный характер стал основой формирования последующих дипломатических норм и ритуалов.

С выходом Китая в Центральную Азию и установлением регулярных контактов с государствами западных регионов традиционная «дарственная дипломатия» приобрела новые формы. Миссии Чжан Цяня и последующие дипломатические контакты показали китайскому двору наличие мощных оседлых государств, обладавших ресурсами (прежде всего лошадьми),

крайне востребованными для китайской армии. В этих условиях политика «шелк в обмен на лошадей» стала важнейшим фактором превращения традиции дарообмена в новую форму международной дипломатии. Именно с конца II века до н.э. начинается эпоха шелковой дипломатии, основанной на передаче шелка в качестве высшего дипломатического дара.

Жёсткая иерархия китайского дипломатического протокола, сложность и протяжённость маршрутов, а также необходимость в специализированных посредниках привели к тому, что ключевую роль в развитии шелковой дипломатии стали играть согдийские торговцы. Их разветвлённые колонии, расположенные от Согда до Таримского бассейна и Ганьсу, создавали благоприятные условия для регулярных дипломатических миссий. Согдийцы, бактрийцы-тохаристанцы обеспечивали сопровождение посольств, организацию торговли, передачу информации, являясь связующим звеном между Китаем, Центральной, Южной, Западной Азией и Византией. Именно они стали той силой, которая объединила оседлые и кочевые цивилизации в рамках единого дипломатического пространства.

Шелковая дипломатия активно развивалась благодаря участию и взаимодействию крупных держав Евразии: Ханьской и Танской империй, Кушанской, Эфталитской империй, Парфии и Сасанидского Ирана, Тюркского каганата, Римской и Византийской империй, Арабского халифата, Саманидов, державы Великих Сельджуков и империи Тимура. Политическая стабильность и административная целостность этих государств обеспечивали безопасность трансконтинентальных путей, по которым перемещались дипломаты, торговцы, миссионеры и учёные. Шелковая дипломатия способствовала распространению религиозных учений, культурных традиций, технологических и научных инноваций, превращая трансконтинентальные маршруты в мощные каналы межкультурного обмена.

Функционирование шелковой дипломатии сопровождалось развитием инфраструктуры: караван-сараяв, монастырей, храмов, торговых станций и

религиозных центров, которые становились местами пребывания торгово-дипломатических миссий. Через них распространялись мировые религии — зороастризм, буддизм, манихейство, христианство и ислам, что усиливало культурную взаимосвязанность Евразии.

Кризис шелковой дипломатии в XIV–XV вв. был обусловлен совокупностью факторов, среди которых ключевыми стали политическая фрагментация Центральной Азии, ослабление традиционных посреднических структур, усиление военных империй степи, игнорировавших традиции дипломатического дарообмена, а также выдвижение на историческую сцену морских держав Европы. Падение Константинополя, утрата контроля над Черноморскими и восточномедиземноморскими маршрутами и Великие географические открытия радикально изменили глобальную транспортно-торговую систему, переключив основные коммуникации с суши на море. Вместо караванных структур начали формироваться экстерриториальные торговые фактории, ставшие прообразом колониальной дипломатии Нового времени.

Проведённый анализ позволяет дать следующее научное определение шелковой дипломатии: это исторический тип мировой дипломатии, специфической особенностью которого является налаживание и поддержание межгосударственных отношений посредством ритуализированного дарообмена, прежде всего передачи шелка и шелковых изделий, а также установление контроля над ключевыми узловыми точками трансконтинентальных торговых маршрутов, служивших каналами политического, экономического и культурного взаимодействия.

В результате исследования было доказано, что шелковая дипломатия не только формировала устойчивые механизмы взаимодействия между государствами, но и служила важнейшим фактором межкультурного диалога, способствовала предотвращению конфликтов, регулированию миграционных процессов, распространению культурных ценностей, созданию политически стабильного пространства от Восточного

Средиземноморья до Восточного Китая. Научно обоснованная периодизация, предложенная в диссертации, позволила увидеть шелковую дипломатию как динамичную систему, проходившую этапы возникновения, институционализации, зрелости, трансформации и кризиса. Это имеет важное значение для дальнейших исследований истории международных отношений и для понимания закономерностей взаимодействия цивилизаций Евразии.

Шелковая дипломатия представляет собой уникальное историческое наследие, аккумулировавшее колоссальный опыт ведения переговоров, предотвращения и урегулирования конфликтов, культурного обмена и выстраивания многоуровневых коммуникаций между государствами, народами и цивилизациями Евразии. Это наследие демонстрирует, как ритуализированные практики дарообмена, посредничество торговых диаспор, устойчивые дипломатические маршруты, религиозно-культурные центры и взаимное признание статуса могли обеспечивать стабильность на огромных пространствах, объединяя оседлые и кочевые общества в единое коммуникационное поле. Шелковая дипломатия не только способствовала экономическим обменам, но и создала условия для циркуляции знаний, технологий, религий и культур, что превращает её в фундаментальную модель межцивилизационной дипломатии древности.

Данный исторический опыт обладает значительным методологическим потенциалом для современности и может быть использован при разработке интеграционных проектов, гуманитарных инициатив и стратегий межкультурного взаимодействия в Евразии. Он демонстрирует:

1. Необходимость сочетания политических, экономических и культурных инструментов внешней политики, что особенно актуально для современных проектов регионального сотрудничества — ШОС, ЕАЭС, C5+1, ОИС, инициативы «Один пояс — один путь», Европейского проекта «Глобальные ворота» (Global Gateway).

2. Важность института посредничества, что в современных условиях может трансформироваться в формат универсальных дипломатических платформ, интеллектуальных центров, научно-образовательных хабов и центров межкультурного диалога.

3. Значимость устойчивых коммуникационных коридоров и инфраструктуры, что подчёркивает актуальность проектов развития транспортно-логистических связей, модернизации коридоров Север—Юг, Восток—Запад, создания культурно-туристических маршрутов, музейных кластеров и цифровых платформ обмена знаниями.

4. Роль гуманитарной дипломатии как фактора долгосрочной стабильности, опирающейся на признание культурного разнообразия, уважение исторических традиций, развитие образовательного и научного обмена, сохранение общего культурного наследия.

5. Необходимость формирования доверия между государствами через мягкие, ритуализированные формы дипломатии, что в современных условиях может выражаться в символической политике, обмене культурными дарами, проведении международных фестивалей, институте городов-побратимов, обмене делегациями экспертов и учёных.

6. Уроки шелковой дипломатии важны для разработки конфликтологических моделей, основанных на принципах взаимного признания, символического уважения, обмена дарами (в современной форме — совместные культурные проекты, обмен технологиями, образовательные инициативы), что особенно актуально для регионов с историей межкультурной и межкультурной напряжённости.

Нами разработаны практические рекомендации, вытекающие из анализа исторического опыта шелковой дипломатии:

1. Создание международных научных центров по изучению наследия шелковой дипломатии, объединяющих историков, политологов, востоковедов, культурологов и антропологов.

2. Разработка межгосударственных гуманитарных программ, ориентированных на укрепление доверия между государствами Восточной, Южной, Центральной, Западной Азии и Европы.

3. Включение исторических уроков шелковой дипломатии в программы подготовки дипломатов, особенно по направлениям публичной дипломатии, межкультурной коммуникации и конфликтологии.

4. Формирование культурно-дипломатических коридоров, включающих музейные маршруты, реконструкции древних караванных путей, культурные фестивали, объединяющие государства Евразии.

5. Использование опыта торговых и религиозных диаспор в современных формах «народной дипломатии» — поддержка диаспоральных организаций, образовательных сетей, бизнес-ассоциаций как посредников межгосударственного взаимодействия.

6. Встраивание практик символической дипломатии (обмен памятными дарами, совместные культурные проекты, церемониальные протоколы) в современные переговорные процессы.

7. Разработка международных образовательных программ по истории Шелкового пути, включая университетские курсы, сетевые школы, экспедиционные проекты и летние школы.

Таким образом, проведённое исследование показало, что шелковая дипломатия являлась уникальным историческим механизмом межгосударственного взаимодействия, сформировавшимся на основе древних практик дарообмена и получившим развитие в условиях расширения политических и культурных контактов Евразии. Она обеспечивала устойчивость международных отношений, способствовала предотвращению конфликтов, развитию торговли, распространению знаний и религий, формированию многоуровневых коммуникационных сетей.

Предложенная в диссертации концепция шелковой дипломатии, реконструкция её генезиса, определение механизмов функционирования и научно обоснованная периодизация позволяют по-новому осмыслить

эволюцию международных связей древности и средневековья. Исторический опыт шелковой дипломатии имеет высокую методологическую и практическую ценность для современности, предлагая модель интеграции, межкультурного диалога и гуманитарного взаимодействия, основанную на принципах доверия, взаимного признания и ритуализированных форм дипломатии. Она задаёт методологические рамки для развития интеграционных процессов, укрепления гуманитарных связей и построения гармоничных межкультурных коммуникаций в условиях глобализации, предлагая модель устойчивого взаимодействия цивилизаций, основанную на диалоге, взаимном уважении и обмене ценностями.

Список использованных источников и литературы.

Источники:

1. Авеста: Избранные гимны/Пер.с авест. и коммент.проф. И.М. Стеблин-Каменского;Предисл. проф. В.А. Лившица.-Душанбе: Адиб,1990. - 176 с.
2. Авеста в русских переводах (1981-1996).- СПб.: «Наука», 1998. - 480 с.
3. Аммиан Марцеллин. Римская история. –М.: «Ладомир», 2000. -632 с.
4. Арриан, Флавий. Поход Александра. Пер. с древнегреч. М.Е. Сергеенко. -М.-Л., 1962.-238 с.
5. Геродот. История в девяти книгах. Пер. и прим. Г.А. Стратановского.-Л., 1972. -500 с.
6. Егише Вардапет История: Борьба Христианства с учением Зороастровым в пятом столетии, в Армении. Перевод с армянского П. Шаншиева. Тифлис, - 1853.-544 с.
7. Ибн Хордадбех. Книга путей и стран./ Пер. Н. Велихановой. – Баку, «Элм», 1986. -428 .
8. Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getica). – СПб. «Алетейя». 2000.-512 с.
9. Курций Руф Квинт. История Александра Македонского. Сохранившиеся книги. Под ред. В.С. Соколова. -М., 1963. -478 с.
10. Носири Хисроу. Избранное.- Сталинабад, Таджикгосиздат, 1954. - 200 с.
11. Плутарх. Сравнительное жизнеописание в двух томах. –М.: «Наука», 1994, - 714.
12. Поло Марко. Книга о разнообразии мира. – М.: «Мысль», 1997. - 381с.
13. Приск Панийский. Сказание. Рязань, «Александрия», 2005.-492 с.
14. Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. –М.: «Наука», 1998. – 570 с.
15. Прокопий Кесарийский. Война с готами. О постройках. –М.: Арктос-Вика пресс, 1996, -304 с.
16. Псевдоарриан. Плавание вокруг Эритрейского моря // Вестник древней истории. 1940 № 2, с. 264-281.
17. Руи Гонзалес де Клавихо. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403-1406 гг. Текст с пер. и прим., составленный под ред. И.И. Срезневского. СПб.1881.

18. Страбон. География в семнадцати книгах. Пер., статья и коммент. Г.А. Стратановского. Л. 1964. -944 с.
19. Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. I. – М.: «Восточная литература», 2001. -415 с.
20. Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. II. – М.: «Наука», 1975.-579 с.
21. Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи).Т. III. – М.: «Наука», 1984. -943 с.
22. Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи).Т.IV. – М.: «Наука», 1986. -453 с.
23. Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. V. – М.: «Наука», 1987. -364 с.
24. Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи).Т. VI. – М.: «Наука», 1992. -483 с.
25. Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи).Т.VII.– М.: «Наука», 1996. -462 с.
26. Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи).Т.VIII. – М.: «Восточная литература», 2002. -510 с.
27. Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т.IX. – М.: «Восточная литература», 2010.- 623 с.
28. Сюань-цзан. Записки о Западных странах [эпохи] Великого Тан (Да Тан си юй цзи). –М.: “Восточная литература”. 2012.-464 с.
29. Фирдоуси А. Шах-наме. /Перевод с фарси. Техрон, 1379, -691с.
30. Фирдоуси А. Шахнамэ. Критич. Текст. Т. I-IX. –М.: 1960-1971, Изд-во Восточной лит-ры, -643с.
31. Хуань Куань. Спор о соли и железе (Янь те лунь).Т. II./ пер. кит. Ю. Л. Кроль.- М.: «Восточная литература», 2001.- 413 с.

Монографии, брошюры и научные статьи

32. Абаев В.И. К вопросу о прародине и древнейших миграциях индоиранских народов. // Древний Восток и античный мир. – М.: МГУ, 1972, с. 26-37.
33. Абаев В.И. Антидэвовская надпись Ксеркса. // Иранские языки. Труды института языка и мышления АН СССР.Т.I. – М.-Л. 1945, с. 134-140.
34. Абаева Г.Г. К вопросу о главенстве Бадахшана на «шелковой дороге» в раннем и позднем средневековье // IV Всесоюзная конференция востоковедов «Восток: прошлое и будущее народов». – М.: «Наука», 1991.
35. Агаджанов С.Г. Торговля в среднеазиатской трассе шелкового пути в XI-XII вв. // IV Всесоюзная конференция востоковедов «Восток: прошлое и будущее народов», Тезисы докладов. – М. «Наука», Т. II. 1991.
36. Акишев К.А. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. - М.: «Искусство», 1978. – 142 с.

37. Алексеев С. В. Владимир Святой. Создатель Русской цивилизации. -М.: «Вече», 2006.- 336 с.
38. Алимов Р. Таджикистан и Китай. Диалог культур.-Пекин, «Жэньминь Жибао», 2013. -198 с.
39. Анохин А.Н. Регулирование отношений дарения в Коране и в Хадисах Имама аль-Бухари./Ученые записки Таврического национального университета. Серия «Юридические науки». Том 23 (62). № 1. 2010 г. с.19-27.
40. Антонова Е. В. Сельское хозяйство. // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье.- М.: «Восточная литература», 1995, с. 103-114.
41. Ариньон Ж. –П. Международные отношения Киевской Руси в середине X в. и крещение княгини Ольги //Византийский Временник, Т. 41. – М.: «Наука,1980 с.113-124.
42. Артамонов М. И. История хазар. – Л. Изд. Гос.Эрмитажа. 1962. - 522с.
43. Артемов И.В. Средняя Азия в III-XIII вв.// История Востока. Т.II.- М., «Восточная литература», 1995, с. 261-268.
44. Ашрафян К.З. Тимур и Тимуриды в Средней Азии.// История Востока. Т. II.-М., «Восточная литература», 1995, -516 с.
45. Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. –Л. Изд. АН СССР. 1927, -256 с.
46. Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинение. Т.I.- М.: Восточная литература, 1963, -763с.
47. Бартольд В.В. Бармакиды // Бартольд В.В. Сочинения. –Т. VI: Работы по истории ислама и арабского халифата. –М.: «Наука», 1966, -785 с.
48. Бернштам А. Н. Проблемы истории Восточного Туркестана //Вестник древней истории. 1947, № 2, с.51-71.
49. Беруни Абу Райхан. Индия / Перевод с арабского А. Б. Халидова и Ю. Н. Завадовского // Избранные произведения. Т. 2. Ташкент: Фан, 1963, - 727 с.
50. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах,обитавших в Средней Азии в древние времена. Т.I.- М.:-Л. Изд-во Акад. Наук СССР,1950,- 471с.
51. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах,обитавших в Средней Азии в древние времена. Т.II.- М.:-Л. Изд-во Акад. Наук СССР, 1950, -302 с.
52. Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи. –М.: «Наука», 1998, - 303с.
53. Бернштам А. Н. Новые работы по тохарской проблеме//Вестник древней истории. 1947 № 2, с.134-138.
54. Богословский В. А. Очерк истории тибетского народа. – М.: «Наука», 1962.
55. Большаков О.Г. Арабские завоевания. Халифаты Умайядов и Аббасидов. Распространение ислама.// История Востока. Т.2. Восток в средние века. С. 125-147.
56. Большаков О. Г. Ранний ислам // История Востока. Т.II. –М.: «Восточная литература», 1995, с. 103 – 113.

57. Большаков О. Г. Распад Аббасидского халифата // История Востока. Т. II. – М.: «Восточная литература», 1995, с. 222- 225.
58. Большаков О. Г. К истории Таласской битвы (751 г.). // Страны и народы Востока. Вып. XXII. – М.: «Наука», 1980, с. 132-136.
59. Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А. От Скифии до Индии. Древние арии: мифы и история. – СПб.: «Алетейя», 2001, -224 с.
60. Боровкова Л. А. Царства «Западного края» во II – I веках до н.э. – М.: ИВ РАН. 2001, -368 с.
61. Бокщанин А. А. Китай в конце VI- начале X в. // История Востока. Т. II. – М.: «Восточная литература», 1995, с. 157-174.
62. Бокщанин А. А. Китай в X-XIII вв. (империя Сун. Государства Ляо и Цзинь) // История Востока. Т. II. – М.: «Восточная литература», 1995, с. 298-320.
63. Бокщанин А. А. Китай во второй половине XIV-XV в. // История Востока. Т. II. – М.: «Восточная литература», 1995, с. 528- 546.
64. Бред Гуч. Секрет Руми. Жизнь суфийского поэта любви./Пер. с англ. П. Джамшедова. – Душанбе, ЭР-граф, 2021, -368с.
65. Бураев Д. И. Религия бон. Проблемы происхождения и роли в становлении тибетского государства VII-IX веков. – Улан Удэ. 1998, -157 с.
66. Вайнберг Б. И. Монеты древнего Хорезма. – М.: «Наука», 1977, -204 с.
67. Вайнберг Б. И., Ставиский Б. История и культура Средней Азии в древности. – М.: «Наука», 1994.
68. Васильев Л. С. Древний Китай. Т. 1. – М.: «Восточная литература», 1995, -378 с.
69. Вельгус В. А. Средневековый Китай. – М. «Наука», 1987, -202 с.
70. Вельгус В. А. Известия о странах Африки и морские связи в бассейнах Тихого и Индийского океанов. – М. «Наука», 1976, -302 с.
71. Велльхаузен Юлиус. Арабский халифат. Золотой век ислама./ Пер. с англ. Т. М. Шуликовой. – М.: Центрполиграф, 2018, -308с.
72. Воробьев М. В. Чжурчжэньское государство Цзинь и Центральная Азия// Страны и народы Востока. Вып. XI. – М.: «Наука», 1971, с. 31-42.
73. Воробьева- Десятовская М. И. Хотано-саки // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Т. II. – М.: «Наука», 1992, -684 с.
74. Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Т. 1. Очерки, истории. – М.: «Наука», 1988, -452 с.
75. Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Т. II. Этнос, языки, религии. – М.: «Наука», 1992, -682 с.
76. Восточный Туркестан в древности и раннем средне-вековье. Т. III. Хозяйство, материальная культура. – М.: «Восточная литература», 1995, - 523 с.
77. Восточный Туркестан в древности и раннем средне-вековье. Т. IV. Архитектура, Искусство. Костюм. – М.: «Восточная литература», 2000, - 584с.

78. Гафуров. Б. Г. Таджики. Книга первая. – Душанбе, «Ирфон», 1989, -384с.
79. Гафуров. Б. Г. Таджики. Книга вторая. – Душанбе, «Ирфон», 1989, -480с.
80. Гафуров Б. Г. Кушанская эпоха и мировая цивилизация // Центральная Азия в кушанскую эпоху. – М. «Наука», 1972. С. 61-71.
81. Гиршман Р. Кушаны и Иран// Центральная Азия в кушанскую эпоху. – М.: «Наука», 1972. С. 139-145.
82. Годелье М. Загадка дара./Пер. с франц.-М.:«Восточная литература»,2007,-295 с.
83. Гойтейн С. Изменения на Ближнем Востоке (950-1150) в свете документов каирской генизы // Мусульманский мир (950-1150).- М.: «Наука», 1981, -206с.
84. Гончаров С.Н. Китайская средневековая дипломатия: отношения между империями Цзинь и Сун (1127-1142). – М.: «Наука», 1986. – 291 с.
85. Грантовский Э. А. Иран и иранцы до Ахеменидов. –М.: 1998.-343 с.
86. Греков Б. Киевская Русь. Описание путешествия в Западный Китай –М.: ООО «Изд. АСТ», 2004, -671 с.
87. Грумм- Гржимайло Г.Е. М.: Государственное Издательство Географической литературы, 1948. – 696 с.
88. Гумилев Л. Н. Этносфера: история людей и история природы. –М.: «Экопрос», 1993, -544с.
89. Гумилев Л. Н. Величие и падение древнего Тибета // Страны и народы Востока. Вып. 8.- М.: «Наука», 1969, с. 153-174.
90. Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. –М., «Мысль», 1992, -781 с.
91. Гуревич А.Я. Избранные труды. Средневековый мир. — 4-е изд. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив. 2020. – 560 с.
92. Дандамаев М.А. Иран при первых Ахеменидах (VI в. до н.э.)- М.: Изд-во восточной литературы. 1963. -292 с.
93. Дебс Г. Г. Военное соприкосновение между римлянами и китайцами в античное время // Вестник древней истории. 1946, № 2, с.45-50.
94. Дискуссионные проблемы отечественной скифологии// Народы Африки и Азии. 1980, № 5, с. 102- 131.
95. Дискуссионные проблемы отечественной скифологии (продолжение)// Народы Африки и Азии. 1980, № 6, с. 68- 103.
96. Документы древневосточной дипломатии. //История дипломатии. Т.1. под редакцией В.П. Потемкина.- М.: ОГИЗ,1941, с.18-77.
97. Дьяконов И. М., Янковский Н. Б., Новоассирийская держава // Т.1. Восток в древности.- М.:«Восточная литература», 2009, с. 230-245.
98. Дьяконов М. М. У истоков древней культуры Таджикистана. Сталинабад, Таджикгосиздат, 1956,-143 с.
99. Зелинский А.Н. Древние пути Памира// Страны и народы Востока. Вып.III. –М.: «Наука», 1964, с. 99-108.

100. Иванов И. А. Упадок Востока и установление мировой гегемонии Западной Европы // Восток, 1994, №4, с. 5-18.
101. Иерусалимская А. А. Кавказ на шелковом пути. Каталог выставки. – Л. Эрмитаж, 1992. -72с.
102. Илюшечкин В.П. Конфуций и Шан Ян о путях объединения Китая// XVI научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч.1. – М., «Наука», 1985, с. 35-42.
103. Ирмшер И. Трансформация идеи государственности в последний период истории Византии// Византийский Временник, Т.37. – М.:«Наука»,1976.с 13- 16.
104. История Востока. Т.1. Восток в древности.- М.: «Восточная литература» РАН. 1997.-688с.: карты.
105. История Востока. Т. II. Восток в средние века. –М.: «Восточная литература», 1995.-716 с.: карты.
106. История древнего Востока: От ранних государственных образований до древних империй /Под ред. Седова А. В.- М. 2004.- 711с.
107. История древнего Рима/ Под ред. Бокщанина А. Г. –М. «Высшая школа», 1971. – 495с.
108. История дипломатии. Т.I. под редакцией В.П. Потемкина.- М.: ОГИЗ,1941, -566 с.
109. История дипломатии. Т.I. под редакцией В.П. Потемкина.- М.: ОГИЗ,1945, -883 с.
110. История дипломатии. Т.II. под редакцией В.П. Потемкина.- М.: ОГИЗ, 1945, -424с.;
111. Кадырбаев А.Ш. Тюрки и иранцы в Китае и Центральной Азии XIII –XIV вв. –А.-А.: Гылым , 1990 – 160 с.
112. Камалов А. К. Тюрки и иранцы в Танской империи / Отв. Ред. Б.Е. Кумеков. Алматы: ИД «МИР», 2017. – 384 с.
113. Камбон Ж. Дипломат / Пер. с франц.; / Пер. с англ.; примеч. Л.А. Сифуровой; вступит, ст. О.О. Хохлышевой. –М.: Научная книга, 2006, -352 с.
114. Карпов С.П. Итальянские морские республики и южное Причерноморье в XIII-XV вв.: проблемы торговли.-М.: МГУ, 1990, -336с.
115. Карпов С. П. Итальянская торговля в Трапезунде и ее воздействие на экономику поздневизантийского города //Византийский Временник, Т. 44. –М.: «Наука», 1986, с. 81-87.
116. Карпов С. П. Некоторые вопросы внутренней торговли и торговой политики в Византии XIV –XV вв. //Византийский Временник, Т. 50. –М., «Наука,1989 с. 36- 46.
117. Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири.- М.: Изд-во АН СССР, 1951, -642 с.
118. Киссенджер Г. Дипломатия.-М.: «Наука», 2004.
119. Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Государства и народы Евразийских степей. – СПб, 2004.
120. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы Евразийских степей. – СПб, Петербургское востоковедение, 2004, с. 48.

121. Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники. – М.: «Наука», 1964, -210 с.
122. Кляшторный С. Г. Проблемы ранней государственности у кочевников Центральной Азии.// Тангуты и Центральная Азия: материалы международной конференции. –М.: «Восточная литература», 2012, с. 81-86.
123. Кляшторный С. Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004, -560 с..
124. Коковцев П. К. Еврейско-хазарская переписка в X веке – Л.: Изд. АН СССР, 1932, -134 с.
125. Кравцова М. Е. «Жизнеописание Сына неба Му». Вопросы и ответы. // Петербургское востоковедение. Вып. 2, 1992. С. 354- 378.
126. Кравцова М. Е. Традиционные и научные версии происхождения института верховной власти в Китае. / Процесс формирования официальной идеологии имперского Китая. – СПб.: «Наука», 2012, с. 68.
127. Крадин Н. Н. Кочевые империи: генезис, расцвет, упадок //Восток. 2001 № 5, с. 21- 31.
128. Кроль Ю.Л. «Рассуждения о соли и железе» Хуань Куаня как памятник диалога сформировавшего государственную доктрину китайской империи. // Страны и народы Востока. Вып. XXIII. –М.: «Наука», 1982. С. 41-61.
129. Крюков М. В. Восточный Туркестан в III в. до н.э.- VI в. н.э. // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье.- М. «Наука», 1988, с.223- 267.
130. Крюков В. М. Военные походы в системе социальных отношений древнекитайского общества конца II- начала I тыс. до н.э. //XVI научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч.1. –М., «Наука», 1985, с. 8-13.
131. Крюков М. В. Древние китайцы. Проблема этногенеза. –М. «Наука», 1978, -336 с.
132. Кузнецов Б. И. Культурные связи Памира с Тибетом // Страны и народы Востока. Вып. 16.- М. «Наука», 1975, с. 299 -304.
133. Кузнецов Б. И. Кто основал религию «бон»// Центральная Азия и Тибет. I/ История и культура востока Азии.- Новосибирск, «Наука, 1972, с.132-133.
134. Кузнецов Б. И. Древний Иран и Тибет. – СПб.: «Наука», 1998, -352 с.
135. Кычанов Е. И., Савицкий Л.С., Люди и боги страны снегов. Очерк истории Тибета и его культуры. –М.: «Наука», 1975, -304с.
136. Кычанов Е. И., Мельниченко Б. История Тибета с древнейших времен до наших дней. –М.: «Восточная литература», 2005. -351с.
137. Кычанов Е.И. История Тангутского государства. –СПб.: СПбГУ, 2008, -767 с.
138. Кычанов Е. И., Завоевательные войны Чингиз-хана. // История Востока. Т. II. –М.: «Восточная литература», 1995. С. 375-384.

139. Лёве М. Китай династии Хань. Быт, религия, культура/ Пер. с англ. С. Федорова. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2005, -224 с.
140. Литаврин Г. Г. Путешествие русской княгини Ольги в Константинополь. Проблемы источников. // Византийский вестник, Т. 42, 1988, с. 35-48.
141. Литвинский Б. А. Введение/ Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье.- М.: «Наука», 1988, с.3-9.
142. Лосева И.М.. Искусство Древнего Ирана. // Всеобщая история искусств. Т. 1. – М.: «Искусство», 1956, -920с.
143. Лубо-Лесниченко Е.И. Великий шелковый путь // Вопросы истории. 1985. № 9. С. 88-100.
144. Лубо-Лесниченко Е. И. Китай на шелковом пути.- М.: «Наука», 1994, -326 с.
145. Люттвак Э. Н. Стратегия Византийской империи./Пер.с англ. –М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016,- 664 с.
146. Майтдинова Г.М. Государство Кирпанд-империя в Срединной Азии (II-начала VIII в.).-Душанбе, 2011,-135 с.
147. Майтдинова Г.М. Диалог цивилизаций в центральноазиатском ареале Великого шелкового пути: исторический опыт интеграции и ориентиры XX века.-Душанбе, 2015, -288 с.
148. Майтдинова Г.М. История таджикского костюма / Майтдинова Г. М.; АН РТ, Ин-т истории, археологии и этнографии им. А. Дониша, РТСУ. – Душанбе, 2004. – 21 с.
149. Майтдинова Г.М. Роль Кирпанда в развитии цивилизации Центральной Азии.//Мат-лы Международной научной конференции «Цивилизационный фактор на Среднем Востоке: опыт исторического взаимодействия».-Душанбе, 2007, с.177-187
150. Майтдинова Г.М. Ли Вэнгэ. Геополитика и геоэкономика сопряжения НСР-2030 Таджикистана и китайской инициативы «Один пояс — один путь. — СПб.: Нестор-История, 2025. - 376 с.
151. Малькольм Колледж А. Р. Парфяне. Последователи пророка Заратуштры. – М.: Центрполиграф, 2004. -190с
152. Малявкин А.Г. Уйгурские государства в IX-XII вв. – Новосибирск, «Наука», 1983, -297с.
153. Мамадазимов А. Политическая история таджикского народа. Душанбе, Изд-во «Дониш», 2000. -360 с.
154. Мамадазимов А. Великий шелковый путь. Вопросы становления, расцвета и распада.-Душанбе, «Сино»,2014, с.21-24.
155. Мамадназаров М.Х. Таджикистан на Великом шелковом пути. Путеводитель.-Душанбе,1999, 36 с.
156. Мейер М. С. Османская империя в XIV-XV вв. .// История Востока. Т. II. –М.: «Восточная литература», 1995, с. 493- 505.
157. Мельникова Е. А. Варяги, варанги, вэринги: сканди-навы на Руси и в Византии. //Византийский Временник, Т. 55. Часть 2. –М., «Наука, 1998 с. 159- 165.

158. Мукашева Р. Р. К вопросу о торговом пути, проходившем по территории Средней Азии в древности // Древний Восток и античный мир. – М.: МГУ, 1972, с. 12-20.
159. Мусульманский мир (950-1150). Сборник статей / Отв. Ред. Наумкин В. В. и Пиотровский М.Б. – М.: «Наука», 1981, -312с.
160. Мясников В. С. Договорными статьями утвердили. –М.: РИО Мособлупрполиграфиздата, 1996. -482 с.
161. Никольсон Г. Дипломатия. /Пер.с англ.- М.: Научная книга, 2006, с. 156.
162. Новиков С. В. Всеобщая история.-М.: АСТ СЛОВО: Полиграфиздат. 2012, -640 с.
163. Петрушевский И. П. Землевладение и аграрные отношения в Иране XIII-XIV веков. –М. –Л.: Издательство АН СССР, 1960. – 492 с.
164. Петрушевский И. П. Ислам в Иране в VII—XV веках (курс лекций). – Л.: Издательство Ленинградского уни-верситета, 1966. -400 с.
165. Пигулевская Н. В. Византийская дипломатия и торговля шелком в V-VII вв. // Византийский Временник, Т. I (XXVI), -М.: Изд. АН СССР, 1947, с.184-214.
166. Пигулевская Н. В. К вопросу об организации и формах торговли и кредита в ранней Византии // Византийский Временник, Т. IV. –М.: Изд. АН СССР, 1951 с. 84-90.
167. Пигулевская Н. В. Производство шелка в Византии и Ирана в IV в. // Византийский Временник, Т. X. – М.: Изд. АН СССР, 1956, с. 3-8.
168. Погребова М. Н., Раевский Д. С. Ранний железный век/ Восточный Туркестан в древности и раннем сред-невековье. –М., ИВ РАН, 1988, с. 156-189.
169. Процесс формирования официальной идеологии имперского Китая/ сост. Кравцова М. Е. – СПб.: Наука. 2012. -591 с.
170. Пьянков И. В. Великий шелковый путь от Гиераполя в Серику (среднеазиатский участок) по Птолемею.// Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Т.1. Очерки истории. –М. «Наука», 1988, с 212- 222.
171. Рак И. В. Мифы древнего и раннесредневекового Ирана. – СПб.: «Летний сад», 1998, - 560 с.
172. Рихтгофен Карл.«Китай. Результаты собственных путешествий» 5 томов. 1877—1911 гг.
173. Ронин В. К. Византия в системе внешнеполитических представлений раннекаролингских писателей // Византийский Временник, Т. 47. –М.: «Наука», 1986, с. 85- 93.
174. Ртвеладзе Э.В. Великий шелковый путь.- Ташкент, Узбекская национальная энциклопедия, 1999, -280 с.
175. Ртвеладзе Э.В. Цивилизации, государства, культуры Центральной Азии.- Ташкент, УМЭД, 2005, -288 с.
176. Свен Хедин (Гедин) «В сердце Азии. Памир – Тибет – Восточный Туркестан. Путешествие в 1893–1897 годах. М.: Ломоносовъ, 2010, -528 с

177. Симс-Вильямс Н. Новые бактрийские документы // ВДИ, 1997, № 3, с.3-10.
178. Смирнова О. И. Двугорбый верблюд на согдийских монетах.// Страны и народы Востока. Вып. XXV.-М.: «Наука», 1987. С. 142-148.
179. Ставиский Б. Я. О северных границах Кушанского государства// Вестник древней истории. М. 1961, № 1, с.108-114.
180. Степугина Т. В. Древнейший Китай. // История Востока. Т. 1. –М: «Восточная литература», 2009, с.192-212.
181. Степугина Т. В. Китай во второй половине I тысячелетия до х.э.- первые века христианской эры. // История Востока. Т. 1. –М: «Восточная литература», 2009, с.442.
182. Старр Ф. Утраченное Просвещение: Золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана. – Пер. с англ. – М.: Альпина Паблишер, 2017. – 574с.
183. Сэтоу Э. Руководство к дипломатическому протоколу.-М.: «Наука».
184. Сюзимов М.Д. Ремесло и торговля в Константинополе // Византийский Временник, Т. IV. –М., . Изд. АН СССР, 1951 с.11-41
185. Тангуты и Центральная Азия// Материалы между-народной конференции.- М.: «Восточная литература», 2012. -239 с.
186. Таскин В.С. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Вып. I.-М.: «Наука», 1968,с. -117 с.
187. Тиллоев С. Формирование городов Таджикистана на Великом Шелковом пути.-Душанбе, 2010, -340 с.
188. Успенский Ф. И. История Византийской империи. VI- IX вв. – М.: 1999, -827 с.
189. Успенский Ф. И. Движение народов из Центральной Азии в Европу// Византийский временник. Т. 1 (XXVI). – М.: Изд. АН СССР, 1947, с. 9-28.
190. Успенский Ф. И. Морское и сухопутное движение народов из Центральной Азии в Европу и обратно в XIII-XIV вв.// Византийский временник. Т. II (XXVII). – М. Изд. АН СССР, 1949, с. 267-275.
191. Фрай Р. Наследие Ирана. //Под ред. И с предисл. М. А. Дандамаева. Пер. с англ. В. А. Лившица и В. Е. Зеймаля. – М.: Вост. Лит., 2002. – 426 с.
192. Фурцев Р.В. Дипломатическая служба в государственной власти Венецианской республики в эпоху позднего средневековья./ Вестник МГПУ. Серия Гуманитарные и социальные науки. –М.: 2012, №5, с. 34-40.
193. Хенниг Р. Неведомые земли. Т. II./ Пер. с немецкого Е.К. Краснокутской.- М.: Изд-во ин. Литературы, 1961, -531с.
194. Хвостова К. В. Некоторые вопросы внутренней торговли и торговой политики в Византии XIV- XV вв. // Византийский Временник. Т. 50. –М.: «Наука, 1989 с. 36-46.

195. Хуршудян Э.Ш. Государственные институты парфянского и сасанидского Ирана.-Алматы: изд-во «Институт Азиатских исследований», 2015, -229с.

196. Чугуевский Л.И. Новые материалы к истории согдийской колонии в районе Дуньхуана // Страны и народы Востока. Вып. X. –М.: 1971, с.147-155.

197. Шефер Э.Х. Золотые персики Самарканда: Книга о чужеземных диковинах в империи Тан /Пер. с англ.; предисл. Л.Н. Меньшикова.- М.: Наука, 1981.-608 с .

198. Шумовский Т. А. Арабское мореплавание в пору ислама// Страны и народы Востока. Вып. 1959, с. 142-163.

199. Штейн В. М. Из истории отношений между Китаем и Индией // Советское востоковедение. 1957 № 6. С. 65-73.

200. Цветкова Н. История текстильного искусства и костюма. Древний мир. Уч. Пособие. СПб, Изд-во «СпбКО», 2010.

201. Яценко И. В., Раевский Д.С. Некоторые аспекты состояния скифской проблемы// Народы Азии и Африки, 1980 № 5, с. 102-130.

На таджикском языке

202. Балъамӣ А.Таърихи Табарӣ. Аз силсалаи «Халқҳои эронӣ дар маъхазҳои таърихӣ». Ҷ.I – Душанбе: Ирфон, 1992. – 656 с.

203. Ғафуров Б.Ғ. Тоҷикон. Таърихи қадимтарин, қадим ва асри миёна. Китоби якум.- Душанбе, «Ирфон», 1998, -704 с.

204. Мирзоев Н.М. Гулҷонов А. Таърихи муносибаҳои байналхалқӣ.-Душанбе, «Дониш», 2010.

205. Неъматов Н. Давлати Сомониён: тоҷикон дар асрҳои IX-X.- Душанбе, Ирфон, 1989, -304 с.

На английском языке

206. Frye R.N. The Samanids.// The Cambridge History of Iran. V.4. – Cambridge University press, 2008, -711 p.

207. Laufer B.Sino-Iranica. Chicago.1919.

208. Pulleyblank Edwin G. Central Asia and Non-Chinese Peoples of Ancient China. Aldershot, UK, and Burlington, VT, USA: Ashgate. 2002.

209. Stein A. Serindia, CXI.

210. Sunderman W. Mani in India// Центральная Азия и Кушанскую эпоху. – М. 1972. С. 153-156

211. The Silk Road: a History/ by Irene M. Franck and David M. Brownstone. 1986.

На немецком языке

212. Marquat J. Skizzen zur geschichtliche Volkerkunde von Mitelasien und Sibirien//Ostasiatische Zeitschrift/1920/ Bd.8.

213. Maenchen-Helfen, Otto J. (1978). Die Welt der Hunnen: Eine Analyse ihrer historischen Dimension. Vienna, Cologne, and Graz: Hermann Böhlaus Nachf.

214. Richthofen K. China. Bd. I, BRl. 1877.

Электронные ресурсы:

219. Ахмед ибн Фадлан. Книга о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. / <https://www.vostlit.info/Texts/rus16/Fadlan/text.phtml?id=6123> дата обращения 11.04.2023.

215. Глава «Искусство Аравии, Сирии, Палестины и Ирака». // Всеобщая история искусств. Том II. Искусство Средних веков. Книга II. Авторы: Б.В. Веймарн и др. - М.: «Искусство», 1961, -946с. http://totalarch.ru/art_history/middleages/arab/arabia_syria_palestine_iraq дата обращения 12.08.2020.

216. Крадин Н. Кочевники, мир-империи и социальная эволюция. // https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/krad_koch.php дата обращения 25.10.2021.

217. Насрулло Убайдулло. Инъикоси таърихи ниҳодҳои омӯзиши Вароруд дар осори академик В.В. Бартолд. // Муаррих. с.5-11. /Users/user/Downloads/inikosi-tarihi-ni-od-oi-omuzishii-varorud-dar-osori-akademik-v-v-bartold.pdf дата обращения 06.01.2022 .

218. Савельев В.А. Дарение в римском праве и в современном законодательстве. // file:///C:/Users/user/Desktop/darenie-v-rimskom-prave-i-v-sovremennom-zakonodatelstve.pdf дата обращения 20.20.2021